

А. И. Минеев

БАМБУКОВАЯ КРЕПОСТЬ

А. И. Минеев

БАМБУКОВАЯ КРЕПОСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1984

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ,
Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор

Д. В. ЛЕТЯГИН

Фото автора

Минеев А. И.

М62 Бамбуковая крепость: М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

208 с. с илл. («Рассказы о странах Востока»)

Автор, много лет проработавший во Вьетнаме, на основе личных впечатлений и литературы рассказывает о жизни, трудовой деятельности, культуре вьетнамского народа. Даются исторические и географические сведения, описываются производственная деятельность крестьян, облик вьетнамской деревни, рассказывается о культе предков и конфуцианстве, даются характеристика крупных вьетнамских городов (история, архитектура, ритм городской жизни).

М 1905020000-027
013(02)-84 104-84

ББКл8(5В)

Александр Иванович Минеев

БАМБУКОВАЯ КРЕПОСТЬ

Редактор *В. Н. Кюзадзян*. Младший редактор *С. П. Какачкиашвили*.
Художник *А. Н. Жданов*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*.
Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *И. И. Чернышева*

ИБ № 14978

Сдано в набор 05.09.83. Подписано к печати 10.01.84. А-05230. Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская № 2. Иллюстрации отпечатаны на бумаге типографской № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,92+0,84 п. л. вкл. Усл. кр.-отт. 12,08. Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 15 000 экз. Изд. № 5528. Зак. № 659. Цена 80 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1984.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда я осенью 1972 года впервые увидел под крылом «ИЛ-18» россыпи воронок на зеленой шахматной доске рисовых полей Вьетнама, разрушенный мост Лонгбьен с упавшими в Красную реку стальными фермами, то основная мысль, овладевшая мною, была: где тот источник силы, позволившей вьетнамскому народу выстоять и не склониться перед мощью врага, вооруженного арсеналом самых последних достижений техники, колоссальным экономическим и военным потенциалом. Получив назначение корреспондентом ТАСС в Ханое, я считал, что теперь-то смогу быстро познать Вьетнам. Но, выехав из аэропорта Зялам, оказавшись в окружении людей, одетых аскетически в белое и черное, катящих на велосипедах по улицам Ханоя, понял, что загадок гораздо больше, чем я предполагал, изучая Вьетнам в стенах университета. И со временем их число не убавлялось, а росло.

Века общения с внешним миром и особенно вторая половина нашего столетия неузнаваемо преобразили облик страны на Индокитайском полуострове, внесли много нового в традиционное мировоззрение и нормы жизни ее людей. Были колониальный период, длительные и тяжелые войны за национальную независимость и свободу. Вьетнамский народ победил.

На рубеже 70-х — 80-х годов в основном с советской помощью началось строительство крупных индустриальных объектов — базы новой социально-экономической структуры Вьетнама. После подписания в 1978 году советско-вьетнамского договора о дружбе и сотрудничестве небывалых масштабов достигли многообразные контакты СРВ с нашей страной. Тысячи советских специалистов нашли во Вьетнаме друзей, учеников, коллег. Социалистический строй рождает новые традиции, новые отношения между людьми.

И все же Вьетнаму присущ колорит восточной страны. На вопрос, откуда он родом, вьетнамец называет деревню предков, даже если он родился в городе. В деревню уходят его корни.

Со времени моего первого приезда во Вьетнам здесь очень много изменилось и внешне, и в глубине. Победная весна 1975 года положила конец длительному расколу страны. Новые проблемы, не менее сложные, чем в войну, возникли после объединения Севера и Юга. Многие из них восходят опять же к традициям восточной деревни. Ведь Вьетнам строит основы социализма, минуя капиталистическую стадию развития.

Более десятка лет я связан с Вьетнамом, но не берусь ответить на все вопросы, с которыми сталкивается новичок в этой стране. Я попытался только нарисовать картинку сегодняшней вьетнамской деревни, увидеть старое в новом, деревню в городе. А для этого нужно начинать даже не с Ханоя, у которого за плечами более десяти веков истории, а с деревни, где до сих пор живут около 80 процентов вьетнамцев. И лучше всего начать с колыбели вьетнамской нации — дельты Красной реки.

НГУЕН, ПОМНЯЩИЙ РОДСТВО

Пришлось долго протискиваться в неудобном, стесненном проникающими во все пустоты велосипедистами потоке машин по разбитой и пыльной дороге южных промышленных пригородов Ханоя, прежде чем перед нами открылась достаточно широкая дорога № 1 — та самая «дорога мандаринов», которая связывает Ханой и Хошимин.

Но ни о каком раздолье загородного шоссе не могло быть и речи. Шла уборка весеннего риса, поэтому даже главная артерия страны была превращена в ток для обмола зерна. Сжатые снопы кладут на проезжую часть дороги. Свежие дыбятся высокими ворохами, «обмолоченные» стелятся по асфальту одеялом. Убрыв солому обратно на обочину, крестьяне, в основном женщины и подростки, вениками сметают зерно на асфальте в аккуратные кучки.

Сплошной ток начинается от Фули, где нужно сворачивать с основной дороги в сторону Намдиня. Фули — когда-то административный центр бывшей маленькой провинции Ханам («Южная река») — важный по здешним понятиям транспортный узел. В 1972 году, когда я впервые проезжал через Фули, в путевой блокнот была сделана запись: «Это не город, не поселок, а географическое название места с изрытой воронками землей и постоянным скоплением грузовиков, ожидающих очереди перед переправой через узкую речушку».

Сейчас Фули — большой поселок с железнодорожной станцией, кирпичными и глинобитными домами. Водители проезжают через речушку по мосту без остановки, если только не намерены съехать к воде помыть машину. Рядом с Фули находится наземная станция космической связи «Лотос», благодаря которой в Ханое можно смотреть прямые телевизионные репортажи из Москвы и слышать по телефону собеседника на Тверском

бульваре, так, словно вы говорите с ним с Кутузовского проспекта.

Сворачиваем на дорогу к Намдиню и подъезжаем к переправе. Паром переносит нас на левый берег основного рукава Красной реки — в одно из самых густонаселенных мест Вьетнама — провинцию Тхайбинь. Первое впечатление — ухоженный вид селений, которые разбросаны кучками очень близко друг к другу, белые бетонные мостики через протоки и каналы, много людей и рисовых полей. Здесь, как и в окрестностях Ханоя, остро ощущаем, что такое по площади небольшая страна с населением в 50 с лишним миллионов человек. Здесь полтора миллиона человек живут на полутора тысячах квадратных километров земли и только 65 тысяч из них — в городе Тхайбинь и нескольких уездных центрах.

Вьетнамские города, как правило, не имеют даты основания. Они постепенно выростали из деревень, и временную грань, отделяющую деревню от города, определить трудно. Исключениями могут служить лишь Хайфон и Далат. Один как порт, другой как курорт были заложены колонизаторами. С относительной определенностью можно назвать время возникновения важных административных и торговых центров, таких, как Ханой, Хюэ, Сайгон. Там в сельском окружении строились военные крепости и дворцы правителей, и эти сооружения можно считать началом отсчета истории города.

Но никто не может сказать, с какого времени группу сельских общин на берегу реки Чали с рынком посредине стали именовать городом, принявшим название всей провинции — Тхайбинь. Может быть, с тех пор, когда в 30-х годах нашего века здесь поднялась серая глыба католического собора? Но не меньшие по величине и помпезности соборы можно увидеть во многих деревнях дельты реки Красной. А может быть, когда в том же десятилетии среди кустарных мастерских, существовавших в деревне издавна, был построен небольшой цементный завод?

Так или иначе, но сейчас уже и по внешнему облику это город. Собственно городские постройки его молоды, что сразу видно по архитектуре: приятные кварталы жилых «пятиэтажек», будто сложенное из пчелиных сот здание местной радиостанции, красивая современная гостиница, в номерах которой кондиционеры «Баку» создают прохладу в самые душные ночи тропического лета. Все это построено в 70-е годы, после того как прекра-

тились американские бомбардировки Северного Вьетнама. Новый Тхайбинь помогли спроектировать и построить болгарские специалисты.

Накануне второй мировой войны в провинциальном центре жило около полутора тысяч человек — меньше, чем в любой сельской общине. В 1960 году его население было уже в десять раз больше, а в 1982 году — 50 тысяч. В конце 70-х годов новый цементный завод стал ежегодно давать семь тысяч тонн продукции.

Приведенные здесь цифры стремительного роста Тхайбиня могут создать впечатление, что это нетипично молодой город древнего Вьетнама. Это не так. Я не случайно избрал темой рассказа именно провинцию Тхайбинь — в ней все самое типичное, в том числе и город. Там действуют механические мастерские по ремонту сельскохозяйственной техники и изготовлению слесарных инструментов, запчастей к велосипедам, бытовых металлоизделий. Есть небольшие кондитерские предприятия, продолжает работать открытая еще французами фабрика по перегонке спирта. Но славу Тхайбиню создают все же его мастера-ремесленники. Их руками делаются знаменитые тхайбиньские джутовые и шерстяные ковры, искусно сплетенные циновки, затейливая вышивка, кирпич, черепица.

В 12 километрах от Тхайбиня на берегу реки Тиенхынг находится община Нгуенса, с которой мы и познакомимся поближе.

«Община» и «деревня» — с далеких времен эти два обозначения существуют параллельно. Иногда они полные синонимы, но чаще нет. Деревня во Вьетнаме, как и всюду в мире, это большая группа крестьянских жилищ, стоящих рядом друг с другом. Община же — социальное и административное понятие, и она может включать в себя несколько близлежащих деревень. Именно община веками была самостоятельной и замкнутой от внешнего мира ячейкой вьетнамского общества. Перед государством она выступала как единое целое, и государство не вмешивалось в ее внутренние дела. Во Вьетнаме до сих пор бытует старая поговорка: «Императорские законы уступают обычаям деревни».

Почему «община»? Потому что примерно до XVI века у всех ее обитателей была общая земля. Она не принадлежала никому и в то же время принадлежала всем. Община отвечала перед властями страны за воинскую и трудовую повинность, платила налоги. Каждый взрос-

лый мужчина полноправно участвовал в решении внутренних проблем общины. Но вне ее он был никто.

После завоевания Вьетнамом независимости от китайских феодалов в X веке императорский двор, естественно, стремился укрепить свою власть над общиной. Правительство стало назначать своих чиновников в каждую деревню. Но они играли только роль посредников между общиной в целом и государством. Власть в общине по-прежнему принадлежала выборному совету старейшин. С XV века выборный глава общины заменил назначаемого императорским двором чиновника.

Историки разных времен написали многочисленные труды о дворцовых коллизиях, войнах, крупных общественных работах, но чаще всего не заглядывали в самоуправляемый мирок, спрятанный за зеленой стеной бамбука.

Не будем вдаваться в нюансы отношений между людьми в старой общине. Скажу только, что они представляли собой сложнейшую сеть связей, закрепленных неписаными законами. Человек в условиях этой «сельской демократии» был далеко не свободен в своих поступках. Он нес определенные обязанности перед каждой организацией, членом которой состоял. В общине таких организаций было несколько видов. Одни объединяли соседей, другие родственников, третьи составлялись по возрасту, по роду занятий. Они не подменяли друг друга, выполняли разные функции и существовали одновременно.

Однако с течением времени община и порядки в ней изменялись. Общественная земля постепенно становилась частной собственностью. Появлялись богатые и безземельные, все более сужался круг людей, которые реально управляли делами общины. Но ясно одно: традиции общинного коллективизма и привязанности к своей деревне сильны и в психологии современного вьетнамца. Даже потеряв общность земли, деревня пронесла через века психологическую общность ее жителей. Да и остатки общинной земли сохранились вплоть до аграрной реформы 1953—1956 гг. на Севере и до середины 70-х годов в северной части Южного Вьетнама. По данным реформы в ДРВ, такие земли составляли в среднем четверть обрабатываемой площади каждой деревни.

Малые общины могли объединяться в более крупные, но история не помнит, чтобы изменялись установленные издревле границы их владений. В территориаль-

ном отношении община была жесткой структурой. И сейчас она остается базовой административной и экономической единицей, кооперативы и производственные бригады создаются в рамках общины из ее исторически сложившихся составных частей.

Итак, мы сворачиваем с шоссе Тхайбинь — Хайфон и оказываемся на землях деревни Нгуенса уезда Тиенхынг.

Классические атрибуты традиционной вьетнамской деревни — это арка деревенских ворот, общинная дорога и живая бамбуковая изгородь. Они и сейчас есть в большинстве общин дельты Красной реки.

От «парадных» деревенских ворот происходит распространённый обычай воздвигать высокие арки при въезде в город, на территорию предприятия, госхоза, воинской части. Хотя такое сооружение не имеет чисто практических целей, даже во время войны и послевоенных экономических трудностей, когда и малая стройка была значительной тратой сил и средств, о строительстве солидных арок не забывали. Аркой как бы обозначают нечто единое, завершенное, самостоятельное — то, чем раньше была деревня. В годы американской агрессии арки составлялись сплошь и рядом из металлических контейнеров из-под использованных ракет «земля — воздух». Такие стоят, например, при въездах в Хадонг, Ниньбинь и во многие другие города и городки.

Общинная дорога в Нгуенса тянется вдоль берега прорытого 20 лет назад канала «Единство», соединившего реки Чали и Тиенхынг. Она давно оделась в асфальт, стала частью дороги, по которой лежит кратчайший (но не самый легкий) путь в Ханой.

Нгуенса состоит из пяти деревень, или, как их называют в Северном Вьетнаме, тхонов. Три тхона у канала «Единство» находятся так близко друг к другу, что практически слились в одну деревню. К двум другим ведут грунтовые дороги через рисовые поля.

Не всякая российская деревня может похвастаться уходящей в глубь веков родословной. Большинство вьетнамских деревень в этом смысле «аристократки». Встретивший меня в доме народного комитета общины секретарь партийной организации Нгуен Ван Тиен начал знакомить меня с деревней именно с этой родословной.

Как и все вьетнамские деревни, да и многие города, она имеет два названия. Одно, обычно более древнее, простонародное, чисто вьетнамское. Другое — официаль-

ное. Его составляют чаще всего китайские корни, потому что столетиями в высших сферах вьетнамского общества было принято пользоваться китаизированным языком. И сейчас около 70 процентов политической и социально-экономической лексики вьетнамского языка имеет китайское происхождение. Если хотят выразиться более «научно», то предпочитают употреблять китаизм. Ну, примерно, как у нас: вместо «выставки» скажут «экспозиция», вместо «сложить» — «суммировать» и т. п.

Древнее название этой общины, которое употребляется в народе и поныне, — Ланг Нгуен («деревня Нгуена»). Она названа так вовсе не по имени какого-то конкретного Нгуена. Во Вьетнаме раньше никогда населенным пунктам не давали имена людей. На это издревле существовало табу.

Было множество и других табу, связанных с суевериями. Остатки некоторых живы и сейчас. В нашем же случае речь идет о весьма распространенном табу на произнесение имени. Нельзя называть вслух имени прародителя, дабы «не выдать его злым духам». Существует разветвленная система обозначений для близких и дальних родственников. Раньше даже нарочито изменяли в речи слова, одинаково звучащие с именем отца или деда. К этому же восходит и обычай называть очень уважаемых людей не как обычно — по последнему, а только по первому элементу имени: Хо Ши Мина — «дядюшкой Хо», Тон Дык Тханга — «дядюшкой Тонем».

Обычно названия деревень восходят к чему-то увиденному первыми поселенцами наяву или в воображении. К примеру, «белый буйвол», «поваленное дерево», «красная вода». Или даются по месту расположения: «ближняя», «дальняя», «у реки». Часто названия отражают надежды и чаяния основателей: очень много населенных пунктов с именами-пожеланиями типа «десять тысяч лет счастья», «счастье и процветание».

Но, может быть, когда-то в древности эту деревню и назвали по имени семьи каких-то Нгуенов, построивших здесь первые дома. Во всяком случае, такое нетипично. Другого перевода этому слову найти трудно.

Нынешнее официальное название деревне дали в начале XIX века, когда утвердивший свою власть во всей стране феодал Нгуен Ань провозгласил себя императором Зя Лонгом. Нгуен-имя стало табу, и пришлось искать похожее, но другое слово для обозначения деревни. Для нас «нгуен» в прежнем названии и новом —

одно и то же слово. Но во вьетнамском языке, имеющем шесть тонов, они произносятся разными тонами и воспринимаются как совершенно разные слова. «Деревня Нгуена» превратилась в «изначальное поселение» или, точнее, «хижину, стоявшую здесь с незапамятных времен».

А в 1976 году произошло событие, бросившее вызов и старому порядку давать названия, и древнему табу на произнесение имени: Сайгон был переименован в город Хошимин. Имя самого уважаемого человека стало названием большого города. Это первый случай в истории Вьетнама. Отдельно от нового официального названия, не подменяя его и не споря с ним, широко употребляется будничное «Сайгон».

Что же касается названий предприятий, новых госхозов, улиц, парков в городах, то после революции 1945 года и особенно в последнее время им часто даются имена национальных героев древности и героев революционной борьбы — достаточно посмотреть на список ханойских улиц или улиц любого другого города.

Из первых элементов вьетнамских имен или, условно, фамилий самый распространенный — Нгуен. В таком большом масштабе, как целая страна, даже провинция и уезд, вовсе не обязательно, чтобы все однофамильцы были и родственниками. Другое дело в общине. В Нгуенса живут люди с 30 разными фамилиями. Самая многочисленная — Хюи, затем — Нгуен, за ней — Хоанг. Все представители одной фамилии считают себя родственниками, а их иногда гораздо больше сотни. И они имеют на это основания.

Старейшина каждого рода, а этот пост передается по наследству старшему сыну, имеет в доме бережно хранимую и переписываемую при необходимости генеалогическую книгу «зиа фа», где записаны имена предков, даты их рождения и смерти, род занятий, имена жены и детей. Раз в год, в день поминовения самого старшего предка рода, все однофамильцы-родственники приходят к алтарю этого предка, устраивают поминки. Алтарь предков, как правило, находится в доме старейшины рода.

Об этом обычае мы разговорились с председателем сельскохозяйственного кооператива Нгуенса — Хоанг Зи Хаем. Его фамилия занимает третье место в общине по числу родственников: около ста мужчин. Конечно, всех своих предков Хоанг Зи Хай не помнит, но при необхо-

димости может справиться в книге «зиа фа». Там они записаны вплоть до прадеда в 12-м колене!

Как выяснилось из рассказа Хоанг Зи Хая, из всех традиционных организаций общины родовая дошла до наших времен, претерпев меньше всего изменений. Родственные связи оказались стойкими. То, что стало этнографической редкостью у нас, совершенно естественно звучит в устах сорокалетнего человека, руководителя крупного хозяйства. Иностранцам иногда трудно понять, зачем в СРВ в трудовых договорах кроме очередного отпуска рабочему или служащему полагаются еще три свободных дня в год с сохранением содержания. И пользоваться ими он может тогда, когда пожелает.

Я тоже сначала не понимал этого, тем более что в самом трудовом договоре отделения ТАСС с вьетнамскими сотрудниками обозначен туманный довод: «по семейной надобности». И только когда секретарь-переводчик отделения Нгуен Хыу Хынг, взяв эти три дня, поехал из Ханоя за двести километров в свою деревню, он объяснил: «сбор семьи для поминания родителя». Конечно, сейчас далеко не все горожане берут положенные им свободные дни именно для этого. Предшественник Хынга, уроженец окрестностей Ханоя, успевал, отпросившись на утро, принять участие в семейном сборе и приехать на работу к обеду. Ну, а если деревня совсем не близко, то и за три дня не обернуться. Тогда поминуют дома в кругу своей малой семьи: жены, детей.

...Председатель Хоанг Зи Хай разлил в миниатюрные чашечки непременно в любой беседе чай и продолжил свой рассказ о роде Хоангов.

У всех ста Хоангов день памяти предка справляется в 16-й день первого месяца по лунному календарю. В нашем обычном исчислении он кочует между серединой февраля и серединой марта. В этот день с утра все члены большого фамильного клана собираются к дому старейшины.

Хоанги живут в разных тхонах общины. Есть несколько человек, которые по долгу службы или работы обосновались в Тхайбине и даже в Ханое. Из Тхайбиня приезжают всегда, а вот ханойские родственники — нечастые гости. Но, не имея возможности приехать, они присылают с оказией или по почте городские подарки. Раньше у старейшины рода был особый участок земли, оставленный, по преданию, первопредком в наследство всему клану. Доход с этой земли шел на организацию

поминок. Сейчас такого участка нет, все расходы на организацию поминок складываются из взносов, которые делают взрослые мужчины рода.

С утра во дворе перед входом в дом старейшины собирается большая толпа. Расставлены специально хранимые для этой цели длинные деревенские столы, на них нехитрое угощение. В передней комнате дома, где находится алтарь рода Хоангов, в старинной бронзовой курильнице с изваяниями драконов и мифических львов, которые больше похожи на собак, дымятся ароматные палочки, сизый сладковатый дым наполняет помещение. По обе стороны от курильницы в бронзовых подсвечниках горят свечи. Подсвечники имеют вид аистов, которые стоят на панцирях черепах и в клювах держат цветок лотоса.

Поминание похоже на буддийский праздник в пагоде: те же ароматные палочки, та же курильница с аистами-подсвечниками, те же съестные жертвоприношения на алтаре. Нет только бонзы в бордовой тоге, который под приглушенные, то стихающие, то нарастающие, звуки мелкой барабанной дробы нараспев читает молитву. Да и молебна, как такового, нет. Войдут несколько старушек, отвесят пять-семь поклонов, сложив ладони перед лицом, и выйдут.

Культ предков превратился просто в единственный за целый год повод собраться всем вместе, поддержать родственные связи, поговорить о семейных делах. Старики обычно рассказывают молодым о прежних временах, вспоминают передаваемые из поколения в поколение какие-то интересные истории из жизни прародителей.

Идет обмен новостями деревни, уезда. Находится время для обсуждения производственных вопросов и даже международных событий. Хоанг Зи Хай, хотя и не из главной семьи рода, занимает почетное место, как председатель кооператива. Он — гордость всего клана.

Ни танцев, ни песен на таком сборе, конечно, не бывает. Но и оживленный настрой участников не имеет ничего общего с поминками. Посидят и расходятся, удовлетворенные от общения с родными людьми. Хоанг Зи Хай считает, что люди в больших современных городах какие-то обездоленные. Живут вроде бы теснее некуда, а все равно чужие. Теряют корни...

Кроме общего предка рода каждая семья поминает своего прародителя. Алтари предков устанавливаются в доме старшего по возрасту мужчины.

Во многих деревнях до сих пор справляется веселый праздник памяти «предка общины». Но у всех жителей общины нет одного предка. Даже если бы он и был, уж в слишком глубокой древности пришлось бы его искать. Поэтому деревня чествует в этот день какую-нибудь известную историческую личность, прославившегося земляка. Подавляющее большинство таких героев общины — отличившиеся полководцы или именитые сановники, литераторы. Заслуги почти всех из них относятся к борьбе вьетнамского народа против китайских захватчиков. Если таковой в деревне был, то обязательно есть построенный в его честь храм. Около него и происходят торжества.

Так, в деревне Донгнян под Ханоем в пятый день второго месяца по лунному календарю отмечают праздник памяти сестер Чынг, поднявших антикитайское восстание в 44 году нашей эры. В родной общине моего спутника Хынга, в провинции Ханамнинь, в середине второго месяца устраивают торжества в честь первого вьетнамского императора Динь Тиен Хоанга. В тех общинах, которые история обделила известными личностями, праздник все равно есть: в честь мифического духа, покровителя деревни. Культ предков при этом переплетается с буддизмом. Красочная процессия с пляшущим бутафорским драконом движется от общинного дома (диня) к пагоде.

Но есть дни поминания, общие для всех вьетнамцев. Самый главный из них — день королей Хунгов, легендарных основателей Вьетнама. Их существование относят к IV веку до нашей эры. С давних времен и поныне каждый год десятки людей, местных жителей и паломников издалека (а в наши дни — делегаций обществности разных провинций) собираются у храма Хунг-Вьонгов в деревне Котить недалеко от Ханоя. Там находилась первая столица вьетнамского союза племен. Все это происходит в 10-й день третьего лунного месяца.

Руководители местной власти, представители правительства и Отечественного фронта Вьетнама, делегаты провинций произносят речи, славя традиции национального единства вьетнамцев, непреклонность в борьбе с иноземными захватчиками. Такие митинги, носящие политический характер, тесно связаны с сегодняшним днем, служат демонстрацией решимости нации дать отпор врагу. Мне особенно запомнились своим пафосом дни памяти королей Хунгов в 1973 году, после подписа-

ния Парижского соглашения по Вьетнаму, когда путь от Ханоя к деревне Котить лежал мимо руин и воронок от недавних американских бомбежек, и в 1979 году после изгнания китайских агрессоров.

Есть еще и другой общенациональный юбилей. Он отмечается в честь народного героя, руководителя тэйшонского восстания Куанг Чунга, или Нгуен Хюэ. В 1789 году он разгромил войско захватчиков и освободил столицу. Сражение происходило в местечке Донгда. Сейчас это юго-западный район Ханоя. Там и организуется митинг с народными гуляниями. Если обычно день памяти предка — это день его смерти, то праздник в Донгда — день победы. Он особенно любим ханойцами. Во-первых, исторический холм Донгда находится в самом Ханое, во-вторых, Куанг Чунг на боевом слоне вошел во главе своего войска в город на пятый день после наступления нового года по лунному календарю, и день памяти битвы сливается с самым большим и радостным праздником Вьетнама — древним Тэтом.

Община Нгуенса не повезло. Среди ее жителей не было великих личностей. Общинный дом — динь, как и во многих вьетнамских деревнях, был разрушен во время войны Сопrotивления французским колонизаторам. У кого я ни спрашивал, никто не помнит, какому духо-покровителю поклонялись раньше жители Нгуенса. Может быть, и есть старики, которые помнят, но с ними мне разговаривать не пришлось.

ДЕРЕВНЯ-КРЕПОСТЬ

Семейные кланы — это лишь один из элементов сложнейшего социально-политического организма традиционной вьетнамской общины. Хоть и медленно, но внутреннее устройство этого организма менялось.

Все жители деревни раньше делились на полноправных и неполноправных. Первая группа включала всех мужчин старше 18 лет, при условии, что они коренные жители деревни и имеют в ней хоть какую-нибудь недвижимость. Особым уважением и почетом пользовались старцы. Они обладали преимущественным голосом в решении деревенских дел. Каждый полноправный об-

щинник, достигнув 50—55 лет, автоматически входил в разряд старцев, становился членом совета старцев. В разряд неполноправных входила безземельная беднота и пришлые. По обычаю, в число полноправных принимали только тех, чья семья прожила в данной общине не менее трех поколений.

Очевидно, что даже в этой структуре и даже формально сельская феодальная демократия предусматривала неравенство. А если отвлечься от формальных титулов, то какое равенство могло быть между помещиком и малоземельным собственником?

Община делилась на тхоны (деревни), те, в свою очередь, — на сомы, группы домов ближайших соседей. Были еще более мелкие деления — нго, которые включали 4—5 дворов. Эти остатки традиционного административно-территориального деления живы и по сей день.

Существовала в старой деревне и очень своеобразная форма организации людей — зиап. Никто не может точно сказать, по какому принципу она составлялась. Играли здесь роль и родственные, и соседские связи, и общее поклонение какому-нибудь допотопному божеству или духу. Но главной функцией зиапа опять же была взаимопомощь. Зиап не был официальной организацией деревни, а исключительно общественной, добровольной. Интересно, что роль члена зиапа (а в него входили только мужчины) определялась его стажем пребывания в зиапе. Родители спешили записать в зиап своего малолетнего сынашку, платили за него взносы, и к совершеннолетию он имел уже больше прав, чем иной взрослый новичок.

На добровольном принципе строились группировки фе — своеобразные «клубы». В них вступали по интересам и положению. Самой престижной считалась «фе грамотеев», которая объединяла «сельскую интеллигенцию» тех времен. Ремесленники, имеющие одну профессию, собирались в фьонги (цехи), а если в деревне было мало ремесленников разных специальностей, то они создавали «союз мастеровых» — хой. Были и союзы торговцев. Они обсуждали, где и по какой цене лучше продать товары. Все эти люди деревни — «грамотеи», ремесленники и торговцы — оставались крестьянами. Их семьи занимались земледелием, да и сами они в страду выходили на поля.

Все эти сложные, многогранные коллективные связи были замкнуты здесь в рамках сравнительно небольшой

ячейки общества. Ни одна из перечисленных родовых, официальных и добровольных организаций не выходила за границы общины.

Круговая порука общинников обязана и особенностям земледелия. Нельзя вырастить рис, не построив общей ирригационной системы. Один человек не может оградить свое поле от бушующего речного потока в сезон дождей. А если дамбу реки прорвало, то всем в деревне грозит смертельная катастрофа.

Территориальные рамки взаимопомощи ограничены. Она теснее между ближайшими соседями и ослабевает с удаленностью людей друг от друга. Даже сейчас в провинции Тхайбинь поле считается далеким и невыгодным, если до него от дома один километр. Когда вьетнамская община только складывалась, то ее границы определялись стихийно, реальной возможностью наладить взаимопомощь при примитивном уровне развития производительных сил. На Юге, заселенном вьетнамцами спустя много веков, община в два, три, а то и в четыре раза крупнее северовьетнамской. И на Севере со временем происходило слияние малых общин.

Любая общность людей существует, пока в ней есть какая-нибудь необходимость, рациональное зерно. Традиции могут продлить ей жизнь. На примере Нгуенса мы видим сохранившуюся родовую организацию. Но административно община — единое целое. Тхоны, сомы и тем более нго остались территориальными подразделениями и не имеют своих отдельных органов власти. Навсегда ушло в прошлое деление крестьян на «полноправных» и «неполноправных», равные с мужчинами права предоставлены женщинам.

Полностью сломана патриархальная система управления общиной. Исчезли зиапы, фе, фыонги. Новые общественные организации не замкнуты в рамках общины, а подчиняются своим уездным, через них — провинциальным и центральным органам. Короче, организационное строение общины приобрело вполне современные формы. Но если приглядеться внимательно, то и в них можно увидеть традиционные оттенки.

Накануне Августовской революции 1945 года в общине Нгуенса 108 из 280 гектаров принадлежали 38 семьям помещиков. Еще около 70 гектаров числилось за «общинными» и «культовыми» землями. Формально они служили для пополнения фонда общины и отправления культа предков, но фактически принадлежали деревен-

ским чиновникам и родовым старейшинам. Большинство крестьян Нгуенса не имели своей земли и даже своего жилища. Они работали на чужом поле, снимали угол в чужом доме. Как ни велика привязанность к родной деревне, люди вынуждены были искать какую-нибудь работу в городе, продаваться в кули — бесправных контрактанных рабочих, вербуемых в порты, на плантации юга страны и даже на Новую Каледонию и в другие заморские владения Франции. Голод 1945 года унес 1817 жизней — почти треть населения Нгуенса.

Революция 1945 года полностью сломала старый государственный аппарат. В центре и в провинциях были созданы органы народной власти. Община не осталась в стороне от этих событий. Все крестьяне знали, что революционеры отобрали наверху власть у «тэев» (французов) и японцев. Вьетнам стал вьетнамским. Это приветствовалось и с воодушевлением обсуждалось в деревне. Мало того, что революционеры были вьетнамцами, среди них были и выходцы из общины.

Однако вихрь революции не разрушил структуру общины. Колонизаторы не могли ни проникнуть внутрь этого атома вьетнамского общества, ни сломать его по простой причине: во главе общины мог стоять только ее старожил, а никак не уроженец Брстани или Прованса и даже не офранцузившийся ханойский чиновник или буржуа. Приходилось держать деревню в руках через тех людей, которых предлагала сама деревня.

У Народного фронта Вьетминь было огромное преимущество: его кадры находились внутри самой общины, родившиеся в ней и являвшиеся как бы составной частью вещества, из которого она сложена. Революционная власть тысячами своих частичек внедрилась в ячейки деревенского общества. Политика государства в деревне проводилась как бы изнутри самих общин.

В конце 1946 года колонизаторы начали войну, чтобы вернуть утраченную колонию. Правительство ДРВ во главе с Хо Ши Мином вынуждено было вместе с Народной армией уйти в джунгли. Французские войска заняли все жизненно важные районы страны. Но фронт проходил не только в горизонтальном измерении — между освобожденными и оккупированными районами. Он перерезал и вертикаль — между оккупированным центром, провинцией, уездом и освобожденной общиной.

— И здесь тоже шли бои, — сказал партийный секретарь общины Нгуенса Нгуен Ван Тиен, когда мы про-

шли мимо строящегося двухэтажного корпуса новой школы-девятилетки. Это самый центр общины, пятаячок земли между тремя тхонами. Кроме школы на нем находится кладбище павших воинов.

В старых вьетнамских деревнях не было кладбищ в общепринятом смысле этого слова. Семья хоронила ушедших из жизни на своей земле: рядом с домом или посреди рисового поля. После двух войн сопротивления в каждой общине есть кладбище воинов: на небольшом огороженном квадратном участке — могилы, а посредине — несложной архитектуры обелиск. Он напоминает стилизованный храм — дэн, какие с древних времен воздвигали вьетнамцы в память о прославленных личностях или крупных событиях. Стереотип воинского обелиска — кирпичная квадратная в основании колонна или сильно вытянутая пирамида, увенчанная крышей с загнутыми вверх углами. На всех одна надпись: «Родина помнит о подвиге». Как и положено дэну, у основания памятника стоит курильница из гипса или бетона.

В могилах вокруг — останки людей. Обелиск в форме дэна — символическая братская могила всех павших сынов общины, в том числе и тех, кто погиб далеко от родной деревни. По традиции, прах вьетнамца должен быть похоронен в его общине. Но война диктует свои законы. Выходцы из Нгуенса пали на разных фронтах от северных гор до южных топей дельты Меконга.

Братская могила, к которой мы подошли, непохожа на обычные памятники — дэны. Это целый мемориальный комплекс, построенный недавно. В нем мало традиционного. Нигде в подобных сооружениях я не видел скульптур. Здесь же на пьедестале возвышается каменное изваяние крестьянина с винтовкой в одной руке и призывным горном в другой.

Этот обелиск — память о «партизанском отряде деревни Нгуенса», слава о котором перешагнула границы провинции Тхайбинь. После окончания войны Сопротивления французским колонизаторам президент Хо Ши Мин вручил общине Нгуенса почетное знамя «образцовой деревни Сопротивления».

Три тхона выглядят пушистыми зелеными шапками на расчлененной сотами рисовых чеков плоской равнине. Это впечатление создает бамбук, который почти скрывает за своей полупрозрачной завесой дома тхона. Вот она — живая бамбуковая изгородь деревни. Каждый тхон стоит посреди рисового поля и заросших ряской

прудов, то есть среди воды. От воды его отделяет земляная насыпь с тропинкой по гребню. Из насыпи вверх поднимаются пучки ровных и упругих бамбуковых стрел, сплетающихся воедино свои кроны из тонких остроко-
нечных листочков.

Вода вокруг, земляной вал, стена из живого бамбука — чем не крепость? Если спросить, какое самое распространённое растение во Вьетнаме, то по крайней мере для севера страны двух мнений быть не может: конечно, бамбук. Только на юге он уступает «пальму первенства» кокосовой пальме. Понятие бамбуковой изгороди не ограничивается описанной схемой живого частокола вокруг тхона. Бамбук сажают вдоль границ общин, на дамбах рек, канав и каналов. Деревенский пейзаж на равнине севера Вьетнама невозможно представить без бамбука. Из трех атрибутов традиционной деревни, о которых я упоминал вначале, при въезде в Нгуенса, самый примечательный — бамбуковая изгородь. Новый уклад жизни в деревне изменил ее вид, нарушил строгий строй посадок. Но она осталась, хотя, может быть, и не играет первоначальной роли.

Самую классическую бамбуковую изгородь вьетнамской деревни можно и сейчас увидеть во многих тхонах провинции Тхайбинь, отстоящих в стороне от дорог, не слившихся с городскими окраинами или новой застройкой центров уездов и общин. Две шеренги бамбука полукольцами опоясывают деревню от передних до задних ворот главной дороги. Бамбук старится, его срубают, когда уже поднялась новая поросль, и изгородь всегда остается зеленой. Бамбук растет плотно, закрывая деревню. С внутренней стороны — рыбные пруды, небольшие огороды, а иногда и дома вплотную подходят к изгороди. Семьи, которые живут на краю тхона, делают в изгороди прореху, чтобы не ходить вокруг. Днем калитка, сплетенная из того же бамбука, открыта. Кто знает, найдет ее. Но ночью она всегда плотно привязана к толстым коленчатым стволам.

Издrevле бамбуковая изгородь была символом замкнутости деревни. Внутри — все свои. Снаружи незваным гостям хода нет. Власть центрального правительства кончалась у земляного вала перед бамбуковой стеной. Дальше действовали обычаи общины. Во время нашествий врагов или народных восстаний деревни превращались в боевые крепости.

...Нгуен Ван Тиен подвел меня к поредевшей и пото-

му вполне проходимой бамбуковой изгороди одного из тхонов. На валу росли пучки толстого бамбука. Каждый пучок почти прижатых друг к другу трубчатых стволов был в три-четыре обхвата. Каждый из стволов толщиной в руку поднимался ввысь метров на семь, постепенно утончаясь и сходя на нет. Рядом — такие же толстые, но короткие столбики новых побегов. Толщина бамбука зависит не от его возраста, а от разновидности. Молодой побег у основания такой же толстый, как старые. Но если старый трудно поддается топору, то молодой можно легко срезать ножом. Эти молодые побеги — одно из любимых вьетнамских блюд. Чем-то напоминают по вкусу грибы. Их варят свежими, лучше всего в мясном бульоне, сушат впрок и потом, отмочив, тоже варят.

Теперь изгородь утратила роль крепостной стены. Внутри тхонов есть изгороди из тонкого низкорослого бамбука. У них — хозяйственное предназначение: чтобы не разбежались куры, свиньи.

С внутренней стороны вала, на котором мы стоим, — пруд и сразу за ним — первый домик тхона в банановой рощице. С внешней — канава. Она сливается с речкой без берегов, переходящей в рисовые поля. Здесь Нгуен Ван Тиен с отрядом сельских ополченцев не раз отражал атаки карателей во время войны Соппротивления 1946—1954 годов. Тогда бамбук рос гуще, и тхон действительно был крепостью.

— «Неотступно бить врага, удерживать деревню, обороняться и производить» — такой был в то время лозунг дня, выдвинутый для вьетнамских деревень Коммунистической партией и правительством Народного фронта Вьетминь, — рассказывает Нгуен Ван Тиен.

Этот девиз был законом жизни общины, если в ней костяк революционных кадров пользовался авторитетом и влиянием. А таких общин было большинство. Традиция круговой поруки действовала безупречно. Никто из общинников, даже жившие в деревне помещики, не осмеливался выступать против своих. Четыре или пять помещичьих семей стали сотрудничать с французами. По решению общинного совета у них сразу же была отобрана земля. Интересно, что таких людей даже не называли словом «вьетнамец». Для них существовало особое название — «вьетзиан» — предатель. Названный так человек сразу оказывался по другую сторону линии фронта, разделявшей в этой войне понятия «мы» и «они».

Рядом с въездом в общину и сейчас у дороги высит-

ся почерневшее от дождей и тропической микрофлоры бетонное сооружение с узкими бойницами. Это бывший французский военный пост «Каунгуен». От того места, где мы стоим у бамбуковой изгороди тхона, до придорожного бастиона всего 800 метров. В светлое время суток это была «спорная полоса» между бетонной и бамбуковой крепостями. Ночью противник редко рисковал выходить из своего серого бункера. Вся провинция была усеяна такими постами. Только вокруг общины Нгуенса их было 18. Самым крупным был «Су-картье донг катр». В нем дислоцировался батальон со 105-миллиметровыми пушками. Но противник контролировал только дороги, административные центры уездов и несколько деревень, где общинная верхушка, враждебная революции, имела определяющее влияние.

За годы войны отряд ополченцев общины Нгуенса, а в него входили все взрослые мужчины, дал 184 боя, уничтожил 312 вражеских солдат. Одновременно крестьяне продолжали работать на полях, выращивали рис, разводили скот. Как и в мирной жизни, община выполняла свои продовольственные обязательства перед государством: рис, мясо, рыба поставлялись регулярным силам Народной армии.

Год спустя после восстановления мира на севере страны в деревнях начались глубокие перемены, которые перевернули старые устои общины. Во время аграрной реформы 1955—1956 годов всю землю отобрали у помещиков и поровну разделили между крестьянами по числу едоков. Раздали также общинные и культовые земли. Сразу же организовали группы трудовой взаимопомощи, а в 1960 году все население объединилось в кооператив. До реформы большинство крестьян были безземельными, и за четыре года после нее частнособственническое сознание не успело перебороть традиционный коллективизм. Поэтому кооперирование прошло быстро, активно и без особых проблем.

...Мы прошли по тропинке на гребне вала вокруг тхона. Группа из десяти парней и девушек, очевидно старших школьников, занималась на одном из участков вала тем, что вкапывала в голый склон куски корней бамбука. Заброшенная и поредевшая за 20 с лишним лет бамбуковая ограда тхона восстанавливается.

Потом, проехав по дорогам провинции Тхайбинь, я увидел много таких групп молодежи, занятых посадкой бамбука. Новые ряды будущих зеленых частоколов вы-

сажены на всем 15-километровом участке дамбы Красной реки от переправы Танде до старинной пагоды Кео, вокруг прибрежных общин. В народном комитете провинции мне сказали, что только с 1 марта по 15 апреля 1982 года население Тхайбиня высадило 109 тысяч корней толстого бамбука и более полумиллиона — тонкого индийского тростника, который заполняет промежутки между бамбуковыми стволами и делает стену совершенно непроходимой.

Во время китайской агрессии 1979 года правительство обратилось к народу с призывом превратить каждую деревню в бастион сопротивления. А по традиции, понятие обороны в сознании неразрывно связано с бамбуковыми крепостями деревень. Потеря городов, дорог, заводов еще не означает потерю страны. Сдать врагу деревню — значит капитулировать.

Уже в годы войны против американских агрессоров строительство современных регулярных вооруженных сил стало ведущей концепцией военной доктрины во Вьетнаме. Регулярная армия сейчас главный оборонный щит страны. Она впитала в себя самые новые достижения военной науки. И все же Вьетнам не отказался от традиционной местной обороны. Местные вооруженные силы не только продолжают существовать, но и развиваются одновременно с регулярной армией. Каждая провинция имеет свои военные формирования, которые подчиняются провинциальным властям. В каждой общине есть свой вооруженный отряд ополченцев, которым руководит один из членов народного комитета общины. Ополченцы периодически занимаются военной подготовкой, на них возложена миссия «коллективного участкового». Они охраняют порядок и безопасность внутри общины и вокруг нее, бдительно следят за появлением «чужака» и не успокоятся, пока не узнают, кто он и чего ему нужно.

Особенно важную роль такие деревенские отряды играют в северных провинциях, близких к китайской границе. Чужой может проскользнуть через государственную границу. Но на границе общины его обязательно задержат: там всех своих знают в лицо.

Провинция Тхайбинь выходит к побережью Тонкинского залива. Не так далеко за морем — Китай. Пограничникам нелегко отличить свои рыбацкие джонки от чужих: такие же красновато-бурые перепончатые паруса, похожие на крылья летучих мышей, такие же спле-

тённые из бамбука округлые надстройки, а документы, если даже таковые есть, у всех проверить невозможно. Зато патрули деревенского ополчения прибрежных общин сразу заметят незнакомый парус, появившийся у берега среди десятков своих.

Так и получается, что регулярная армия обороняет страну в целом, ее важнейшие центры. Община же, как и в глубокую старину, защищает самое себя. Времена меняются. Сверхзвуковые самолеты раскалывают грохотом небо над Нгуенса, проносясь в сторону моря в патрульный рейд, но деревня пока не отказывается от своей живой крепостной стены.

РИС НАСУЩНЫЙ

Шум искрящейся на солнце вспенившейся воды заглушает ровный гул электродвигателя. Насосная станция втягивает в свое жерло воду из канала «Единство» и с силой швыряет ее в акведук, который здесь именуют «каналом первой ступени». Это прямой километровый желоб из глины, струной протянутый через всю южную половину угодий общины Нгуенса. Он несет воду на метровой высоте над уровнем рисовых полей. От него в стороны отходят «каналы второй ступени» — поуже и пониже. Сами рисовые поля несколько приподняты над окружающими их водоемами.

Такая система водных артерий и капилляров дает воду полям в сухой сезон. После насосной станции вода попадает на них уже самотеком. В сезон дождей излишки воды выпускаются из чеков. Только на самых далеких от главного канала полях еще приходится работать дедовским методом: перекачивать воду ковшом, подвешенным к бамбуковой треноге. А ведь еще в начале 60-х годов не было ни канала «Единство», ни сети высоких акведуков, не говоря уже о двух электрических насосных станциях, которые имеет сельскохозяйственный кооператив Нгуенса. Невозможно сосчитать, сколько людей с ковшами смогли бы конкурировать со стальным мотором, который рождает на этой плоской равнине поток, сравнимый с горной речкой. А начинали кооператив именно с ковшами.

В 60-х годах XX века история, словно совершив многовековой виток, вернулась к той самой изначальной об-

щине, где земля не принадлежала никому и принадлежала всем, где коллективным трудом крестьян земля была тщательно спланирована и разделена на соты рисовых чеков, а реки одеты в дамбы.

Канал «Единство» и оросительная система, которые строились «всем народом», дали возможность почти на всей площади собирать по три урожая в год: два рисовых и один овощной. Ведь раньше далеко не на все поля можно было подать воду в сухой сезон при всех колоссальных затратах труда. А вот и результаты: до 1960 года в Нгуенса собирали в среднем 38 центнеров пади (неочищенного риса) с гектара, а в 1981 — 75 центнеров. Облегчила труд крестьян и машинная вспашка земли. Поднялась производительность, высвободились рабочие руки, углубилось разделение труда.

Читатель спросит: а как же война? Именно в эти 20 лет он привык видеть Вьетнам в образах крестьян, убирающих рис с винтовкой за плечами, ребенка, устремившего взгляд испуганных глаз в небо, откуда падают бомбы, солдата, застывшего у зенитной установки. Все это было. Был и лежащий в руинах Тхайбинь, были разрушенные мосты, дороги и паромные переправы, были скелеты заводских корпусов. Но сколько нужно бомб, чтобы разрушить все поля и деревни?

Для Нгуенса тяготы войны были не в бомбежках и разрушенных мостах. Община кормила фронт, отдавая ему совсем не лишний рис. Находясь в большом тылу, она давала фронту людей — сильных молодых крестьянских парней, вступавших в совершеннолетие. Она вынуждена была кормить и их семьи, в которых часто оставались только престарелые родители. Деревня вынесла на своих плечах бремя войны, благодаря тому коллективизму, который спаял людей в кооперативе, заставляя делить чашку риса с неспособными работать. Трудности в этих условиях каждый считал естественными. Солдаты, выходцы из деревни, воевавшие на далеком фронте, незримо присутствовали в общине.

Но каналы давно построены, война кончилась, мирная жизнь стала ставить новые вопросы.

— Тут мы столкнулись с проблемой материальной заинтересованности, — рассказывает секретарь Нгуен Ван Тиен. — Естественно, крестьяне захотели жить лучше. Раньше, во время войн, никто не считал, больше или меньше он получит за свой труд. Все жили одинаково, хотя работали, конечно, неодинаково — каждый в меру

своих сил. Был своего рода военный коммунизм в рамках общины. И это оправдывалось. Но в мирное время такая система изжила себя. Поэтому по решению партии мы начали с 1979 года применять оплату труда по конечному продукту с порученного участка, иначе говоря, подрядный способ.

На новую систему организации и оплаты труда перешли к 1982 году практически все кооперативы в Северном Вьетнаме. Она изменила весь уклад жизни и отношений в деревне, усложнив их, оттеснив уравниловку. Четче проступили грани между тхонами, сомами и отдельными дворами.

Магическое слово «кхоан» («подряд») — участок или определенный вид работы, закрепляемый за бригадой, семьей — с 1979 года десятки раз мелькает на страницах любого номера газет. В статьях, очерках, коротких заметках, основополагающих политических докладах показывают чуть ли не чудодейственную его силу, в то же время замечают рождаемые им новые проблемы, спорят. Но, так или иначе, система «кхоанов» стала реальностью, исходя из нее строятся отношения сегодня в большинстве вьетнамских деревень.

В сельскохозяйственном кооперативе Нгуенса после введения новой системы урожайность одного гектара рисового поля выросла с 75 центнеров в 1981 году до 98,5 центнеров в 1982 году при тех же погодных и прочих условиях. Поэтому оставим в стороне оценки и посмотрим, что это такое.

В Нгуенса живут 1624 человека в трудоспособном возрасте, или, как здесь принято называть, «основных работников». Из них 1174 заняты в сельском хозяйстве. Они разделены на пять земледельческих бригад. Земля общая для всего кооператива, но каждая бригада состоит из жителей одного тхона. Все члены производственного звена — соседи по сому. Традиции соседской взаимопомощи были учтены с самых первых дней создания кооператива. Так что дети членов одного звена, вырастая, начинают работать в том же звене.

Раньше оплата производилась по трудодням. Трудодень выводился из общего итога работы всего кооператива. Сейчас кооператив на три года закрепляет землю за каждой бригадой и определяет твердое задание по сдаче продукции в общую кооперативную копилку, исходя из количества и качества земли, числа работников. Руководство бригады-тхона на тех же принципах рас-

пределяет участки между звеньями-сомами, а те — между крестьянскими дворами.

Каждая семья обязана сдать определенную для нее долю урожая в фонд звена, и так далее. Все, что выращено сверх этой нормы, крестьянин оставляет себе, может продавать или обменивать через потребкооперацию на промышленные товары. Из всего собранного у крестьян продукта кооператив сдает заранее заданный объем государству, формирует общественный фонд. При расчете с кооперативом крестьяне часть риса заменяют мясом из приусадебного животноводческого хозяйства.

Каждая семья в звене и каждое звено в бригаде связаны все той же круговой порукой. Даже если кто-то не выполнил норму, весь коллектив должен отчитаться перед кооперативом сполна. Чисто соседские отношения между жителями тхона или сома наполнились и экономическим содержанием.

Сразу же возникает вопрос о неравенстве: земля распределяется по работникам, но в одной семье — муж, жена и двое взрослых детей, а в другой — одна солдатка, старая мать и девять малолетних ртов, в третьей вовсе ни одного работника, а только старики, чьи дети погибли на войне или служат далеко от родных мест.

Конечно, полного равенства здесь нет. Кто-то получает больше, кто-то меньше. Но община в разумных пределах сглаживает эти различия, причем особой заботой пользуются старики, семьи павших воинов, инвалидов войны, военнослужащих. Если в семье мало работников и много едоков, то на работника выделяют чуть больше земли, чем в среднем, а норму обязательной сдачи урожая кооперативу устанавливают ниже. В семье крестьянина Хоая из первой бригады работают только он сам и жена. А детей у них девять душ, и все маленькие. Этой семье вместо обычных 4300 квадратных метров рисового поля выделили 5500. Как правило, муж и жена справляются с работой, а если нет, то на помощь приходят родственники, да и старшие дети-школьники не сидят сложа руки.

На еще более льготных условиях выделяют землю семьям павших воинов, инвалидов и солдат. Конечно, дают столько, сколько им под силу. По сути дела, их поддерживает кооператив из своих общественных фондов. Тем семьям, где некому работать на поле, дают для ухода кооперативный скот, поручают посильную работу на дому.

Все без исключения семьи имеют приусадебные хозяйства: в кооперативе — только рисовые поля, на которых зимой сажают также и овощи. Маленькие сады, огороды и рыбные пруды принадлежат лично каждой семье, и доход с них получается немалый: до 75 процентов всех поступлений в семейный бюджет.

Задаю председателю Хоанг Зи Хаю вопрос: «Если так, то не возникает ли тяга больше времени и труда отдавать приусадебному хозяйству, а не кооперативному полю?» И сразу же понимаю его абсурдность: на личном участке нет риса, а как можно прожить без основ основ? Покупать его по рыночной цене невыгодно, проще получить за работу в кооперативе.

Если земля раздается на три года в распоряжение отдельных семей, то в чем же заключается роль кооператива? А в том, что из восьми звеньев цепочки, протянувшейся от необработанного поля до жатвы, только три поручаются крестьянской семье, а пять обеспечивает кооператив в целом.

В правлении кооператива на стене висят план сельскохозяйственных угодий и таблица сроков работ в зависимости от сорта риса и категории земли. Вот, например, сорт «нонг нгип-27». Его выращивают в течение основного, осеннего цикла полевых работ на севере Вьетнама. Начнем с графы «сев». В ней отмечено число — 25 мая.

В это время только кое-где начинается уборка весеннего урожая, и поля покрыты золотом созревших колосьев. Пока крестьяне готовятся к жатве, специализированная бригада кооператива начинает высев отобранных семян в грядки, которые в Нгуенса занимают 5 гектаров. Они особенно тщательно обрабатываются, выравниваются. Земля должна быть достаточно влажной, но не покрыта водой. Предварительно пророщенные в бамбуковых корзинах семена разбрасываются по мокрой поверхности, и скоро всходы покрывают грядки плотной светло-зеленой щеткой. Выросшая на пяти гектарах рассада будет высажена на 137 гектарах. Бригада, которая занимается семенами, на это время освобождается от других работ и получает особую плату от кооператива.

Пока рассада подрастает, а это занимает примерно месяц, часть полей освобождается в ходе жатвы от спелого весеннего риса, их снова заливают водой. На низких полях жнецы работают прямо в воде, но в Нгуенса

большинство чеков на время жатвы высушиваются. Распределение воды на поля — это тоже дело кооператива. Насосные станции работают на полную мощность. В этот сезон многие города, даже Ханой, часто испытывают перебои с электроэнергией: ток идет в деревни. В Нгуенса на случай отключения от сети у каждой из двух электрических водокачек есть дизельный дублер. Эта техника входит в основной фонд кооператива. Специальная бригада следит за равномерным распределением воды по всем чекам.

Рослый, сильный и умелый пахарь всегда был в деревне самым ценным работником. В старину, если он даже не имел своей земли, это не принижало его положения в общине. Далеко не каждый умел точно на глубину 8—10 сантиметров вспахать поле сначала вдоль, а потом поперек, налегая на плуг и шествуя почти по колено в воде. Жена при этом обычно направляла и погоняла буйвола. Не все крестьяне могли нанять такого квалифицированного пахаря. Стоило это дорого. Но если своего буйвола не было, то выбирать не приходилось. В Нгуенса и до революции были специализированные бригады пахарей. Их нанимали помещики. Мелкий землевладелец старался обойтись своими силами.

Сейчас в кооперативе Нгуенса тоже есть специальная бригада пахарей и 150 буйволов. Обычно времени на пахоту и боронование мало. Тогда в уездной МТС нанимают тракторную бригаду. Она работает круглые сутки в три смены. В 1980 году тракторами была вспахана половина всей земли общины. Остальное пахали на буйволах. Председатель Хоанг Зи Хай сказал мне, что кооперативу выгоднее не прибегать к помощи «стальных буйволов». Если сроки не поджимают, то целесообразнее обойтись живыми. Как ни дорого ценится труд пахаря-профессионала, он пока дешевле бензина и прочих расходов на технику.

Итак, наступает 25 июня. Пока кооператив готовил семена, рассаду, заливал водой поля, пахал и бороновал, крестьянские дворы, звенья, бригады заканчивали жатву на закрепленных за ними участках, молотили зерно, свозили положенную долю в «общий котел», занимались домашними делами, ездили в город на базар и к родственникам, играли свадьбы.

Теперь наступал период, когда закрепленные за ними поля вновь превращались как бы в «собственность» каждой семьи. Пришла пора высадки рассады.

В это время белоснежные облака начинают расплываться клубами вверх, поднимаясь от горизонта десятками Эверестов. По вечерам в них прыгают длинные змейки молний, воздух густеет до предела, обволакивая людей липкой влагой и, наконец, все вокруг скрывается за пеленой тропического ливня.

Начало сезона дождей — сигнал к высадке рассады. Но если он задерживается или наступает «вяло», как, например, в 1983 году, то нет большего горя для крестьян. Спасти может только хорошая ирригационная система с механическими водокачками, как в Нгуенса.

«... Взрослые мужчины во главе с самым почтенным старцем вышли почти на сухое поле. Они были одеты, как будто шли в пагоду на праздник рождения Будды: в бордовых аозаях и в таких же повязках-тюрбанах вокруг головы. В руках у них были бамбуковые палки, а на глазах слезы. Они царапали сухое потрескавшееся поле палками, будто гребли по реке на большой пироге, а старец шамкал что-то в сторону неба, прося у него дождя».

Эта картина так глубоко отпечаталась в детском воображении председателя Хоанг Зи Хая, что отчетливо предстает перед ним и сейчас, более тридцати лет спустя. В то лето 1945 года небо не дало вовремя дождя. Рисовая рассада в тесных грядках переросла и стала увядать. Кое-кто в отчаянии пытался ковырять плугом сухую землю и запихивать в нее пучки рассады, надеясь, что вот-вот хлынет спасительный ливень. Но зеленые пучки желтели, так и не дождавшись воды. Тогда и вымерла треть деревни...

Итак, началась высадка рассады на поля. Женщины, подростки, старики — все, кто есть в семье, выстраиваются шеренгой в воде и начинают двигаться к противоположному концу чека. Мужчины в это время обеспечивают их рассадой. Один из них стоит у семенной грядки и с силой выдергивает из нее стеблей по тридцать разом, резким движением ударяет пучком по бедру, освобождая корни от налипшей грязи, связывает пучок соломой и кладет в круглую бамбуковую корзину. Корзина наполняется, за ней вторая, и кто-то из семьи относит их на бамбуковом коромысле «гань» к своему полю.

Даже у подростков движения быстрые и уверенные, словно они родились с навыком сажать рис. Отступая примерно на две ладони от уже посаженных, они лов-

ко втыкают в жидкую землю пучки по четыре стебля. Работа начинается примерно с шести утра, когда становится светло. В одиннадцать, с наступлением самой жары, делают перерыв на обед и отдых. И потом примерно с трех работают до шести вечера. Этот сложившийся веками распорядок дня превратился в устойчивый биоритм. Я помню, как в 1974 году ханойским рабочим и служащим трудно было привыкать к новому режиму: с восьми утра до пяти вечера с часовым перерывом на обед. По-моему, и до сих пор не все привыкли.

Целыми днями до конца посадки приходится согнувшись стоять почти по колено в воде. Летом она теплая, а вот весенний рис сажают, когда в ней всего градусов десять-пятнадцать. Для высадки весеннего риса собираются женщины помоложе и девушки-подростки. Вьетнамки отличаются в молодости хрупкостью сложения. Поэтому так смешно толстят ноги облегающие чулки-сапоги из порыжевшей от ила грубой парусины.

Сорт «нонг нгип-27» созревает примерно через 130 дней после высадки. Жатва наступает в середине ноября. Все это время семья ухаживает за своим участком. Уход заключается в прополке, защите от птиц и сельскохозяйственных вредителей. Специализированные бригады кооператива занимаются приготовлением удобрений из болотной ряски, ила и навоза, по очереди обходят поля общинников с похожими на акваланги распылителями инсектицидов. Группа ирригаторов постоянно следит за уровнем воды в чеках.

И вот наконец наступает жатва. На лицах людей улыбки. Даже не совсем удачный урожай — все равно радость. Наточены едва изогнутые серпы, смазаны втулки у колес телег. Вся другая жизнь в деревне замирает: затухают сельские печи для обжига кирпича и черепицы, пустеют кустарные мастерские, отменяются занятия в старших классах школы, глохнут моторы водокачек.

В эту пору кооператив как бы на время перестает существовать. Все, включая рабочих специализированных бригад и мастеровых, работают на своем поле, а если его нет, то на поле ближайших родственников или помогают слабым дворам. Спелое зерно держится в колосе всего пять-шесть дней, и никто не хочет потерять в последний момент выращенный с таким трудом рис.

Все это повторяется дважды в год: почти на всей площади Нгуенса собирают по два урожая риса. Сроки

работ для каждого сорта разные. Примерно на четвертой части полей получается большой перерыв между уборкой осеннего риса и высадкой весеннего. С них успевают собрать еще и зимний урожай: батат, картофель, бобовые, овощи и всевозможные травы. Как и многие другие южные народы, вьетнамцы не обходятся в пище без приправ. Они и придают белому рису аромат и вкусовые качества. Овощной сезон на Севере Вьетнама — зима и весна. Потом овощей становится все меньше и меньше, царь полей рис завоевывает всю землю.

И так из года в год. Община-кооператив кормит себя, выполняет долг перед государством. С одной стороны, это довольно крупное коллективное хозяйство. Все в нем подчинено общим интересам. Но, с другой стороны, из тысячи с лишним пар рабочих рук только 290 состоят в специализированных бригадах и получают доход из общего фонда кооператива. Другие похожи на арендаторов, получивших на три года свой собственный клочок земли. Собственный не только по содержанию, потому что они арендуют его у кооператива, то есть у самих себя, но и по форме, потому что собирают колосья от тех самых стеблей риса, которые сто тридцать дней назад посадили своими же руками.

Пять человек, избранных в правление кооператива, не столько управляют, сколько направляют. Они делят землю между дворами, устанавливают долю, которую нужно сдать в общий котел, перераспределяют доход в пользу слабых, представляют весь коллектив крестьян в отношениях с государством.

Нужно ли выискивать во всем этом отголоски традиции? Каждая традиция приспособляется ко времени. Старая община тоже не была неизменной во все века ее существования. Так же, как в древности, ни у кого не возникало мысли строить дамбу реки в одиночку, сейчас никто не откажется от электрической водокачки в пользу черпака. Но идея получить на три года свой постоянный участок поля сразу вызвала самый горячий энтузиазм крестьян. Всего за два года средняя урожайность в провинции выросла на 10 процентов, сократились потери, ускорились сроки работ. Многие относят это к психологии крестьянина как мелкого собственника. Но и тут не все так просто. Коллективизм не размылся, а, наоборот, стал еще ощутимее, проявляясь поэтапно: семья, звено-сом, бригада-тхон, кооператив-община,

И тут интересный парадокс, о котором поведал мне член народного комитета провинции Тхайбинь, ответственный за сельское хозяйство, Нгуен Ван Хыонг. От системы «кхоанов» отказываются... самые передовые хозяйства провинции, самые богатые кооперативы, например известный на всю страну Вутханг.

Закреплять участки за отдельными дворами — вовсе не простое дело. Трудно удовлетворить стремление крестьян к полной справедливости. Если уж делить, то всем одинаково и хорошей и плохой земли, и двухурожайной и трехурожайной. Следствие — дробление поля на мелкие участки, разбросанность земель одной бригады по всей общине. Когда большая часть работ выполняется вручную, это не так уж важно. Но как быть знаменитому кооперативу Вутханг с его большими специализированными угодьями, механизацией, развитым разделением труда в масштабе всего кооператива? Он перерос средний уровень сегодняшней деревни и требует иной организации. Дух коллективизма действует здесь уже в рамках всей общины, без промежуточных ступенек.

ДВОР С АРЕКОВЫМИ ПАЛЬМАМИ

«Мой дом — моя крепость» — это изречение никак не подходит к дому крестьянина Нгуен Нью Ханя. Не потому, что дом неказистый. Как раз дом-то хороший, да еще и не один. Если в нашем привычном понимании «двор» обязательно предполагает забор, то границы дворов в тхоне обозначены символическими и иногда только самим сельчанам понятными признаками.

Увидев незнакомца или прослышав о нем, к крыльцу дома старика Ханя сразу невесть откуда сбежались около двух десятков детишек. Быстрота, с которой они собрались у дома, объясняется отсутствием в деревне заборов. По той же причине маленькие деревенские проказники не знают таких общеизвестных соблазнов, как залезть в чужой сад. Младшее население общины свободно переливается в течение дня из двора во двор, к дороге, к речке — по мере появления там или здесь чего-то интересного. Но воровство, даже такое невинное, как несколько бананов в чужом дворе, полностью исключено. Табу на воровство воспитывается с детства. Во-первых, все в тхоне свои — знакомые, а часто и род-

ственники. С ними жить да жить. Во-вторых, крестьянский ребенок в том возрасте, когда складывается его характер, ни секунды не бывает один. Вьетнамские дети — это всегда ватага. Младшие, пока не могут ходить, висят на боку у старших, и никогда, особенно в деревне, не бывает компаний, где одни лишь мальчишки-ровесники. Все всегда вместе — от мала до велика, мальчишки и девчонки. Одним словом, строго наказуемое общиной воровство не может быть скрыто. Но это не значит, что традиция сама по себе превращает такое табу в национальную черту. Иначе зачем тогда общине так тщательно отгораживаться от чужих?

Главный страж порядка внутри деревни не какой-то местный «участковый», а знающее все обо всех общественное мнение.

...Нгуен Нью Хань встретил нас на крыльце своего добротного дома перед дверью в переднюю комнату. Она почти всегда открыта, и между главным помещением жилища и улицей не существует прихожей, сеней или чего-то в этом роде.

Взглянув только на многочисленные вазы из старого вьетнамского и китайского с сине-белым кобальтовым рисунком фарфора, я сразу сделал вывод, что их стоимость, пожалуй, дороже, чем сам дом. Кроме коллекции фарфора внимание привлек большой с искусной резьбой топчан из черного дерева. Все остальное было более современное: зеркальный трельяж, разрисованный по краям яркими лубочными птицами и цветами, иероглифами, обозначающими счастье, благосостояние, долголетие и т. п., часы в деревянном корпусе, заводимые массивным ключом, радиоприемник с магнитофоном и двумя висящими на стенах акустическими колонками японского производства примерно середины 60-х годов. Судя по всему, трельяж, часы и стереосистема появились здесь из Южного Вьетнама после 1975 года. Были здесь и вентилятор, и термос для чая, и велосипед, что входит в число предметов первой необходимости.

Обеспеченность велосипедами и вентиляторами служит в деревне главным показателем роста благосостояния народа. В этот разряд постепенно входят радиоприемники и, наверное, скоро начнут входить телевизоры, а вслед за ними холодильники. Пока же в народном комитете общины мне с гордостью называют цифры: перед революцией вентиляторы были не у всякого помещика, а сейчас их имеют шестьдесят процентов семей;

раньше в общине насчитывалось десятка два велосипедов, теперь — в среднем по два в каждой семье. Здесь это вовсе не предметы роскоши или спортивный инвентарь, а товары повышенного спроса.

Старик Хань, расспрашивая меня о жизни в Советском Союзе, не преминул озадачить вопросами: у всех ли в СССР есть велосипеды и вентиляторы, производят ли термосы, лучше ли они китайских или японских. Эти предметы, как ткань и одежда, служат для Ханя самой авторитетной визитной карточкой страны, где достигнут высокий уровень жизни населения.

В фарфоровом с серебряной отделкой кальяне забулькала вода, и Нгуен Нью Хань сделал глубокую, единственную затяжку крепким «лаосским зельем». Дым от этой травы, которую курят во Вьетнаме в часы отдыха и мужчины, и пожилые женщины, на мгновение скывывает легкие. В последние годы в городах ее вытесняет табак, но из-за огромного спроса и ограниченного предложения он слишком дорог. Кальян — обычный спутник послеобеденного чая, дружеской беседы. Но не у всякого есть такой, как у Ханя. Обычный кальян — это просто бамбуковая трубка диаметром сантиметров пять. Такой дорогой, как у Ханя, в старые времена слуга носил вслед за господином — помещиком или чиновником. Почему траву называют «лаосским зельем», никто не знает. Может быть, это просто созвучие, которое к Лаосу никакого отношения не имеет. Издавна соседние с Тхайбином Намдинь и Хайзыонг славились плантациями этой травы.

Кальян, вазы, резной топчан и другие предметы, которые делают дом Ханя похожим на музей, раньше принадлежали помещику. На его земле работали родители Ханя, как и большинство крестьян Нгуенса, не имевшие своей. И жили в соломенной халупе тоже на правах квартирантов: свой дом можно было построить только на своем участке. Так было до революции 1945 года. Началась война Сопrotивления французским колонизаторам — и Хань вместе со старшим братом ушли в армию Народного фронта Вьетминь.

В память о тех временах на стене, на самом видном месте, висит в деревянной рамке под стеклом наградной лист. Такие же листы в таких же рамках можно увидеть во многих вьетнамских домах. В них указано, каким орденом или какой медалью награжден обитатель дома. И очень часто в них читаешь слово «посмертно».

Такой лист — визитная карточка дома, говорящая о заслугах семьи.

Братья вернулись из армии, когда в деревне заканчивалась аграрная реформа. Отобранные у помещиков земли и имущество делили между крестьянскими семьями. Имущество было разное: кому — плуг, кому — многоведерный глиняный сосуд для воды, кому — мебель. Больше пользовались спросом предметы практического предназначения. Хань, как человек с заслугами, мог выбирать. И выбрал фарфоровые горшки, которые радовали глаз, и только. Жизнь с детства в грязной хижине родила какое-то обостренное стремление к красоте. Так что нынешняя музейная коллекция — своеобразный «военный трофей».

Семье распределили по пять шао (1800 квадратных метров) рисового поля на каждого из двух работников и маленький участок в тхоне для строительства дома. Родители умерли, братья обзавелись семьями и теперь считаются двумя отдельными дворами, хотя дома их стоят на том же общем островке сухой земли тхона. Старшему принадлежит большая часть сада, а Ханю — несколько деревьев, рыбный пруд и свинарник. Дом, сад, пруд, свинарник Ханя — все это занимает площадь в один шао или 360 квадратных метров. Поэтому, когда возникла необходимость расширять жилье для подросших детей, Хань рядом со своим главным одноэтажным домом соорудил кирпичную «пристройку» в два этажа.

Нгуен Нью Ханю — 60 лет, и он работает на рисовом поле лишь в уборочную страду. Кооператив поручил ему управление зерновыми складами. Кроме того, они с женой занимаются разведением свиней в личном хозяйстве, каждый год поставляют кооперативу приплод от свиноматки. Норма — 8 поросят в год, а остальное можно продавать по высоким рыночным ценам.

Поскольку сам Хань считается «вспомогательным работником», за ним лично не закреплен кооперативный участок. Но за семьей закреплен. Это «кхоан» старшего сына: восемь шао десять тхыоков (примерно треть гектара). С каждого шао кооперативу по низкой цене нужно продать за полгода 120 килограммов падди, а они в 1981 году, например, в осенний урожай собрали по 150. Следовательно, остается примерно 240 килограммов падди, или, после очистки, 180 килограммов риса. На семейных едоков этого мало. Но выручает домашняя свиноферма: каждый килограмм мяса приравнивается в кооперативе

к пяти килограммам риса, а живые поросята ценятся еще дороже. Поэтому в год излишки продовольствия, а они здесь исчисляются в пересчете на рис, а не на деньги, составляют 700—1000 килограммов. В общем, семья не жалуется на жизнь.

Восемь членов семьи, но семь едоков — как это может быть? Хань перечисляет: он и его жена, двое младших сыновей-школьников, старший сын с женой и двумя детьми и еще один сын — рабочий механического завода в Ханое. Он-то и есть «тхоат ли» — член семьи, не живущий в общине. Оба старших сына служили в армии, а после демобилизации один вернулся в деревню, другой стал рабочим в городе. Но пока Нгуен Нью Хань жив, «городской» сын все равно считается членом его деревенской семьи. Такие «мертвые души» есть почти в каждой семье, и раньше они даже не исключались из списков общины. Теперь во избежание путаницы общинный народный совет не включает «тхоат ли» в число жителей деревни, но и не лишает их «прописки». В любое время они могут вернуться, вступить в кооператив и получить участок.

Семья старшего сына живет вместе со стариками и ведет с ними общее хозяйство. Большая семья обычно не делится, пока жив ее глава. Вообще в Нгуенса действует правило: малой семье можно «отпочковаться» от большой только в том случае, если последняя насчитывает не менее десяти человек.

Выйдя из дома Нгуен Нью Ханя, я сразу же увидел его старшего брата. Он сидел на корточках перед крыльцом своего дома и просеивал падди, рассыпая его для просушки по домашнему току — площадке двора, мощенной кирпичом. Насколько братья были похожи внешне, настолько отличались по характеру, Нгуен Нью Шао оказался прямой противоположностью сдержанного и степенного Ханя. Он быстро и охотно реагировал на вопросы, пересыпая свои ответы многочисленными подробностями и отступлениями. Рассказал, что просеивает падди перед тем, как везти на кооперативную рисорушку. Рисорушка электрическая, и за очистку надо платить, но очень немного. Поэтому он только в редких случаях пользуется старым способом — очисткой вручную между двумя каменными жерновами.

Дом Шао — такой же кирпичный и аккуратный, только без двухэтажной пристройки. В семье всего пять человек, но и доход поменьше, чем у младшего брата.

Передняя комната обставлена скромнее, зато в ней есть алтарь предков: Шао — старший, и день поминания отца устраивается у него. Деда поминают у старшего из двоюродных братьев, и так далее.

Гордость личного хозяйства Шао — примерно десяток хлебных деревьев «мит». Когда-то в детстве я думал, что достаточно плод хлебного дерева сунуть в печь, как он превратится в булку. И очень удивился, когда впервые попробовал скользкую, сладкую и, по мнению многих, дурно пахнущую мякоть «мита» и открыл для себя, что ничего общего с хлебом она не имеет.

Флодов, которые растут не на ветвях, а прямо на стволе, было много. Шао повел меня к самым крупным. Поглаживая их по зеленой пупырчатой поверхности, он называл предполагаемый вес: этот три с половиной, а этот все пять килограммов.

В отличие от бананов и папайи — дынного дерева «мит» высоко ценится на сельском рынке и пользуется большим спросом. Бананы и папайя есть у всех во дворе, а хлебное дерево не у каждого. Только на рынках крупных городов благодаря иностранцам, вкусы которых несколько отличаются от вьетнамских, бананы и папайя по цене соперничают с «митом».

И еще один фрукт, совершенно не покупаемый иностранцами, имеет большую цену у вьетнамцев и дает хороший доход хозяйству Шао. Это плоды арековой пальмы. Во дворе братьев Ханя и Шао шесть таких стройных красавиц, с гроздьями плодов поменьше куриного яйца.

Рядом с арековой пальмой сажают бетель, а часто вьюнок опутывает половину ее голого ствола. Кусочек мякоти арекового плода, завернутый вместе с известью, а иногда еще и табаком или «лаосским зельем» в лист бетеля, — это и есть та жвачка, которая непременно упоминается в любом романе вьетнамского писателя, даже если речь идет о совсем недавнем прошлом. Вьетнамцы жевали бетель с ареком испокон веков и поэтому связали с ним красивые легенды, присвоили ему чудодейственные качества, сделали его ритуальным атрибутом. Без порции бетелевой жвачки неприлично было приходиться в гости, на церемонию памяти предка, на похороны, к мандарину с прошением. В скромном крестьянском быту она была лучшим подарком. А уж сватовство без бетеля никак не обходилось. Если в доме невесты начали жевать его при сватах, это означало: «Предложение

брачного союза принято». Ни слова о свадьбе, но все ясно. Собеседники могут обмениваться улыбками и воздавать похвалы друг другу, но отвергнутый бетель — тактичный отказ.

Времена изменились, свадебный обряд упростился и осовременился. Деревенские юноши и девушки из разных тхонов и фамилий имеют возможность познакомиться задолго до сватовства и определить свой выбор. Свадьба организуется сельским комитетом молодежной организации, а регистрация происходит в народном комитете общины.

Но первый приход сватов в дом невесты все равно называется «приношением бетеля». Для этой-то цели и растят Хань и Шао в своих дворах арековые пальмы. Название осталось, но среди подарков это снадобье играет сейчас чисто символическую роль.

В Ханое можно увидеть только глубоких старух, жующих бетель. Эта привычка еще диктовалась своеобразными представлениями о красоте. Поэтому и была больше присуща женщинам. Современные вьетнамки даже в деревне красоту понимают по-новому. Надо отметить, что эволюция эстетических воззрений развивается в сторону принятия интернациональных, «европейских» привычек.

Вот, к примеру, обычай красить зубы в черный цвет. Эта долгая процедура, связанная с множеством неудобств, еще в первой половине нашего века была почти неизменной. Как только у ребенка вместо молочных вырастали новые зубы, их в несколько приемов покрывали прочным слоем натурального шеллака и других растительных смол. В то время вьетнамский писатель Фан Ке Бинь, перу которого принадлежат ценные труды о старых обычаях, писал, что женщины для красоты красили зубы ежегодно вплоть до 30 лет. Фан Ке Бинь уже тогда замечал, что представления о красоте меняются, и предрекал угасание этого обычая. В последние годы нигде во Вьетнаме я не видел девушек с крашеными зубами. «Наверное, когда-нибудь белый цвет зубов будет считаться в народе таким же красивым, как сейчас черный», — писал Фан Ке Бинь. Так оно и есть.

Будут ли дальше редеть рощи арековых пальм во вьетнамских деревнях по мере отмирания привычки жевать бетель с ареком? Гадать еще рано. Пока же арековая пальма — это, можно сказать, часть национального архитектурного облика вьетнамского села.

...Брошенная в пруд горстка жмыхов рождает бурун. Нгуен Нью Шао подсовывает под этот водоворот сачок, и вот уже в нем бьются два красавца-карпа килограмма по три каждый. Они пойдут на обед. Рыбу вылавливают нечасто — только по особенно знаменательным для семьи дням или по случаю прихода гостей. Как и арековые пальмы, овощная грядка или хлев, рыбный пруд во Вьетнаме — обычная принадлежность крестьянского хозяйства. Общая площадь таких водоемов в стране превышает 50 тысяч гектаров. Кроме того, для разведения рыбы используют 84 тысячи гектаров заливаемых рисовых полей, особенно на юге, где летом поля покрываются водой на большую глубину и надолго.

Глядя на то, как Шао отлавливает аппетитных карпов, каким могли позавидовать и мои земляки-астраханцы, я вспомнил поездку в селение Майтяу, что находится в горной долине километрах в ста пятидесяти к западу от Ханоя. Оно населено людьми народности тхай. Мы сидели на решетчатом, отполированном до блеска бамбуковом полу свайного дома за горшком сладковатого и слабого спиртного напитка «кан», потягивая его через длинную бамбуковую «соломинку», и вели неспешный разговор с хозяином. Я заметил странный орнамент, едва проступавший на стенах в сумрачном мерцании домашнего очага. Сначала решил, что это коллекция тропических бабочек. Но составные детали рисунка оказались рыбьими хвостами, прикрепленными к стене.

Это в деревне считается признаком благосостояния семьи. Чем больше хвостов приклеено к стене, тем более счастливыми были минувшие годы для обитателей дома. Вид на пруд открывался прямо из незастекленного проема, служившего окном. Рыбу ловили, не выходя из дома, и у жителей деревни разведение карпов было чуть ли не культом. 60 процентов семей в Майтяу имеют такие пруды. Примерно столько же рыбоводческих дворов и в Нгуенса. Правда, здесь к делу подходят буднично и практически. Хвосты от съеденных рыб на стены не клеют. Но доход с «голубой нивы» имеют немалый.

И еще я вспомнил одну пресс-конференцию в ханойском выставочном центре Зянгво. Перед открытием экспозиции о развитии рыбного хозяйства в СССР выступал представитель Минрыбхоза, прибывший специально по этому случаю из Москвы.

Вопрос журналиста из столичной газеты «Ханой

мой» был переведен добросовестно и предельно точно. Но спрашивающий и отвечающий явно не поняли друг друга: «Расскажите о постановке рыбного хозяйства в Москве». Последовали цифры о системе магазинов «Океан», о том, как хранится рыбная продукция, поставляемая к столу москвичей. Но журналиста интересовало вовсе не то. Во Вьетнаме рыба совсем не хранится, и ее почти никуда не возят. Желая написать о снабжении Москвы рыбой, спрашивающий хотел услышать, сколько, например, дают Москва-река и подмосковные озера, есть ли при промышленных предприятиях свои пруды. Его логика становится понятной после того, как вы узнаете, что в черте вьетнамской столицы и административного района Ханоя ежегодно добывается более двух тысяч тонн рыбы, что «рыбный цех» Тхайнгуенского металлургического комбината дает на обеды рабочим свыше ста тонн карпов в год.

Так и в Нгуенса. Если Нгуен Нью Шао и задумает в «черный день» продать рыбу из своего пруда, то только на соседнем рынке, клиентура которого собирается самое дальнее из двух-трех соседних общин. В основном вот так ловят, когда надо, и сами едят. Фрукты, овощи, рыба, а в какой-то мере и свинина составляют, по существу, маленькое натуральное хозяйство. Но оно главным образом и кормит семью. Большая доля товарной продукции производится на кооперативном поле.

Судя по рассказам, община Нгуенса перед коллективизацией представляла мрачное зрелище: масса убогих лачуг вокруг помещичьих усадеб. Нынешний материальный уровень жизни не идет с этим ни в какое сравнение. Такие дома, как у Нгуен Нью Ханя и Нгуен Нью Шао, вовсе не редкость. 80 процентов семей в общине имеют жилища из кирпича, крытые черепицей. Стройматериалы производятся в самой же общине. Пока действует принцип: пусть кустарно, но свои. Вообще, дух самообеспечения силен, и восходит он все к той же обособленности общин, уездов, провинций. Разрыв между «центральным» и «местным» всегда ощущается очень наглядно. Решив построить гараж для машины во дворе отделения ТАСС, я попросил покрыть его черепицей. Последовал ответ: в данный момент с черепицей плохо. Но ведь ее делают в каждой деревне! Так она и принадлежит той деревне, где ее делают.

Естественно, до коллективизации крестьяне Нгуенса и не помышляли иметь дома электричество. Сейчас им

пользуются сто процентов дворов общины. Правда, по данным, которые я получил в народном комитете провинции Тхайбинь, мощность всех потребителей электроэнергии в провинции едва превышает пять тысяч киловатт, причем четыре тысячи — производственные нужды. Ну а в крестьянском доме — две-три лампочки, радиоприемник, кое у кого еще телевизор и очень редко холодильник. Но и это внесло новизну в деревенский быт.

В Нгуенса грамотны сейчас практически все, кроме стариков, проживших большую часть жизни при феодальных порядках. Однако читающей община так и не успела стать. Есть небольшая библиотека при правлении кооператива. Но, как заметил председатель Хоанг Зи Хай, и книг мало, и круг читателей ограничен старшими школьниками, работниками управленческого аппарата и немногочисленной сельской интеллигенцией.

Община получает ежедневно 25 экземпляров газет. Не так уж много на пять с лишним тысяч жителей. Газеты вывешиваются в «информационном доме», который считается преемником традиционного духовного центра общины — диня. Кто найдет время зайти туда, прочитает на стенде или в подшивке. Другие газеты из этого числа идут в народный комитет общины, в правление кооператива, по одной на бригаду. А орган ЦК КПВ «Нян зан» по одному экземпляру приходит и в производственные звенья. Кроме того, каждая общественная организация получает свою газету: комсомольская — номер «Тиен фонга», женская — «Фу ны Вьетнам».

Но, согласитесь, и мы бы не всегда прочли свежую газету, если бы ее не принесли в квартиру рано утром или если она не лежит на вашем рабочем столе. А если эта газета одна на двести человек?

— На чтение, как и на другие виды культурного досуга, у крестьян слишком мало времени, — сказал Хоанг Зи Хай. — К тому же не всякий пойдет в библиотеку, «информационный дом», народный комитет или в правление кооператива. Дело здесь и в привычке. Люди обычно отдают свободное время общению между собой, а не чтению.

Количество этого свободного от работы времени определяет уровень развития производительных сил. Вьетнамские социологи провели в 1980 году хронометраж бюджета времени семей в ряде равнинных рисопроизводящих районов...

Вот данные, полученные социологом Дык Уи, для

главы средней крестьянской семьи в одной из таких деревень. Немногим более восьми часов в сутки занимают сон, еда, личная гигиена, 6,4 часа — работа в кооперативе, примерно столько же — труд на личном приусадебном участке и домашние дела, 0,7 часа — передвижение с работы и на работу, на рынок и т. п. Около полутора часа — отдых перед сном. То, что можно назвать культурным досугом, не превышает двух часов в сутки. Свободное время, как и в старину, посвящается в основном приему гостей и родственников, хождению в гости. Это не только отдых, но и необходимый традиционный ритуал с чаепитием и обсуждением услышанных где-то новостей, трудовых и семейных дел. Новости, а часто и просто слухи, распространяются через этот механизм общения с завидной быстротой.

Вообще, в Нгуенса больше слушают, чем читают. Приемники есть почти у всех. Появились и первые телевизоры, правда пока только у энтузиастов: качество приема центрального телевидения неважное. В деревне действует свой радиоузел, который вещает не только на малые радиоточки (они есть только у желающих), но и на мощные динамики, установленные в каждом тхоне. Утро начинается с громкого чтения газетных и местных новостей, мобилизующих обращений и просто объявлений.

Нгуенса далеко ушла от традиционной общины. Вырос материальный уровень жизни крестьян, растет культурный. Партийный секретарь Нгуен Ван Тиен и председатель кооператива Хоанг Зи Хай гордятся новым двухэтажным зданием школы-девятилетки, которая под стать городским, мечтают о своем кинотеатре, настоящем доме культуры, куда можно будет приглашать артистов из центра. Пока культурный досуг занимает очень немного времени среди трудовых и домашних забот крестьян. А от общей культуры зависит культура быта, культура производства.

У крестьян Нгуенса редко бывает возможность поехать на спектакль столичного и даже провинциального театра. Очень нечасто они бывают в городе, да и то по делам. Но на праздник древнего театрального искусства этой общины собираются люди не только из соседних деревень.

...Челн императора Ле Лоя под заунывную присвистывающую мелодию скользит по водной глади озера. Лицо монарха серьезное, задумчивое. Вот сейчас вы-

плывет черепаха и вручит ему чудодейственный меч, при помощи которого он прогонит китайских завоевателей и освободит страну.

Эта сцена из спектакля кукольного театра на воде. Никто не помнит, с каких пор существует театр плавающих кукол в общине Нгуенса. Театра нет, сценой служит любой из многочисленных прудов, только бы вокруг было место для зрителей. Но в большом темном чулане правления кооператива скрывается в резерве целая армия деревянных кукол, среди которых можно найти изделия прошлого века.

Кукловоды стоят в воде за ширмами и заставляют своих героев с помощью шестов двигаться по поверхности воды. Публика безоговорочно принимает всю условность происходящего и поглощена действием спектакля, скорее не тем, что играют (сюжет обычно классический), а как играют. А ведь способность воспринимать условности театра, смотреть не сюжет, а исполнение, предполагает довольно высокий зрительский уровень.

Не буду называть хорошие зарубежные хореографические коллективы, которые встретили во Вьетнаме больше вежливую, чем восторженную реакцию зрителей. Да и отечественные театры, что ставят спектакли в «европейском» драматическом жанре, только недавно начали пользоваться определенным успехом, в основном у молодежи. «Какой же это театр, где просто говорят, как в жизни?» — спрашивали старики. А тут деревенский кукольный фарс становится захватывающим зрелищем. Гротеск и условность действия, движений, пение, музыка и все, что необычно, отдалено от прозы реальной жизни, — вот чем ценен театр в традиционном представлении вьетnamца.

Крестьяне Нгуенса унаследовали от предков этот плавающий театр и бережно хранят его. Он не уникален. Таких театров много в стране. Спектакли на воде ставятся и в Ханое. Здесь явственно обнажаются глубокие народные корни традиционного вида искусства.

ПОБЕГИ УХОДЯТ В СТОРОНЫ

Между правлением кооператива и домом Нгуен Нью Ханя, прямо у канавы, отделявшей тхон от дороги и

скрытой в зелено-фиолетовой мозаике цветущего водяного батата, я обратил внимание на почерневшую от копоти хижину. Точнее сказать, это была не хижина, а черепичный навес.

Под навесом был только один человек рядом с огнедышащей печью: девушка-подросток лет 14—15. Она сидела на велосипеде и размеренно крутила педали. Только они приводили в движение не колеса, несущие седока по дороге, а мехи, подобные кузнечным. В печи полыхало прозрачно-голубое пламя. Поодаль — груда битого стекла и ящик с новенькими стеклянными банками и бутылками.

Производство стеклянной посуды — одно из ремесел, практикуемых в Нгуенса. Дети помоложе этой девочки ходят по дворам, собирая стеклянный бой, постарше — вот таким способом раздувают пламя в печи, а взрослые уже разливают стекло в формы. Эта мастерская обеспечивает только собственные нужды деревни в простейшей посуде. По всему своему существу она играет подсобную роль: и производство подсобное, и рабочая сила используется подсобная — специального штата работников нет.

В этом смысле стекольная мастерская напоминает ремесленные промыслы в старой общине, где земледелие и ремесло еще не успели разделиться. На такой работе заняты люди, у которых есть резерв свободного времени в промежутках между основными занятиями, и, в меру сил, дети и подростки.

У меня не возникло желания запечатлеть на фото-пленке до крайности хрупкую девочку, вертевшую педали на фоне раскаленной печи. Уж очень такой снимок напоминал бы сюжеты об эксплуатации детского труда в капиталистической мануфактуре. Но это сравнение я сразу же отверг. Никогда вьетнамец не сделает ничего плохого ребенку. То ли налет конфуцианства дает о себе знать, то ли еще более древняя своя национальная традиция, но дети во Вьетнаме — это святое. Если когда-нибудь и была эксплуатация детского труда или плохое обращение с детьми, то это обязательно связано с колонизаторами, с привнесенными ими во Вьетнам уродливыми ростками капитализма.

Обычай общины налагали определенные обязательства на взрослых в их отношениях с детьми. Но они заставляли и детей исполнять свой долг перед родителями, перед взрослыми, в том числе долг трудом. Дети

постарше, будь то мальчик или девочка, берут на себя заботу о самых маленьких, как только те оторвутся от материнской груди. В многодетных семьях, а таких большинство, у родителей не возникает проблемы, с кем оставить ребенка.

Фотоснимок мальчика на буйволе стал уже классическим трофеем туристов и фоторепортеров, побывавших во Вьетнаме. Такой же точно сюжет мы видим на лубках, восходящих к древнему народному искусству. Выпас буйволов был и остается во вьетнамской деревне исключительно детским делом.

Поэтому не стоит удивляться девочке у мехов-велосипеда. Примечательно другое. Этот труд по существу своему не похож на другие виды деревенского труда.

Оказалось, что производство непрерывное в течение всего дня. Ни на минуту не должна угаснуть печь со стеклянной массой. Девочка крутит педали два раза в день по полчаса, как и другие ее сверстники, по очереди сменяющие друг друга на посту. Строгий график, как на промышленном предприятии, четкое знание своего времени, дисциплинирующая ответственность перед своими друзьями, перед родителями.

Маленькая стекольная мастерская, печь для обжига кирпича и черепицы, плотницкое хозяйство — все это «для себя», для собственных нужд деревенского быта. Но в Нгуенса есть большое производство, полностью рассчитанное на внешнего потребителя.

Уже сама по себе заросшая травой прямоугольная лужайка метров сорок на шестьдесят — явление необычное для северовьетнамской равнины, где не дают пустовать ни пяди земли. Но еще более необычны яркие пятна разбросанных по ней ковров и циновок. Поражает обилие цветов, орнаментов. У крестьян в домах можно в лучшем случае увидеть циновки, но не ковры. Они считаются лишней роскошью.

Собственно, крестьянами работников, вернее работниц, этого предприятия уже назвать трудно. Правда, многие из них — члены семей земледельцев и в страду выходят со своими родственниками на поле. Но основная работа здесь, в мастерской.

До сих пор речь шла о сельскохозяйственном кооперативе Нгуенса. Но есть в общине и совершенно самостоятельный ковроткаческий кооператив. Как заметил партийный секретарь Нгуен Ван Тиен, община Нгуенса «идет на двух ногах».

Выражение «идти на двух ногах» очень популярно во Вьетнаме и имеет множество применений. «На двух ногах» идет девушка в приемной отеля, которая кроме этой работы берет от кооператива заказы на вязание или вышивку. «На двух ногах» идет завод, который выпускает станки и выращивает рыбу, свиней, овощи в подсобном хозяйстве. Так же говорит о себе механик автоколонны, который дома еще содержит маленькое частное кафе или харчевню.

Короче, «идти на двух ногах» — значит использовать большой или малый резерв рабочего времени и силы. В сельском хозяйстве такой резерв всегда большой, по крайней мере на густонаселенной равнине Северного Вьетнама. Относительное аграрное перенаселение — тормоз прогресса. Допустим, при существующем уровне развития производительных сил нужно, чтобы три человека работали на одном гектаре рисового поля, и тогда он даст свои восемь тонн зерна в год. И если на этом же гектаре толкнутся восемь человек, только потому, что им больше негде работать, он все равно уродит те же восемь тонн.

Вспомним, что в свое время в Европе по мере роста производительности труда в деревне «лишние» люди уходили в города к пылающим доменным печам и к ткацким станкам. Во Вьетнаме не только слабое развитие промышленности, но традиционная привязанность крестьян к земле, к своей общине сдерживали уход людей из деревни. Окруженная бамбуковой стеной деревня со своими законами и устоями была как бы маленьким государством, покинуть ее навсегда было равносильно эмиграции.

После создания в 1960 году сельскохозяйственного кооператива земля в Нгуенса стала общей, и скрытая безработица грозила превратиться в систему. Поэтому одновременно был создан ремесленный кооператив.

Но как его организовать, если никто ничего не умеет делать, кроме как растить рис и ухаживать за поросятами. Выбор пал сначала на плетение циновок, а потом начали ткать и ковры из джута. Такие ремесла требовали минимум капиталовложений. Болотной сытью, из которой плетутся циновки, покрыта вся засоленная прибрежная полоса провинции Тхайбинь — три тысячи гектаров. Джутовые посадки занимают 4500 гектаров и дают ежегодно 11 тысяч тонн пряжи. В соседних общинах были знатоки этих ремесел. Их пригласили для

обучения молодежи Нгуенса. Так община приобрела новую профессию.

Поначалу производство было действительно подсобным, второстепенным. Сейчас в нем занято 400 человек, и доход кооператива — 1,2 миллиона донгов в год. А сельскохозяйственный кооператив, в котором работают более тысячи крестьян, дает 1,8—2 миллиона донгов прибыли.

Основной цех предприятия — длинное здание, скорее навес метров шестьдесят на тридцать, заставлен ручными станками из дерева и бамбука. Цвета будущих ковров уже видны в ярких ворохах пряжи, но затейливый орнамент сплетается только на станке. У каждого станка ловко орудуют по две девушки: одна приводит в движение станок с натянутой на раме невзрачной основой из серых джутовых нитей, и потом обе вкладывают в них цвет. Постепенно, сантиметр за сантиметром, готовый ковер сползает к их ногам. Устройство для плетения циновок попроще, и дело там движется гораздо быстрее.

Работают в цеху исключительно женщины, в основном совсем молодые, вчерашние школьницы. Станков хватает человек на триста. Такие звенья, как подготовка материала, выполняются другими работницами на дому. Большая часть работниц — из тех крестьянских семей, которым трудно кормить себя трудом на рисовом поле: из семей инвалидов войны и павших воинов, военнослужащих. Впрочем, и без этого в деревне всегда есть семьи, где недостаточно сильных мужских рабочих рук.

Выйдя из цеха, я увидел девушек, которые упаковывали готовые ковры в джутовые мешки. На мешках большими черными буквами — адрес заказчика: Москва. Так что ковроткаческий кооператив Нгуенса — уже далеко не вспомогательное производство земледельческой общины. Он даже не тот прежний «фьонг» мастеров шелкового дела, который в свое время принес известность Нгуенса далеко за пределами провинции Тхайбинь, а скорее настоящая фабрика.

Разное ремесленное производство, отдельное от сельскохозяйственного, есть во всех 276 общинах провинции Тхайбинь. А 80 общин стабильно «идут на двух ногах». Вес ремесленного производства и по числу работников, и по доходу в них ненамного меньше, чем сельскохозяйственного. Они дают шелковую ткань, сахар-сырец, всевозможные плетеные изделия из бамбука и

сыти, циновки, ковры — не только джутовые, но и шерстяные, правда из привозной шерсти. Тхайбиньские ковры можно купить и в московских магазинах.

В 1982 году на кустарных предприятиях провинции Тхайбинь было занято 80 тысяч человек, и только небольшая часть из них — в городских государственных мастерских. Остальные — в общинах, в кооперативах. Процесс разделения труда происходит не только в рамках страны, между деревней и городом, но и в самой деревне. Промышленные предприятия, пусть пока ручного труда, рождаются и растут внутри общины.

На рубеже 70—80-х годов этот процесс пошел особенно активно. На фоне серьезных экономических трудностей, которые отразились прежде всего на крупной промышленности, в мелком и кустарном производстве наметился бурный рост. В 1981 году в стране насчитывалось более четырех тысяч ремесленных кооперативов и восемь тысяч производственных групп, множество семейных мастерских. В них было занято свыше полутора миллионов человек. На таких предприятиях произведено 45 процентов всего объема промышленной продукции Вьетнама. Они работают с большой эффективностью при малых капиталовложениях, на них меньше, чем на крупные заводы и фабрики, влияют слабость общенациональной системы транспорта, перебои энергоснабжения, нехватка импортного сырья, запчастей к оборудованию.

Первые крупные предприятия во Вьетнаме возникли в результате эксплуатации страны колонизаторами. Новая социалистическая индустрия создается главным образом с помощью СССР и других социалистических стран. Рост «малой промышленности» вытекает из внутренних предпосылок, родившихся в глубине самого вьетнамского общества. «Малая индустрия» развивается одновременно с большой, дополняет ее, испытывает ее влияние, заполняет промежуток между существующими традиционным и современным.

...По шоссе медленно ползет грузовик, выдавший вид, с помятыми и проржавленными крыльями, скрипящими и раскачивающимися стенками деревянного кузова, с одной фарой и пустой глазницей на месте другой. Его вид поверг бы в смятение московского инспектора ГАИ, но здесь транспорт в таком состоянии никого не удивляет: климат, плохие дороги, слабая система автосервиса... Никого не удивляет и до отказа заполненный

людьми кузов. В порожнем рейсе водитель подбирает по дороге всех, кто истомился в ожидании автобуса, собравшись по каким-то делам в уездный центр или в город.

Тяжело вздохнув, грузовик остановился у выезда из Нгуенса. «Проголосовавший» молодой человек переговорил с шофером, передал сидящим в кузове свой вещмешок, потом корзину и взобрался сам. По количеству и роду багажа и задумчивому взгляду на деревню можно предположить, что он уезжает не на день или два, не на рынок и не в гости, а надолго, может быть навсегда...

Нгуенса, одна из 276 общин провинции Тхайбинь, имеет площадь 304 гектара. Из них — 280 гектаров кооперативных рисовых полей. Остальные 24 гектара — речки, каналы, пруды, пятачки тхонов с крестьянскими домами и приусадебными участками. Неиспользуемой земли нет ни одной сотки. Вплотную примыкают земли соседних общин, и рубеж между ними — лишь узкая земляная насыпь, усаженная бамбуком, или речка. И так дальше, на многие сотни километров до ближайших гор. Даже склоны дорожных насыпей заняты грядками кормовых трав.

В Нгуенса живут 1083 семьи, или 5224 человека. Разделим на площадь и получим плотность населения 1700 человек на один квадратный километр. На нем эти 1700 человек не только живут, но с него и кормятся. Если же учесть, что за вычетом затопленных полей, рек, каналов, прудов, дорог только около 15 гектаров занимают собственно тхоны, островки сухой земли за бамбуковой изгородью, то в них эта плотность взвинчивается сразу до 35 тысяч человек на один квадратный километр. Это почти вчетверо больше, чем в Москве с ее многоэтажностью.

Впечатление тесноты и крайней сжатости усиливается, когда вы едете по шоссе, прорезающему деревню. Деревне так тесно, что она своими лавчонками скворечниками-харчевнями с надписью «собачье мясо», лотками с сигаретами и «лаосским зельем», стариковскими посиделками вплотную выходит к кромке асфальта. Дорога превращается в жизненное пространство сельчан. Если машин мало, то люди умудряются прилечь спать на мостовой. Не говоря уже о детворе, которая считает дорогу естественным местом игр.

Но границы деревни остаются почти неизменными,

никто не посягает на святая святых — рисовые поля. Наоборот, если раньше были случаи, когда крестьяне создавали хутора поближе к своему полю, то сейчас это крайняя редкость. А население страны растет, да еще какими темпами! Где же предел? Ведь даже разделение труда, создание ремесленных кооперативов, пуск в будущем и фабрик, весьма нереальная в обозримой перспективе возможность строительства высотных домов в деревне — все это теоретически может решить только вопрос относительного перенаселения, но не абсолютно-го, и то лишь теоретически. На этот вопрос невозможно ответить, считая, что привязанность крестьян к земле, к общине нерушима и почти никто деревню не покидает навсегда.

Оказывается, предел наступил и уже давно. Иначе откуда бы взялись многолюдные города и те 20 с лишним миллионов вьетнамцев, что живут на Юге страны, заселенном постепенно за последние несколько веков. О «движении на Юг» мы будем говорить в последующих главах. Но вот данные по общине Нгуенса за последние 30—40 лет.

В 1945 году, когда общину постиг последний сильный голод, в ней насчитывалось 1050 дворов и примерно 5500 человек. В 1982 году в ней было 1083 двора и 5224 жителя. Допустим, что данные за 1945 год вполне могут быть неточными. Но вот совершенно достоверные цифры по провинции Тхайбинь, которая практически не меняла своих границ. В 1945 году в ней жило 913 тысяч человек. В 1982 году — около 1,5 миллиона. За то же самое время, несмотря на войны, население всего Вьетнама выросло с 25 до 54 миллионов. Получается довольно наглядная схема: в общине численность населения осталась прежней, в провинции — выросла в полтора раза, а во всей стране — более чем вдвое. Посмотрим, куда делись те две с половиной тысячи человек, которые должны были пополнить население общины за 37 лет.

Страшная цифра 1817 умерших от голода только в 1945 году дает представление о зависимости жизни крестьянина в ту пору от капризов погоды. Конечно, такой голод случался нечасто, но тайфуны и засухи были всегда. Естественным регулятором роста населения была детская смертность в условиях антисанитарии и полного отсутствия медицинского обслуживания. При большей, чем сейчас, рождаемости до 1945 года прирост на-

селения в стране был весьма умеренным — примерно 1,5 процента.

Не менее страшная цифра — 279 погибших в годы войны Соппротивления французским колонизаторам и американским агрессорам. Это из тысячи с небольшим семей. И конечно, почти все они — молодые мужчины.

Третья группа, о которой мы уже говорили, — «тхот ли», то есть жители деревни, которые входят и сейчас в число членов семей, но живут вне деревни. Среди них — солдаты, рабочие и служащие. Это самая большая группа ушедших из общины. Сколько их было за 40 лет, сказать невозможно. Спустя два поколения они уже не только окончательно вычеркиваются из списков общины, но и исключаются из числа членов семей крестьян. Дети ушедших и не вернувшихся уже не заносятся в родовую генеалогическую книгу «зна фа». Есть только данные до этого рубежа. Они подразделяются на две части: солдаты и рабочие со служащими. Первые в основном возвращаются в деревню после военной службы, вторые — почти никогда. На 1982 год в Нгуенса числилось около тысячи солдат, большинство из которых еще вернутся, и 600—700 рабочих и служащих, ушедших из деревни и обосновавшихся навечно в городах, промышленных зонах, на стройках.

И наконец, четвертая группа, переселенцы в новые экономические районы. С 1961 года, когда началась кампания освоения горных провинций Севера Вьетнама, и до сих пор из общины уехало 1800 человек. Основная масса переселенцев подалась в южные провинции Кьензянг и Ламдонг после освобождения Южного Вьетнама в 1975 году. Эту линию можно отнести к продолжению «марша на Юг» вьетнамской нации.

Таким образом, дебет получается гораздо большим, чем две с половиной тысячи. Это значит, что отток населения из общины в города, в армию и на Юг превысил катастрофический прирост населения, вызванный «демографическим взрывом». Традиционная община, оставаясь как бы в неприкосновенности и демографической стабильности, породила города, армию, миграцию на Юг. Армия и сейчас составляет своего рода промежуточный резервуар, из которого часть людей возвращается назад, в деревню, а часть оседает в промышленности или остается на сравнительно малоосвоенных землях Юга. Последствия войны и ежегодный уход в армию примерно 60 юношей общины создали в деревне

демографическую диспропорцию. Из 1624 человек самодельного населения общины Нгуенса 998 — женщины, то есть больше 60 процентов.

Значит, деревенская община дельты Красной реки уже не один век подобна стеблю бамбука. Он остается неизменным по толщине, но от его корневищ вырастают новые побеги, которые повторяют его, роща становится шире и гуще. Эта роща — Вьетнам.

...Девочка крутит педали, раздувая мехи стекольной печи в маленькой кооперативной мастерской. Для нее эта печь — завод, будущее страны.

Я спрашиваю ее, что ей больше по душе — сажать рис или работать на фабрике. Думаю, что лет двадцать назад она захотела бы остаться среди членов своего рода, в привычной и близкой общине, окруженной изгородью из бамбука, среди знакомых мальчишек и девочек, с которыми она росла и совершала великие путешествия от рыбного пруда до дороги. А сейчас она отвечает:

— Я буду учиться, а потом работать на большом заводе, на котором делают не только лемехи для плугов, не только велосипеды, но и тракторы и такие водонасосы, которые никогда не останавливаются.

В Нгуенса пока нет проблемы ухода молодежи в город. Не обсуждаются вопросы, как нужно устроить быт и культурный досуг, чтобы юноши и девушки не бежали из деревни. Пока есть проблема трудоустройства молодых в деревне. Нынешний уход — это естественный процесс, пробивший дорогу через пути традиции.

Мы простимся с гостеприимной общиной Нгуенса и с провинцией Тхайбинь и последуем за теми, кто покинул стены зеленой бамбуковой крепости навсегда.

«ГОРОД ВЗЛЕТАЮЩЕГО ДРАКОНА»

Всепроникающий полутуман, полудожь «фун» окутывает Ханой в последние дни года по лунному календарю. Зябко и промозгло на улицах и в домах, большинство которых не имеют ни стекол в окнах, ни отопления. Морозящая пелена оседает на мостовых, делая их постоянно мокрыми, проникает в легкие. И без того серые здания приобретают еще более мрачный вид. И в то же время никогда в Ханое вы не увидите такого

обилия ярких красок, такого всеобщего праздничного оживления, как в дни Тэта. В этот самый холодный период года вьетнамцы встречают свой самый большой и веселый праздник.

На выпускаемых в стране отрывных календарях до сих пор на каждом листочке обозначено два числа: по солнечному календарю, как у нас и в большинстве других стран, и по лунному. По первому работают государственные учреждения, заводы, стройки, выходят газеты, по второму отмечаются традиционные праздники, а в деревне еще и определяются сроки полевых работ. Новый год — Тэт — отмечают тоже по лунному календарю. Хотя обычное наше 1 января здесь нерабочий день, он проходит спокойно, без торжеств. Зато Тэт празднуют несколько дней, и он выходит далеко за рамки отводимых на него двух-трех выходных.

Тэт — праздник семейный. Его отмечают в кругу семьи, без гостей. Большая семья при возможности собирается у алтаря предков. Поэтому в особом, крайне напряженном режиме работают накануне Тэта и после него автобусные станции и ханойский вокзал, речные пристани и аэропорт.

Лунный новый год повсюду во Вьетнаме встречают примерно одинаково. Но в Ханое сложились и свои особенные традиции. Самые яркие из них — предпраздничный базар, массовое шествие под треск петард вокруг озера Возвращенного меча в ночь на новый год и торжества в честь победы под Донгда на пятый день лунного года.

Русское выражение «яблоку негде упасть» всегда ассоциируется у меня с тэтовским базаром в Ханое. «Гребешковый ряд» и прилегающие к нему улочки старого города превращаются в людское море с розовой пеной из цветов персикового дерева. Цветущее деревце или хотя бы его ветка непременно должны быть в любом доме в праздничную ночь. Еще лучше, если в горшке у алтаря предков будет красоваться карликовое дерево декоративного мандарина, усеянное крохотными, с голубиное яйцо, желтыми плодами. Но оно стоит сейчас недешево, не все такое дерево могут купить.

Мы движемся по «Гребешковому ряду» медленно вместе с плотной людской толпой. Купленную персиковую ветку приходится держать высоко над головой, чтобы не задеть окружающих. Целый густой лес таких веток с распускающимися розовыми цветами занимает

тротуары. Там стоят крестьяне из пригородных общин, где специально для праздника выращивают этот аналог пашен новогодней елки. Идет бойкая торговля. Все новые и новые ветки отвязываются из огромных пучков, прикрепленных к багажникам велосипедов. Пучки быстро уменьшаются, и торговцы спешат домой за новой партией товара.

Следующий участок тротуара наводнен желтым цветом мандариновых деревьев. Здесь больше зрителей, чем покупателей. Атмосфера всей этой торговли не столько коммерческая, сколько праздничная. Даже торгуются из-за цены с каким-то доброжелательным отношением друг к другу.

Базар не ограничивается персиковыми ветками и мандариновыми деревцами, символами весеннего возрождения и изобилия. По давнему поверью, бойкая торговля в эти дни сулит удачу и процветание в течение всего наступающего года. Торгуют цветами, лубочными картинками с традиционными сюжетами, аквариумными рыбками, ярко раскрашенными поделками из пенопласта, разноцветными надувными шариками, антикварными изделиями. Такой ассортимент товаров тоже придает праздничность всему базару. И конечно же, очень много новогодних сладостей: засахаренных имбиря, орешков лотоса, кокосовой копры, моркови и даже помидоров.

...С Хоанг Тионгом, режиссером традиционного театра «туонг», мы подошли к расположившемуся на тротуаре каллиграфу. В окружении зрителей и заказчиков этот старик с редкой седой бородкой выводил черной тушью на листе плотной красной бумаги большой иероглиф «фук» — счастье. Его купила девушка в джинсах и красной нейлоновой куртке. В новогоднюю ночь он украсит стену ее комнаты. Сухощавый пожилой мужчина в очках заказывает иероглиф «тхо» — долголетие. Он повесит это панно вместе с лубочной картинкой румяного бородатого старца рядом с алтарем предков в своем доме.

— Люди не то чтобы верят в магическую силу иероглифа или картинки-символа, но такова традиция, сохранившаяся от дедов и прадедов, — рассказывает Хоанг Тионг. В его доме большая библиотека по истории театрального искусства, он побывал во многих странах, учился в СССР. Но на Тэт и он вывешивает на стены своей квартиры на улице Ханг Бай лубочные картинки и «магические» иероглифы.

— Когда-то считали, что треск петард во время Тэта отпугивает от дома злых духов и они не осмелятся зайти в ваше жилище в течение всего года, — продолжает Тионг. — С той же целью петарды взрывали на свадьбе, чтобы оградить от духов новую семью, при открытии какого-то сооружения, чтобы оно стояло веками. Сейчас мало кто верит в духов, но треск петард можно услышать и на Тэт, и на свадьбу, и на юбилей, и при сдаче в эксплуатацию завода, спуске на воду нового судна, перед началом экзаменов. Это стало своего рода праздничным салютом.

На Соборной улице, где возвышается огромная серая и молчаливо пустынная в эти дни глыба католического храма, мы зашли в неприметные ворота, ведущие в глубь квартала, и оказались в уютном и многолюдном дворе пагоды «Ба Да» — одной из главных буддийских пагод Ханоя. В сумрачном деревянном помещении, стены которого увешаны и обставлены старинными каменными стелами, в тусклом свете электрических свечей и в дыму от курящихся благовоний над всем окружающим доминировал роскошный алтарь с огромными золочеными изображениями Будды и его учеников.

Вся атмосфера пагоды навевает спокойствие. Среди прихожан кроме пожилых женщин в темно-бордовых аозаях и черных бархатных повязках вокруг головы я заметил и немало молодых людей, одетых вполне современно, но тоже празднично.

— Молодых привлекает сюда стремление к спокойствию и красоте, — словно угадав мои мысли, шепотом произнес Хоанг Тионг. — Мало кто из них верит в «переселение душ», но все равно в такие праздники приходят в пагоду. Это скорее не религиозный обряд, а общение со старинной, с национальной традицией. Вы, наверное, видели, какое многотысячное паломничество совершается в мае, в день рождения Будды, в «Ароматную» пагоду. Большинство паломников влечет туда не вера, а красивое спокойствие пейзажа с реками и горами, национальная старина.

Я вспомнил свою поездку в эту знаменитую пагоду, что в нескольких десятках километров к юго-западу от Ханоя. Только европейская внешность позволила мне пробиться к лодочному причалу, чтобы по длинному мелкому озеру добраться до упрятанной в горном лабиринте пагоды.

Навстречу попадались перегруженные людьми лодки.

Их пассажиры приветствовали друг друга нараспев побуддийски: «А-зида-фат!» Но это приветствие произносилось без какой-либо помпезности и даже серьезности. Такое впечатление, будто все выкрикивают его просто в шутку.

Ханой — самый старый и самый вьетнамский из всех вьетнамских больших городов. Поэтому в нем сохраняются не только традиции, пришедшие из деревни, но и возникшие в старину в городе. Традиционное есть во всех городах, но ханойцы особенно гордятся присущими только столице обычаями, древними динями — бывшими общинными домами, пагодами и храмами, озерами, которые гармонично дополняют его архитектуру и подчеркивают его связь с природой.

Хоанг Тионг пригласил меня с семьей быть первыми гостями в новом году, и мы распрощались. Дома его ждала ответственная работа: помогать жене в приготовлении ритуального новогоднего пирога «тинг сань». Процесс довольно сложный, занимающий несколько часов. Пирог делается из совершенно пресного клейкого риса с мясной и соевой начинкой внутри, заворачивается в листья, отчего и рис приобретает зеленый цвет. Вьетнамцы считают его большим лакомством.

Мы были первыми гостями. Издавна считалось, что первый посторонний человек, переступивший порог дома после сугубо семейного торжества встречи нового года, определяет судьбу семьи на весь год. Большое несчастье, если им станет какой-нибудь неудачник, урод или проходимец. Поэтому устраивают так, чтобы этот гость не был незваным. Вряд ли Хоанг Тионг суеверен, но традиция есть традиция.

Кто-то из моих вьетнамских друзей шутливо заметил: если в Тэт во Вьетнаме съедается половина всего годового количества мяса и сладостей, то петард, наверняка, взрывается раз в десять больше, чем за весь остальной год.

...Людской водоворот кружит по берегам озера Возвращенного меча, ожидая полуночи. Никогда в столь поздний час вы не увидите даже тысячной доли такого количества народа на набережной озера. Кажется, вся ханойская молодежь и люди среднего возраста собрались сюда. В эту ночь все на время распрощались с велосипедами, которым здесь просто не остается места. В черном зеркале воды отражаются разноцветные огни иллюминации на склонившихся над озером деревьях.

Огнями сияет островок с Башней черепахи. Ни в одном другом городе Вьетнама нет такого всеобщего места встречи нового года.

Треск петард постепенно нарастает по мере того, как стрелка часов на здании почтамта движется к двенадцати. В полночь он сливается в сплошную оглушительную кабафонию, в которой едва прослушиваются ликующие возгласы стотысячной толпы. Столица Вьетнама встретила еще один год, приблизивший ее к тысячелетнему юбилею...

Башня черепахи на островке посреди озера Возвращенного меча — пожалуй, самая известная достопримечательность Ханоя. В неказистом сооружении высотой лишь в несколько метров предстает главный принцип вьетнамской архитектуры: органическое слияние рукотворного строения с окружающим пейзажем. Озеро Возвращенного меча было красивым и без Башни черепахи, но сейчас это уже трудно вообразить. А вот поставь вошедшую в стихи и произведения художников башенку на любой самый оживленный перекресток, в центре площади, вы вряд ли обратите на нее внимание и даже сочтете примитивной.

С Башней черепахи связывают известную легенду о Ле Лое, основавшем в самом начале XV века, после периода смуты и китайского завоевания, вьетнамскую династию Ле. Согласно этой легенде, в 1407 году, прогуливаясь по озеру на лодке, Ле Лой был погружен в думы о том, как спасти страну, изгнать северных захватчиков. Тут выплыла огромная черепаха с чудодейственным мечом. С помощью этого меча Ле Лою удалось разбить войска минской династии. Будучи уже императором независимого государства Дайвьет, на том же озере он вновь встретил черепаху и вернул волшебный меч. По преданию, это произошло в 1429 году. С тех пор озеро и получило нынешнее название. Раньше, судя по хроникам, оно было частью реки Ни, которая сначала сменила русло, оставив большую старицу, а потом исчезла вовсе. Ее затащило илом, засыпали трудолюбивые крестьяне. До Ле Лоя озеро было местом учений военного флота правителей династии Чан, оттого и называлось Озером военного флота. Оно было гораздо шире, чем сейчас, но потом мелкие места превратились в рисовые поля и только к началу нашего века засыпаны и застроены.

Большие черепахи действительно водятся в этом озе-

ре, которое занимает 12 гектаров в самом центре Ханоя и имеет среднюю глубину около 1,5 метра. Чучело одной из них хранится в храме «Нефритовой горы», расположенном на островке, соединенном с северным берегом озера деревянным горбатым мостиком. Это пресмыкающееся было выловлено в 1968 году и, по подсчетам вьетнамских биологов, прожило около 500 лет, то есть со времен Ле Лоя.

Хотя Башня черепахи и стала одним из символов Ханоя, построена она не так давно — в 1884 году, уже при французских колонизаторах. На старых французских планах Ханоя она значится как «башня Ба Кима». Ба Ким, предприимчивый обуржуазившийся помещик, был из нуворишей того времени, на которых колонизаторы опирались во Вьетнаме. Когда настал столь ответственный для каждого вьетнамца момент похорон отца, Ба Ким решил закопать прах старца на маленьком клочке земли посреди озера Возвращенного меча и тем самым прославиться. В качестве надгробия он соорудил небольшое каменное строение. В нем есть элементы архитектуры, чуждые вьетнамской традиции, достаточно взглянуть на заостренные кверху оконные проемы. Таких форм вы не найдете во Вьетнаме, кроме как в католических соборах, построенных наподобие европейских.

Затеея Ба Кима закончилась для него неудачно. Местные жители не допустили захоронения, а каменную башенку ханойцы потом достроили в соответствии со своими представлениями о красоте. На фотографии 1911 года она выглядит гораздо ниже нынешней. Сейчас ее венчает остроконечная трехступенчатая черепичная крыша с загнутыми вверх краями, похожая на крыши большинства вьетнамских пагод и храмов.

Во Вьетнаме вы практически не встретите архитектурных памятников древности, сохранившихся до наших дней в первозданном виде. Они, как правило, достраивались, перестраивались и даже переносились с переменной эпох и правителей. В строительстве широко использовалось дерево, что тоже было не в пользу долговечности. Не было здесь гигантских каменных храмов, величественных, устремившихся в высоту дворцовых ансамблей.

Одна из достопримечательностей столицы — «Пагода на одной колонне», скромно спрятавшаяся среди зелени сквера. Подобно цветку лотоса поднимается она на стебле-колонне над гладью квадратного пруда. Высота ка-

менной колонны — 4 метра, а сама пагода имеет в основании квадрат со стороной 3 метра. По буддийским праздникам прихожане поднимаются в нее по крутой лестнице с берега пруда и зажигают в бронзовой курительнице благовонные палочки.

«Пагода на одной колонне» — одно из старейших сооружений в городе. Летопись гласит, что императору Ли Тхай Тонгу приснился сон, будто к нему явился сам Будда и усадил его на огромный цветок лотоса. Консилиум бонз и мандаринов решил, что это может быть дурным предзнаменованием, и посоветовал правителю построить пагоду в форме лотоса. Это было в сентябре 1049 года, спустя всего 39 лет после основания Тханглонга. В то время пагода была гораздо величественнее, и ее окружал целый архитектурный комплекс, который до нашего времени не сохранился. Точно не известно, сколько раз пагода-лотос перестраивалась. В последний раз это было совсем недавно. 11 сентября 1954 года, незадолго до своего ухода из Ханоя, французские оккупанты взорвали этот девятивековый памятник. Остались лишь колонна да часть деревянного остова. Но уже весной следующего года в соответствии с личным указанием президента Хо Ши Мина пагода была выстроена заново в том виде, в каком ее знали ханойцы.

Ван Миеу, или Храм литературы — почти ровесник «Пагоды на одной колонне». Он начал строиться в 1070 году. Именно начал, потому что сейчас трудно представить его первоначальный вид. Сначала у южных ворот молодого тогда города поставили конфуцианский храм, служивший местом отправления культа, а шесть лет спустя рядом — государственную академию («Куок Ты Зям»). В первое время в ней учились дети из императорской семьи и отпрыски именитых вельмож. Потом в нее стали принимать и выходцев из недворянских родов. В средневековье Ван Миеу был своего рода столичным университетом.

По обе стороны зеленого двора бывшей академии выстроились в шеренги 82 каменные черепахи, несущие на панцирях гранитные стелы с мелким иероглифическим текстом. В этих надписях увековечены имена победителей столичных конкурсов на титул «доктора», следовательно, крупного чиновника администрации. Тогда эти понятия совпадали. Такие стелы устанавливались с 1442 до 1787 года, и их, по мнению разных историков, должно быть 117 или 124. Значит, 35 или 42 исчезли бес-

следно во времена многочисленных смут и нашествий иноземцев, которые пережил за свои несколько веков Ханой.

В нынешнем виде Ван Миеу сложился в начале прошлого века, когда была построена «Галерея звезды—покровительницы литературы и грамоты». Она находится в самом центре его территории и обнесена невысокой кирпичной стеной. Собственно, это небольшое сооружение трудно назвать галереей: двухэтажные ворота типа квадратной башенки семь на семь метров с традиционной черепичной крышей. Через проем ее ворот открывается вид на спокойную гладь пруда. В нем ночью отражаются звезды, заглянув туда, по поверью, можно узнать величайшую истину Неба. В самом конце Ван Миеу под низкими деревянными сводами бывшего конфуцианского святилища сейчас находится небольшой музей истории Ханоя, а по праздникам там собираются любители поэзии, чтобы послушать напевный речитатив стихов в исполнении авторов под тихую музыку маленького ансамбля струнных народных инструментов.

В Ван Миеу нет сооружений, подавляющих своим величием. Человек творением своих рук лишь дополнил то, что уже создала природа: зеленую траву и ветвистые баньяны на причудливо сплетенных корнях-стволах, небосвод, отраженный в спокойной воде. Вы как будто попадаете в тихую деревню. Корявые карликовые столетние деревца в бело-синих фарфоровых вазах — такая же часть единого ансамбля, как резной конек на «Галерее звезды — покровительницы литературы и грамоты».

Алтарь предков, буддийская пагода, конфуцианский Храм литературы, наконец, серая громада католического собора с целым кварталом принадлежащей ему территории. На узкой улочке «Ряд гребешков» есть даже мусульманская мечеть, правда недействующая. Все эти святилища разных религий вписались в пейзаж и быт одного города. И не только города. Ханой в этом смысле наглядно представляет страну.

Во многих столицах мира можно найти согражданство христианской церкви, мечети, синагоги. Но, как правило, это, как в зеркале, отражает многонациональный состав населения. Ханой же — исключительно вьетнамский город.

В провинции Тхайбинь, с которой я начинал свой рассказ, живут около 100 тысяч католиков. Мне довелось побывать в одной семье католиков на окраине го-

рода Тхайбинь, по сути дела, в деревне. Не будь распятия на стене над алтарем предков, я не нашел бы никаких других деталей, которые отличали бы этот дом от дома буддистов.

Смещение религий — результат многочисленных культурных влияний на Вьетнам. Но общий для всех вьетнамцев культ предков как бы сгладил острые грани между религиями. От мировых религий, бывших в те или иные исторические периоды господствующими в стране, вьетнамец взял только те моменты, которые более всего вписываются в его традиционные представления. В основном это внешние формы.

Каждый год я стараюсь зайти послушать рождественскую мессу в Ханойский собор. Весь обряд с пением и раскатами органа напоминает службу в западноевропейском костеле. Но я не могу себе представить убежденного вьетнамца-католика, со всеми вытекающими из этого признаками и атрибутами. Разве что это сам кардинал, архиепископы и епископы. Здесь, говоря «католик», уместно всегда не забывать добавлять слово «вьетнамский».

Такую же национальную окраску несет и буддизм, хотя он глубже пустил корни во Вьетнаме и более распространен.

Во Вьетнаме можно разделять верующих на католиков, буддистов, приверженцев синкретических учений Каодай и Хоахао, но нельзя выделить «конфуцианцев». А как же конфуцианские храмы? Конфуцианцев-то нет, но в то же время в разной мере конфуцианцы — все. Принесенная из Китая система религиозных убеждений оказала большое влияние на традиционное вьетнамское мировоззрение. По конфуцианским канонам строилось феодальное государство. Конфуцианские «правила поведения» нашли благодатную почву в древнем культе предков.

«Я — раб императора, дети — рабы отца, жена — раба мужа». Эти три незыблемых устоя общества, взятые из учения Конфуция, веками определяли отношения людей, вошли, что называется, в кровь.

В феодальном Вьетнаме император имел одинаково неограниченную власть в отношении титулованного вельможи и последнего простолюдина. Для детей в семье отец — непререкаемый авторитет. Положение женщины всегда было принижено. Отец и дети — это не только члены семьи, но и более широко: старшие и младшие,

Трудно сказать, чего здесь больше — Конфуция или патриархального культа предков.

Организация всего общества строилась по принципу соблюдения «абсолютного приоритета порядка». Все члены общества размещены в четко определенные ячейки, или «разложены по полочкам». Они должны вести себя так, как положено именно в этой ячейке. Любые изменения этого порядка враждебно воспринимались общественным мнением.

«Правильное поведение» придает особенно важное значение внешним моментам: манере одеваться, держаться, говорить. Человек, который стоит ниже на лестнице общественных рангов, ни в коем случае не должен допускать, чтобы что-то в его поведении и облике претендовало на сравнение с персоной более высокого ранга. Эта психология самоунижения и страха перед вышестоящими воспитывалась у людей из поколения в поколение и воспринималась ими как нечто естественное. Она заставляла отрицать какую-либо свою самостоятельность, кроме как в положенных рамках. Короче, «каждый сверчок знай свой шесток». Она возвеличивала два критерия оценки человека — «героизм» и «приличие». Но даже «герой», преступив рубеж «приличия», должен быть осужден. Конфуций говорил: «Возненавидь человека отважного, но бесцеремонного».

Времена беспрекословного и сознательного подчинения этим «нормам» ушли в историю. Социалистическое государство выступает против культа самоунижения и безынициативности. Мне особенно запомнилась в этой связи статья в ноябрьском за 1981 год номере журнала «Конг Шан» — органа ЦК КПВ. В ней говорилось о решительной борьбе с пережитками феодальной идеологии в сознании людей. Но пережитки не исчезают так быстро. Кроме того, бороться нужно только против тех, которые действительно мешают жить. Но в этом конфуцианском налете есть и просто нормы человеческой вежливости. Зачем с ними бороться, если они никому не мешают? Они-то и придают поведению людей особый «восточный» колорит.

Что, например, криминального в улыбке на лице человека, который вынужден говорить не очень приятную для вас вещь или отказать в вашей просьбе, но улыбается, чтобы не очень сильно огорчить собеседника? Или в сдержанности проявления эмоций? Другое дело, преклонение перед чинами, препоны продвижению моло-

дежи, боязнь брать на себя ответственность в принятии важного решения, пренебрежительное отношение к женщине.

Эти остатки конфуцианства хотя и не сразу, но постепенно отвергает сама жизнь.

В истории борьбы вьетнамского народа против иноземных захватчиков было немало народных героев, талантливых полководцев, предводителей национальных восстаний из простых людей. Среди них были и женщины — их имена хранит народная память. Но как только жизнь входила в обычную колею, то всемогущая традиция отбрасывала обратно в пучину бесправия простолюдина, женщину.

Тем более велика заслуга народного строя во Вьетнаме, что он поставил в качестве одной из своих основных целей — раскрепощение женщины.

...Нгуен Фыонг Нга, с которой я познакомился на женском съезде в Ханое, вовсе не исключение, а самый что ни на есть типичный образ современной вьетнамки. Он показывает, что положение женщины во Вьетнаме сейчас в общем не отличается от ее положения во многих восточных странах.

...На учебу в Москву Нгуен Фыонг Нга уезжала в начале 60-х годов, когда Вьетнам, пользуясь мирной передышкой на Севере, начинал строительство основ социализма. В 1967 году она вернулась в Ханой. Это был уже суровый фронтной город с тревожным завыванием ночных сирен, кромешной темнотой светомаскировки...

Ханойский планово-экономический институт, куда ее направили работать преподавателем, находился в эвакуации, разбросанный по деревням.

— Работать тогда приходилось очень много, — вспоминает Нгуен Фыонг Нга. — Если в нормальных условиях академическая группа из 70 человек слушала лекцию в одной аудитории, то в эвакуации приходилось каждое занятие проводить раз по семь в маленьких группах, отдаленных друг от друга десятками километров.

Как-то дочка спросила меня: «Мама, почему ты никогда не спишь?» Она действительно не видела меня спящей. Ведь только уложив ребенка, можно было найти время для подготовки к занятиям, а утром, до того как дочь проснется, сварить плошку жидкой рисовой каши...

Часто приходилось вместе со студентами участвовать

в восстановлении поврежденных бомбардировками дамб. Можно было бы и отказаться: ведь дома маленький ребенок. Но Нгуен Фьонг Нга была избрана секретарем комсомольской организации института и не могла позволить себе этого.

Прошли годы, кончилась война, родился сын. Муж защитил в СССР докторскую диссертацию. Сама Нгуен Фьонг Нга стала кандидатом экономических наук, вступила в Коммунистическую партию Вьетнама. Днем — институт, библиотека, вечером — домашнее хозяйство, занятия с детьми.

Судьба Нгуен Фьонг Нга похожа на судьбы многих других представительниц вьетнамской интеллигенции. Таких женщин в социалистическом Вьетнаме немало. Взять хотя бы Ханойский университет. 25 лет назад, когда он создавался, среди преподавателей была только одна женщина, сейчас — более 200, многие из них имеют ученые степени докторов и кандидатов наук. Из 11 тысяч выпускников университета пятая часть — женщины, а среди нынешних студентов их доля еще больше. Во Вьетнаме широко известно имя профессора математики Хоанг Суан Шинь. Под ее руководством впервые в истории страны начата подготовка аспирантов к защите кандидатских диссертаций в области математических наук. Женщины составляют большинство среди школьных педагогов, врачей.

Новые времена, новая жизнь. Но далеко не без сопротивления уходят в прошлое «освященные» вековой традицией предрассудки. И сейчас остатки, по сути, средневековой психологии иногда все еще дают о себе знать.

Тем не менее новое все увереннее утверждает победу над старым. С каждым годом тысячи таких, как Нгуен Фьонг Нга, пополняют ряды ученых и деятелей культуры, командиров производства и партийных вожakov, оставаясь при этом заботливыми матерями и хранительницами домашнего очага.

СЛЕДЫ ВЕКОВ

Название «Ханой», что в переводе означает «лежащий внутри рек», появилось только в 1831 году и принадлежало целой провинции, расположенной там, где

Красная река распадается на несколько рукавов, образующих дельту.

Во Вьетнаме очень часто название провинции переносится и на ее административный центр.

Так, город Хюэ, бывшая королевская столица, до 1976 года был центром провинции Тхыатхиен. Потом Тхыатхиен, Куангчи и Куангбинь слились в одну провинцию Биньчитхиен. Это совершенно новое название, составленное из частей трех старых провинций. Но сейчас нередко вместо «Хюэ» город называют «Биньчитхиен». Имена новых провинций переносятся на их центры. Так, город Винь называют Нгетинем, Бьенхоа — Донгнаем и т. п.

Подобным же образом древняя вьетнамская столица Тханглонг, ставшая центром провинции Ханой, стала городом Ханоем.

Еще в середине VI века, когда Вьетнам на короткое время освободился от китайского владычества, небольшой форт был выстроен там, где речка Толить вытекала из Красной. Сейчас это место затерялось в густом лабиринте улочек восточной части города. Толить в городской черте засыпана в годы французского господства.

Форт, построенный правителем Вьетнама Ли Нам Де для защиты правобережья Красной реки от атак китайцев, состоял из бамбукового забора и деревянных домишек. В истории Вьетнама происходили великие перемены: освобождение от китайского ига, период феодальной раздробленности и жестоких междоусобных войн, объединение страны, а форт на месте нынешнего Ханоя оставался деревней с живыми бамбуковыми изгородями, тысячелетними баньянами и рисовыми полями, со своими заботами и устоями, которые мало зависели от внешних потрясений.

Город родился тогда, когда он стал административным центром. В 1010 году император Ли Тхай То перенес столицу своего государства из Хоалы (километрах в ста южнее Ханоя) к месту слияния рек Толить и Красной. Новый город получил название Тханглонг («Взлетающий дракон»). Под этим именем он был известен дольше всего.

...Когда императорские джонки поднялись по Красной реке до местечка Дайла, повествуют летописцы, владыка увидел золотого дракона, поднимавшегося в облака над будущей столицей, ставшей символом возрождения «Страны потомков феи и дракона».

В указе о переносе столицы Ли Тхай То руководствовался более практическими соображениями: «Место расположено в центре страны, обещает стать опорой не только для нас, но и для многих поколений...» Тханглонг оставался столицей вплоть до начала прошлого века, когда престол уже выросшего до современных границ феодального Вьетнама был перенесен в Хюэ. С августа 1945 года Ханой опять стал столицей, центром независимого вьетнамского государства рабочих и крестьян, а с 1976 года — столицей вновь объединенного Вьетнама.

Широкая низменность, вокруг которой на горизонте в ясные дни проступают очертания невысоких горных цепей, хотя и заливаается в сезон высокой воды, меньше подвержена губительным паводкам и засолению морскими приливами, чем другие равнинные районы. Естественная сеть рек удобна для сообщения со всеми уголками дельты Красной реки, для выхода в море. Красная река защищает город с севера, откуда чаще всего приходил неприятель. Плодородная земля — тоже неотъемлемое требование для феодального города, еще мало отличавшегося от деревни и кормившегося земледельческим трудом собственного населения. Все это было дано природой. Люди же насыпали дамбу вдоль реки, чтобы оградить город от летних разливов, свозили отовсюду землю, чтобы сделать столицу выше уровня болот и прудов. Тысячи крестьян были мобилизованы двором Ли на строительство внешнего полукольца — вала Латхань. Он протянулся на 30 километров, служил и дамбой, и оборонительным рубежом. Название Латхань сейчас носит одна из улиц, идущая вдоль прежнего вала.

Но внутри этой внешней границы города во времена Ли и до сравнительно недавнего времени были деревенские общины со своими бамбуковыми изгородями и водными зеркалами рисовых полей.

Торговцы, ремесленники и прочий городской люд теснились на маленькой территории обнесенной стеной «внутреннего города». По краям его находились базары: Восточных ворот, Южных ворот, Западных ворот. Эти названия сохранились до наших дней вместе с рынками, где горожане покупают деревенские продукты.

С самого основания города его неотъемлемой частью стали 13 сельскохозяйственных поселений-спутников, которые обеспечивали столицу овощами, фруктами, мясом, птицей. Они располагались к западу от Тханглонга, и

названия их остались в сегодняшних городских кварталах Ванфук и Зянгво, где сейчас выросли большие современные дома, и в пригородных уездах.

Посреди «внутреннего города» располагался «императорский». Он был уже не из бамбука и глины, а из кирпича и камня. Там жили придворные мандарины, чиновники администрации и дворцовая челядь. Наконец, роскошные дворцы строились только в «запретном городе» — обители самого императора и его семьи. Он находился в западной части нынешнего Ханоя, и сейчас от него ничего не осталось. Роскошь дворцов «запретного города» достигалась не их высотой или монументальностью, а слиянием с природой, обилием открытых галерей под витиеватыми крышами. Пруд с лотосами и парковый мостик были такими же составными частями дворца, как деревянная колонна или драконоподобные ограждения лестниц. Построенные при династии Ли дворцы потом реконструировались, достраивались, им давались новые имена, а сейчас на их месте — ничем не примечательные строения более поздних времен.

Пожалуй, с самых первых веков своего существования Ханой всегда состоял как бы из двух разных городов. Этим и можно ответить на вопрос: «А где все же центр Ханоя?» Их два, и оба — исторические. Один западный, другой восточный. Первый был городом власть имущих, второй — народным, деловым. В западном центре отсчитывают последний век до своего тысячелетия старейшие памятники архитектуры: Пагода на одной колонне и Храм литературы. Восточный центр — это набережные озера Возвращенного меча с Башней черепахи, храмом Нефритовой горы. В западном центре Бадинь с мавзолеем Хо Ши Мина и Дворцом Национального собрания. Здесь же — другие государственные учреждения и место работы Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама, посольства социалистических стран.

У озера Возвращенного меча сходятся трамвайные пути со всех направлений. Здесь возвышается почтамт, увенчанный башней с курантами, сосредоточены гостиницы, крупные торговые предприятия, государственный банк, другие общественные здания.

Дворцовые интриги, борьба за власть, амбиции очередного правителя, а порой и просто его капризы — вот что определяло рост или упадок императорского и чиновничьего города, отгороженного от внешнего мира

каменной стеной с пятью помпезными воротами. В начале прошлого века, когда династия Нгуенов перенесла столицу из Тханглонга в Хюэ, император Зялонг боялся, что старый Тханглонг затмит величием его новую столицу. В 1805 году по его приказу старинный императорский город в Тханглонге вместе с его дворцами и стеной был стерт с лица земли, а кирпич и камень пустили на постройку скромной цитадели с периметром всего пять километров, в которой размещались гражданская и военная администрация (на этот раз уже только местная). Она имела форму квадрата и ломаные углы по образцу фортификационных сооружений французского инженера маркиза де Вобана.

Границы этой цитадели оставили четкий отпечаток на нынешнем рисунке улиц Ханоя. Пройдя пять километров по квадрату, образованному улицами Хоанг Зиеу, Дьенбьенфу, Ли Нам Де и Фан Динь Фунг, вы не найдете, кроме ворот, даже самого узкого проезда в сторону центра этого четырехугольника.

Красная кирпичная башня Северных ворот, резко выделяющаяся на фоне более поздних светлых оштукатуренных построек на месте бывшей городской стены, хранит на себе щербины от пушечных снарядов и вмурованную в кирпич мраморную табличку. На ней надпись: «Апрель 1882 года. «Фанфар» и «Сюрприз». Это названия двух французских канонерок, принадлежавших экспедиции Анри Ривьера, того самого лейтенанта, который весной 1882 года поднялся по Красной реке от Тхайбиня вверх к Ханюю и залпами орудий заставил ханойских мандаринов подписать договор о протекторате над Северным Вьетнамом.

Северные ворота на нынешней улице Фан Динь Фунг да шестидесятиметровая башня Государственного флага во дворе Музея вооруженных сил Вьетнама — почти все, что осталось от «императорского города» доколониальных времен. На его месте до 1954 года размещались казармы французского экспедиционного корпуса, а вокруг, на землях бывших деревень, быстро выросли укрытые зеленью особняки «европейских» кварталов.

Семь десятилетий «обживали» Ханой французские колонизаторы. Но построенный ими «европейский» город так и остался отдельной зоной. Старая восточная часть Ханоя развивалась как бы сама по себе, по своим законам, сохранила национальный колорит, отвергая

чуждое влияние как в архитектуре, так и в образе жизни. Только на смену вьетнамским названиям улиц на семьдесят лет пришли французские. Но местное население продолжало пользоваться своими, традиционными.

Я люблю ходить по тесным и суетливым улицам старого делового Ханоя, сгусток которых, настоящий лабиринт, начинается сразу у северного берега озера Возвращенного меча. Это самый плотно заселенный район Ханоя. Если посмотреть на него сверху, то он выглядит сейчас так же, как в прошлом веке: скученные, прилепившиеся друг к другу дома, хаотическая мозаика разновысоких черепичных крыш с черными провалами колодцеобразных внутренних двориков. Сеть улиц сложилась окончательно в начале прошлого века, но многие дома построены еще раньше на месте деревенских халуп из бамбука и соломы. Когда Ханой захватили французы, к югу от озера Возвращенного меча еще были редкие улицы, меж которых стелились заливаемые водой рисовые поля, поднимались бамбуковые заросли и банановые рощи. Но к северу от озера уже шумел настоящий город.

Единственное, чем он изменился по сравнению с доколониальным временем, это рост в высоту. Феодалы запрещали незнатному люду строить дома, которые бы даже только претендовали на состязание с дворцами «императорского города». Закон императора Зя Лонга предписывал, что «дома простых людей не могут иметь второго этажа или двухъярусной крыши, их нельзя разноцветно красить или рельефно украшать». Это не его изобретение. Так диктовала многовековая феодальная традиция. Ее пережитки остались и поныне. Человек должен скрывать свое достояние, не проявлять его во внешнем виде жилья и своем собственном.

Взгляните на первые этажи домов восточного города (вторые и выше были достроены). Их облик отражает эту традицию и вместе с тем торгово-ремесленный характер занятий их обитателей. Все дома прилеплены один к другому, имеют общие стены. Они сделаны так, чтобы каждому достался хоть крохотный кусочек улицы, выход к потоку людей, во внешний мир. Все остальное внешнего мира не касалось, было отрезано от него внутренними стенами и находилось во власти семьи в лице ее главы.

Поэтому дома узкие: на улицу выходит стена шириной лишь 2—3,5 метра. На улице протяженностью всего

в один километр обычных адреса с номерами домов 300 и более.

Зато в глубину квартала дом уходит на 30, 40, а порой на 60 метров. Это система следующих друг за другом проходных комнат, чаще всего соединенных проемами без дверей, либо отдельных комнат с боковым коридором, в котором едва могут разойтись два человека без поклажи. Иногда над коридором нет крыши и он выглядит как узкий переулок.

Двухэтажный домик старика Ниня — один из самых красивых на улице Ханг Ма. Название этой короткой и тенистой улочки между шумным торговым Донг Суаном и «Гребешковым рядом» можно примерно перевести как «ряд церемониальных принадлежностей». Здесь и сейчас продают выпиленные из пенопласта и ярко раскрашенные замысловатые вензеля для свадеб.

Сам Нинь — выходец из образованной городской семьи. Меня сначала немного шокировало, когда такие семьи называли «мандаринскими». По восточным сказкам, прочитанным в детстве, мандарин представлялся всегда каким-нибудь жестоким правителем. На самом же деле в старом Вьетнаме любой более или менее образованный человек, служивший в государственном аппарате, назывался «куаном», что соответствует европейскому понятию чиновник.

Мы познакомились с Нинем в 1979 году, когда он представлял свою газету в качестве специального корреспондента на суде над Пол Потом и Иенг Сари в Пномпене. Уже в то время коллеги называли его почтительно «дядюшка Нинь», поэтому полного имени мне узнать как-то не пришлось, да и незачем. Сейчас он на пенсии.

Старик встречает меня у постоянно открытых и закрываемых только на ночь дверей в переднюю комнату. Как и в деревенских домах, она выходит прямо на улицу, без всякой прихожей. У входа в небольшой остекленной витринке, похожей на аквариум, выставлены резные деревянные подставки под вазы и прочие мелкие художественные поделки, на стенах висят картины его друзей-художников, памятные фотографии. За стеклами шкафа из темного дерева видны сине-белые антикварные фарфоровые вазочки и блюда.

«Дядюшка Нинь» не торговец, не ремесленник, а просто пенсионер, отдавший не один десяток лет журналистской работе. Сейчас работают его дети, жены де-

тей, которые живут в этом же доме и растят внуков. Но многие из вещей, которые выставлены в передней комнате, продаются. Можно прийти к Ниню и попросить подыскать интересующую вас художественную вещь — новую картину или антикварную вазочку, шкатулку или резной столик.

Такие или более «профессиональные» торговцы есть почти в каждом доме старого города. Передняя комната становится днем как бы частью тротуара. Это своего рода гостиная, иногда и спальня, место свободного времяпрепровождения, а часто и мастерская, лавка, харчевня. Сюда открыт доступ не только друзьям и знакомым. Вы можете войти, не спрашивая разрешения, просто приветствуя хозяев, и это считается вполне нормальным.

Старик Нинь, одетый по-домашнему, в широких шортах, сразу же разливает чай. Разговор начинаем с расспросов о здоровье, о семье, потом переходим к городским новостям, к обсуждению достоинств и недостатков висящих на стенах картин.

Дом Ниня можно считать почти классической постройкой старого Ханоя. Из передней комнаты проем без двери открывает вид на внутренний дворик. Он в этом доме разделен как бы на две части. Первая — декоративная, вторая — для домашних дел. Лестница из первой части дворика ведет на второй этаж и в жилые помещения остальной семьи.

Дворик похож на каменный колодец, особенно если посмотреть вверх, на квадратный клочок голубого неба. На дне колодца — крохотный, но ухоженный газон с цветами. В центре — полутораметровый в диаметре пруд с золотыми рыбками. Его стены вылеплены из простого серого бетона, как и искусственная скала посредине. Казалось, беспорядочное нагромождение камней и цемента создает миниатюрный сказочный пейзаж. На кирпичных консолях стен с тонким вкусом расставлены старинные горшки с маленькими зелеными деревьями.

Подобный дворик почти всегда есть между жилыми и подсобными помещениями старого ханойского дома. Он — центр жилища. Из городской суеты вы попадаете в деревню. Даже живя среди трамваев и машин, вьетнамец в своем маленьком, сжатом каменными стенами неказистом царстве ищет близости к природе. Этим проникнута атмосфера в двориках, хотя они очень разные, в зависимости от постройки дома и состояния хозяев,

Иногда в нём растёт арековая пальма, совсем такая, как в каждой деревне, и вы забываете о том, что находитесь в центре города. Здесь же приют домашних животных, в основном свиней, которых содержат многие городские семьи. И в таком случае сходство с деревенским двором почти полное. Бывает и беседка, одетая вьющимися плетями бетеля. В самых старинных домах можно встретить и собственный колодец. Все это охлаждает в знойный полдень, создает своеобразный, придуманный столетиями назад комфорт. «Точнее, не придуманный, а принесенный из деревенской колыбели в город», — объясняет Нинь.

Здесь же во дворе — бытовая утварь, такая же, как в деревне. Наиболее заметны глиняные сосуды для воды вместимостью по несколько ведер.

Конечно, жизнь диктует свои коррективы, и сейчас осталось не слишком много домов, где все так, как здесь описано. Когда дом занимает не одна большая, а несколько семей, помещения используются, как в обычной коммунальной квартире. В тех домах, хозяева которых содержат харчевни или кафе, внутренний дворик превращен в место мойки посуды, разделки мяса и рыбы, резки овощей.

Новые черты появились в облике старого города в конце прошлого века с приходом колонизаторов. Постоятельные торговцы и ремесленники махнули рукой на порядки, установленные кичливой феодальной знатью. У новых господ из Европы именно богатство определяло место в обществе. И старый город тогда стал расти в высоту. Места в нем не прибавилось, а расширять жизненное пространство можно было только вверх. С тех пор и пошла пестрящая в глазах разноэтажность.

Нижние этажи зданий — без причуд, зато надстройки воплощают самую неумемную фантазию зодчих-самоучек и хозяев-заказчиков. Миниатюрные балкончики, площадки под навесами на разной высоте, с резными перилами и ограждениями, лепными орнаментами, изрядно обезображенными черными, похожими на копоть от пожара потеками от сырости. Но почти повсюду на верхних этажах цветы, порой вьющиеся по верандам.

Названия улиц здесь обычно начинаются со слова «ханг» — «ряд». Они возникли действительно как торговые и ремесленные ряды. Каждый имел свою специализацию. Кварталы торговцев, кварталы гончаров, плотников, резчиков, кварталы харчевен — все они существо-

бали как бы отдельно, и каждый был населен мастера-выми одного цеха — «фыонга». Сейчас такая специализация размыта временем. И все же кое-что осталось. И ныне тротуары «Циновочного ряда» завалены циновками и прочими плетеными поделками. Мастера по коже и ее заменителям и сейчас занимают целую улицу. Рыбные фрикадельки вы сможете отведать только на улице, которой они дали имя.

Каждая улочка имеет свою родословную. Доподлинно известно, по землям какой бывшей деревни она пролегла. Город возник из сгустка деревень, которые, даже сливаясь воедино, еще долго сохраняли свои названия и имели свой общинный дом — «динь». Он был местом собраний общинников и поклонения герою деревни — исторической или легендарной личности. Остатки деревенских диней и храмов стоят до сих пор. Многие кварталы основаны переселенцами из провинций, обычно ремесленниками какой-то одной профессии, из какой-то одной деревни. Когда в своей общине им не хватало покупателей или клиентов, они перебирались в более бойкое место, но селились кучно, строили свой «динь» и поклонялись в нем тому же предку или герою, что и у себя на родине. Зачастую этим героем был человек, по преданию научивший их ремеслу.

Самая старая часть восточного города — это бывшее место слияния речки Толить с Красной рекой. О былом скоплении здесь джонок и сампанов, свозивших по протокам дельты из провинции в столицу рис, овощи и другие товары, напоминают названия улиц: Ханг Буом («Парусный ряд»), Тё Гао («Рисовый рынок»). Среди этих улочек затерялись Восточные ворота торгово-ремесленного Ханоя. Их аркой заканчивается «Циновочный ряд».

Дом № 8 по «Парусному ряду» выделяется витиеватой архитектурой, которой отличались культовые постройки от обычных. Если жилищам смертных предписывалось иметь скромный вид, то динь, храм, пагода, наоборот, должны были противостоять им своей торжественностью. Карнизы украшены тонкой лепкой, изображающей целый сюжет. Многочисленные керамические фигурки облиты глазурью сине-зеленых оттенков. Это динь Ты Зыонг, а в народе попросту «динь мясников». Построили его действительно мясники, переселившиеся в столицу из деревни Кимнгуу провинции Хайхынг. Сейчас на всей улице уже не найти ни одного мяс-

ника, а день используется по новому назначению: в нем детский сад.

Неподалеку на той же улице — храм Бать Ма. Он охраняется государством как памятник старины. В отличие от диня — общинного дома деревни храмы воздвигались правителями в честь каких-то событий, духов или героев. Этот заложен еще в IX веке китайским правителем Гао Бянем. Двести лет спустя основатель столицы вьетнамский император Ли Тхай То начал строить Город взлетающего дракона. Но городские стены на болотной почве рушились. Однажды во сне он увидел вышедшего из старого храма белого коня. Тот проскакал вокруг нескольких деревенок и обратно удалился в храм. По следам его копыт император приказал строить стену. Она не рушилась. С тех пор храм и называется Бать Ма («Белая лошадь»).

Другие источники относят историю этого храма еще дальше в глубь веков — к середине I века нашей эры. Считают, что китайцы построили его после смерти Ма Юаня. Это имя вошло в историю Вьетнама как память о трагической странице борьбы против иноземного владычества. Именно Ма Юань и его войска потопили в крови национальное восстание под предводительством сестер Чынг.

Обе версии связаны с китайским господством, с именами самых жестоких палачей вьетнамского народа. Но храм не разрушен и все время поддерживался в сохранности вьетнамцами. Китайские переселенцы обосновались на «Парусном ряду» только в конце XVII века.

В этом — одна из особенностей вьетнамского характера. Многие китайские военачальники пали бесславной смертью на вьетнамской земле, и если их соотечественники ставили храм в честь погибшего вельможи, вьетнамцы не считали его памятью о враге. Смерть — это конец. Мертвый — это мертвый, будь он при жизни врагом или иностранцем. Между живым и мертвым нет ничего общего. Бездыханное тело не имеет никакого отношения к его прежнему обладателю. Но при этом остается почтение к праху сына рода человеческого. В истории был случай, когда вьетнамцы убили китайского военачальника Шам Нги Донга и тут же построили храм его памяти. Не в память о ненавистном захватчике, а для того, чтобы успокоить душу воина, которого они уничтожили с правом справедливой самообороны.

...На ханойском аэродроме Зялам американские офи-

церы в парадных мундирах застыли перед траурными урнами, на которых стояли выкопанные из земли каменные столбики с вьетнамскими именами. Такие сцены я наблюдал в 1973 году — после подписания Парижского соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме. Нет, американцы салютовали не павшим вьетнамским патриотам. Просто во время войны местные жители хоронили сбитых ими же воздушных пиратов рядом со своими соотечественниками. Даже имея документы погибших американцев, над могилами писали придуманные вьетнамские имена. Убитый, кем бы он ни был, становился другим человеком. В этом своеобразная традиционная этика.

Нго Гать («Переулочек кирпичников») протянулся по бывшему руслу речки Толить. В доме № 10 — динь деревни Тханьха, одной из «деревень-аристократок». Она основана не переселенцами из провинции, а была здесь изначально. Правда, динь, как это часто бывало, перенесли сюда с соседней улицы уже в начале прошлого века. Прежний пришлось снести при перестройке квартала. Об этом повествуют иероглифы на стене. Другая иероглифическая надпись говорит о родословной деревни. Герой, которому поклонялись сельчане, был полководцем и участвовал в отражении монголо-китайского нашествия на Вьетнам в начале XIII века. Завершив ратные подвиги, он решил провести свою старость в деревне Тханьха близ императорского города. Здесь он и умер. Прямо перед динем растут два старых баньяна. Стволы этих гигантских фикусов состоят из переплетения сотен бывших воздушных корней, достигших земли. От баньянов, кроме тени, нет никакой практической пользы, но они непременно растут в любой деревне Севера Вьетнама, символизируя ее древность и незыблемость.

Рядом с динем, на противоположной стороне переулочка — водопроводная колонка. Как и на других старых улочках, она часов с шести вечера, когда кончается деловой день и спадает зной, становится как бы центром этого мирка, заключенного между двумя рядами домов. Непрерывная струя воды наполняет по очереди выстраивающиеся в ряд ведра, кувшины. Процесс протекает неспешно, а за это время хозяйки успевают обсудить местные новости дня. Здесь же, на тротуаре, стирают одежду. Несмотря на внешне грязный вид старых кварталов, их жители любят чистоту в одежде, и во влаж-

ной духоте Ханоя, выжимающей летом из человека буквально семь или больше потов, при нынешнем дефиците мыла вы редко увидите вьетнамца в белой, но грязной рубашке.

У колонки в тазах голышом весело плещется детвора — мальчишки и девчонки от самых маленьких до тех, кому на вид уже 11—12 лет. Купающаяся детвора не стесняется своей наготы. Тротуар здесь — часть дома, а соседи по улице — почти родня. И лишь завидя проходящего чужака, те, что повзрослее, начинают смущаться.

Эта домашняя атмосфера «Переулка кирпичников» кончается на главной магистрали восточного города. У европейцев она известна как «Шелковая улица». Вьетнамцы ее так не называют, да и на самом деле это не одна, а пять переходящих друг в друга улиц.

Первая из них — Ханг Дао, или «Персиковый ряд», действительно имеет отношение к шелку. Здесь в прошлом жили красильщики шелка, пришедшие целым товариществом из деревни Данлоан провинции Хайхынг, издревле знаменитой этим ремеслом. Дом № 90 А — их бывший двор, где отправлялся культ легендарного зачинателя красильного дела с уже забытым именем и героя деревни Данлоан некоего Чиеу Сьонга.

Долгое время мастера на Ханг Дао красили ткани только в различные оттенки красного и розового цветов, т. е. цветов ритуального персикового дерева. Позднее гамма красок расширилась, но название «Персикового ряда» так и закрепилось за улицей. В начале нашего века в Ханое, как во многих городах Юго-Восточной Азии, возникли поселения индийских торговцев тканями. Одним из их сосредоточений стала улица Ханг Дао. На смену местному шелку, который ткали в окрестных деревнях, пришли индийский и китайский, а позднее и искусственный. На прежних французских планах Ханоя улица значится как «Шелковая».

Затем следует Ханг Дьонг — «Сахарный ряд», получивший когда-то название благодаря лавкам с восточными сладостями. За ним начинается улица Донг Суан, половину которой занимают корпуса центрального рынка. Атмосфера под его сводами такая же, как на любом восточном базаре. Все, что продается в Ханое, вы найдете на Донг Суане: от овощей и живности до одежды и косметики.

...Расположившиеся длинным рядом торговцы плетеными изделиями предлагают предметы удивительного ис-

куства мастеров этого ремесла: от маленьких круглых подставок под стаканы до детских колыбелек. Здесь — сумки и корзины самых разнообразных форм, шкатулки, решета диаметром до метра. В поделках бытового и декоративного назначения воплощены кропотливый труд и природное эстетическое чувство народных умельцев.

Плетение во Вьетнаме, наверное, самый распространенный вид ремесла. Говоря об универсальности его продукции, нельзя не назвать циновки, которые есть в каждом доме. Они играют роль ковров, портьер и традиционной постели, избавляющей от неприятного ощущения спать на впитавшей тропическую влагу простыне. Из тростника, бамбука и пальмовых листьев сплетены стены легких построек, какие можно увидеть повсюду в этой стране. В таких плетеных «гостиницах» мне часто приходилось ночевать в деревнях в годы американских бомбардировок Северного Вьетнама, когда останавливаться в городах было небезопасно.

В той части рынка, которую занимают торговцы живностью, главное место принадлежит продавцам аквариумных рыбок. Украшенный вылепленными из цемента и камней «скалами» бассейн с яркими золотыми рыбками, пышными вуалехвостами и телескопами издавна был почти неперменной принадлежностью богатого дома. Здесь же продают и круглые стеклянные аквариумы. Они пользуются большим спросом и сейчас. И другая, очень популярная разновидность рыбок — бойцовые. Рядом с продавцами мальчишки, что называется «не отходя от кассы», проверяют качество товара, устраивая поединки только что купленных петушков, и потом несут уже изрядно потрепанных рыбешек домой в маленьких целлофановых пакетах, наполненных водой. Состязание рыбок — одно из любимых развлечений вьетнамских подростков. Впрочем, и стычки пернатых бойцовых петухов сопровождают почти все народные празднества.

В клетках наряду с голубями, курами, котятками и щенками продаются обезьяны, попугаи, черепахи, ящерицы, вараны.

Из перечисленной живности разве что обезьяны и попугаи служат для развлечения, а кошки для защиты жилья от мышей и крыс. Все остальное идет в пищу, в том числе и собаки. Однако неправильно думать, будто собачатина — одно из распространенных мясных блюд во Вьетнаме. Это скорее праздничный деликатес. Креве-

ток, лягушек и черепах, не говоря уже о рыбе, птице и свинине, едят гораздо чаще.

На рынке есть несколько рядов, представляющих своеобразный ресторан. Там можно, сидя на скамейке за столом, поесть и собачатины, и других экзотических лакомств, чаще всего приемлемых только для вьетнамского гурмана, и более будничного, но вкусного для всех горячего супа «фо».

Рано утром к Донг Суану с тяжелыми корзинами на коромыслах, велосипедах и велорикшах стекаются крестьяне из пригородов. Такие способы передвижения не позволяют с поклажей преодолевать большие расстояния. Поэтому ханойский рынок снабжается практически только из ближайших окрестностей столицы. Лишь немногие сельчане покрывают несколько десятков километров в набитом до отказа автобусе или вагоне поезда. Их от автостанции или вокзала к рынку доставляет неспешащий, обшарпанный, гроыхающий трамвай.

Во Вьетнаме пока нет продовольственных магазинов. Распределители на предприятиях, в учреждениях и по месту жительства предназначены для нормированного снабжения продовольствием и продуктами питания рабочих и служащих, учащихся. Это нужно, чтобы реальный доход таких категорий населения, живущих на государственную зарплату и стипендии, не страдал от колебаний цен на свободном рынке. Но эти люди составляют пока небольшую часть городского населения. Поэтому Донг Суан и менее крупные базары кормят основную массу горожан. В них деревня сама приходит в порожденный ею же город, принося ему продукты традиционного крестьянского труда. Так было и 100, и 200 лет назад.

И все же жизнь не стоит на месте. В проникнутый патриархальными традициями быт старого восточного города вплетается все больше новых современных черт. Они сосуществуют с остатками старины, не без труда, но уверенно оттесняя их во вчерашний день.

ХАНОЙ И ХАНОЙЦЫ

По территории Ханой — один из самых больших городов мира. Его протяженность с запада на восток достигает 70 километров, а площадь — 2122 квадратных

километров. Естественно, речь идет об административных границах Ханоя, а они охватывают и большие сельские районы, и разбросанные среди них поселки городского типа. По данным Ханойского народного комитета, из 2557 тысяч человек, живущих в черте Большого Ханоя, несельскохозяйственное население составляет едва около половины, а остальные — крестьяне.

Город во Вьетнаме — это прежде всего географическое и административное понятие. В него часто включается и то, что мы бы скорее назвали ханойской или хайфонской областью. Если бы у нас сообщение «колхозы города Москвы собрали богатый урожай картофеля» выглядело нелепо, то здесь это не вызывает недоумения. Отчасти такое смешение города и деревни в одной административной единице восходит к истории формирования вьетнамских городов. Лишь сравнительно недавно они стали промышленными центрами, имея за плечами уже по несколько столетий.

Собственно Ханой, или, как здесь называют, «внутренний город», занимает примерно одну пятнадцатую или двадцатую часть территории Большого Ханоя. В нем живут 820 тысяч человек — примерно четверть численности ханойского населения, приводимой в справочниках. Большинство заводов и фабрик, благодаря которым Ханой в середине 60-х годов превратился из города-чиновника в индустриальный центр, сосредоточено на окраинах «внутреннего города», но многие предприятия разбросаны среди густонаселенной сельской местности. Члены одной и той же семьи могут быть и рабочими, и крестьянами. Глава семьи, отстояв восемь часов у токарного станка на заводе, возвращается в свой деревенский домик и оставшуюся часть дня занимается огородом.

Население «внутреннего города» имеет еще тесные связи с деревней — родственные, экономические, психологические. В этом можно убедиться, постояв в часы «пик» на одной из дорог, ведущих из пригородных уездов во «внутренний город». Горожане на велосипедах, мопедах, велорикшах спешат воскресным вечером в Ханой от своих сельских родственников с курами, поросятами и щенками в корзинках, охапками зелени. В будни после окончания рабочего дня в деревню устремляется поток живущих там рабочих и служащих ханойских предприятий и учреждений.

Транспорт в северной части Вьетнама развит пока слабо, и товарообмен между столицей и отдаленными

провинциями ограничен. Поэтому 100 процентов овощей и 50 процентов мяса, потребляемых несельскохозяйственным населением города, производится в сельских районах в административных границах Большого Ханоя. И только основной продукт питания — рис, а также его заменители (кукурузу, сою, батат, хлеб) столица не может в достатке получать только из своих перенаселенных окрестностей.

Средняя плотность населения Большого Ханоя — 1100 человек на 1 квадратный километр. Это во много раз больше, чем в среднем по стране (160 человек). Но во «внутреннем городе» она достигает 20 и даже 30 тысяч человек. Порой трудно себе представить, как такая масса народа помещается в двух-трехэтажной центральной части города.

Цифры, которые мне назвал заместитель председателя народного комитета Ханоя Нгуен Донг, весьма приблизительны и часто не стыкуются друг с другом из-за несовершенства статистики. Но они дают представление о социально-экономическом портрете города.

Старый Ханой, особенно его восточная часть, лежащая к северу от озера Возвращенного меча, — это многочисленные мастерские ремесленников и лавки торговцев. Таким он был столетие назад и, несмотря на глубокие социальные перемены, сохранил многие свои черты по сей день. Десятки тысяч ремесленников и потомки мастеровых и торговцев превратились в рабочих и служащих, но и сейчас в столице насчитывается почти 60 тысяч кустарей. За послереволюционные годы они объединились в кооперативы и производственные группы. Единоличников осталось очень немного. Коллективных мастерских в городе более 400. Они занимаются и старыми ремеслами, принесенными их предками из родных деревень, и новыми профессиями, родившимися уже в городе: плотники и косторезы, циновщики и портные, краснодеревщики и гончары, стеклодувы и красильщики. Есть мастерские металлоизделий и лаковой живописи, по ремонту велосипедов, автомобилей, часов, электромоторов, фотографии, парикмахерские.

Часть продукции идет тут же на продажу населению, другая поступает в государственную торговую сеть. Многие кооперативы сотрудничают с промышленными государственными предприятиями: заводы и фабрики размещают заказы в группах кустарей, в том числе надомников. На государственной швейной фабрике № 40, напри-

мер, занято около 1000 рабочих и работниц, а отдельные звенья производства выполняются в 40 кооперативах-спутниках, объединяющих свыше трех тысяч кустарей.

Число торговцев и владельцев крохотных закусовых, харчевен и кафе не охватывает никакая статистика. Почти в каждом доме старого города что-нибудь продают. Во многих случаях лавка на первом этаже дома — это лишь побочное занятие его хозяев. Торгуют члены семьи, свободные от другой работы. На тротуарах, в парках и скверах пристраиваются многочисленные лоточки. На их лотках прохожий может купить сигареты и прочую мелочь, легко перекусить и даже получить горячий обед. По вечерам на малоосвещенных улицах эти лотки светятся тусклыми масляными копилками, которые выполняют двойную функцию фонарика и огонька для прикуривания.

В отличие от других крупных городов зарубежной Азии, где «кока», «пепси», пиво и прочие импортные напитки давно составляют основу ассортимента в уличных кафе, в Ханое вас угощают природными дарами самой вьетнамской земли, черным до густоты дегтя кофе — горячим и со льдом, кокосовым молоком, напитком из лимонного сока с сахаром...

Восточную часть Ханоя иногда называют «китайским городом». В действительности выходцы из Китая, в основном торговцы, жили во всех районах. Самые богатые имели особняки в «европейских» кварталах, а магазины — на фешенебельных центральных улицах.

И все же первые китайские поселенцы обосновались в основном здесь. В XVII веке вьетнамский двор разрешил китайским эмигрантам селиться на нескольких улицах Города взлетающего дракона. Как и везде, хуацяо (по-вьетнамски «хоакиеу») жили скученно, сообществами-конгрегациями. Например, на улице Ханг Нганг, в которую переходит «Персиковый ряд», находилась конгрегация пришельцев из китайской провинции Гуандун, на улице Ланг Онг и у Восточных ворот — из провинции Фуцзянь.

Пестрая вьетнамо-китайско-индийская этнографическая смесь старого города, в общем, сосуществовала без межнациональных конфликтов. Но сейчас население значительно «вьетнамизировалось». Индийские торговцы покинули Ханой вскоре после перехода Вьетнама на социалистический путь развития, когда государственная монополия на внешнюю торговлю лишила их возмож-

ности заниматься частным импортом товаров. Китайское население сократилось после 1978 года, когда резко ухудшились отношения между СРВ и КНР и на волне шовинистических настроений, разжигаемых из Пекина, многие хуацяо покинули свою вторую родину.

Вообще на Севере Вьетнама по сравнению с Югом хуацяо было не так уж много: по данным на 1960 год — 55 тысяч. Большинство из них жили в северо-восточной приморской провинции Куангнинь и в портовом Хайфоне. Китайская колония в Ханое насчитывала только около 13 тысяч человек.

Во время событий 1978 года большинство ханойцев китайского происхождения уехали, прекратилась деятельность столичной ассоциации китайских эмигрантов, закрылись китайские школы и газета «Синьюэ хуабао». Китайская колония как социальная общность практически перестала существовать. На прежде занятые китайцами позиции в мелкой торговле, сфере услуг и других видах предпринимательства выдвинулись вьетнамцы.

...Маленький, худой, чрезвычайно экспансивный и разговорчивый человек лет 50 по имени Тхо уже с крыльца приветствует гостя. Мгновенно появляется его меньшей сынишка, который, деловито бегая вокруг машины, помогает мне припарковаться вплотную к бровке. Это нелегкое занятие, потому что даже на пустой улице Та Хиен едва разъезжаются две малолитражки. Но пустой она почти никогда не бывает. Того и гляди зацепишь велосипед, мотоцикл, велорикшу или лоточницу с сигаретами и мелкими сладостями.

Невзрачная, грязноватая и ничем не примечательная по своей архитектуре улица в самой гуще старого города так же миниатюрна, как и все на ней. Она протянулась всего на 226 метров, но, когда говорят «Та Хиен», то имеют в виду ее самый узкий отрезок метров в сорок длиной. Она известна как улица вкусных восточных деликатесов. На этом узком отрезке находятся прилепившиеся друг к другу около десятка маленьких ресторанчиков. Наш знакомый Тхо — владелец одного из них. Ни у одного из этих заведений нет названия — только маленькие вывески с одной и той же надписью «дак шан», что и можно перевести примерно как «деликатесы». Вьетнамцы называют их по именам хозяев, допустим, «У Тхо», а иностранцы обычно придумывают какое-нибудь прозвище полюбившемуся им ресторанчику и предпочитают ходить всегда только в него. Мне лично

больше нравится у Тхо, а ассортимент блюд у всех практически одинаков.

Прямо напротив дома № 11, где живет семья Тхо, находится здание бывшего театра «Ким Лан» — «Золотая орхидея». Трудно представить, что творилось по вечерам на этой улочке, когда маленький театрик действовал. Артисты и сейчас составляют немалую часть людского муравейника, населяющего Та Хиен. Но играют они в других более крупных помещениях. В конце 60-х годов крохотный театр «Ким Лан» был закрыт и используется сейчас как склад.

Хотя над дверью, у которой нас встречает Тхо, можно различить закопченную табличку с номером 11, только совсем вблизи это помещение можно принять за отдельный дом.

Закопченный и обшарпанный вид этих предприятий «общепита» может смутить эстета. Несколько раз заезжие гости из Москвы, которым я обещал устроить обед в настоящем «национальном стиле» с энтузиазмом принимали приглашение, но перед заветной дверью вдруг теряли аппетит и просились обратно в гостиницу. Но у большинства желание отведать «чего-нибудь такого» оказывалось сильнее брезгливости перед внешностью «ресторана» без неоновой вывески и белоснежных скартерей.

Через минуту после обмена приветствиями с хозяином и хозяйкой, взаимно удостоверившись, что мы, они, все наши и их родственники в добром здравии, садимся за стол, и хозяин выкладывает выученное наизусть меню. В нем всего пунктов двадцать, не больше, но зато практически всегда они выполнимы.

— Три супа из угрей, — диктую, глядя в меню.

— Три супа из угрей, — громко повторяет хозяин. Это для повара: кухня рядом и почти не скрыта от «зала». И так далее.

Если посетителей много, то в те несколько минут, пока из заранее подготовленных продуктов варится первое блюдо, хозяин обменивается с нами последними новостями, заботами. Сразу возникает теплая, домашняя атмосфера.

В семье Тхо — пять человек: он сам, его жена, две незамужних дочери и 13-летний сын. Как он сам говорит, семья «идет на двух ногах». Днем он работает механиком в одной из ханойских автоколонн. Сын учится в школе, младшая дочь закончила девять классов базо-

вой школы и собирается учиться дальше. Старшая закончила техникум, но пока «ожидает работы». В крупных городах Вьетнама, в том числе в Ханое, трудоустройство — не такое уж простое дело. Жена — домохозяйка. Все свободное время они отдают содержанию своего маленького, никогда не пустующего заведения. Работают в нем не только члены семьи. Тхо, сам работник государственного предприятия, к тому же еще и работодатель. В его частном предприятии — трое наемных: повар, помощник повара и девушка-соседка, которая помогает убираться и разносить блюда.

«Зал» по размерам не больше просторной жилой комнаты, и если потесниться, то в нем одновременно смогут поужинать десятка два гостей. Лишнего пространства нет, а сами хозяева живут на пристроенной в половину комнаты антресоли. Комната выходит дверью прямо на улицу, и у этой двери отгорожен буквально квадратный метр у окна для кухни. Отдельный от комнаты узкий боковой коридор ведет в крохотный внутренний дворик, превращенный в место разделки живности, из которой готовятся деликатесы.

На кухне — только угольная жаровня и повар, больше места нет. Встретив этого человека на улице, труднее всего предположить, что он — повар: седой суровый старец — скелет, обтянутый кожей, через которую рельефно проступают все мышцы.

В считанные минуты, ловя повторяемые хозяином слова заказов, он создает буквально произведения кулинарного искусства из черепахи, угрей, крабов, лягушек, голубей, сочных овощей и домашней лапши, приправленных пряными соусами. Вы видите, как очередная смесь продуктов кипит в большой вогнутой раскаленной сковороде, как быстрыми движениями специальных жестких метелочек из бамбука эта сковорода очищается для следующего блюда. В ней готовится почти все. Никакой лишней посуды. Во всех движениях повара-чародея — быстрота, отточенность, экономия и слаженность, исключая даже самые короткие простои.

Это искусство кулинарии передается по наследству. Оно впитало в себя элементы старой вьетнамской, китайской и французской кухни. Конечно, это не обыденная пища ханойцев. Их каждодневный стол далек от такого многообразного экзотического набора продуктов. В отваренный на пару рассыпчатый рис добавляют немного зелени, жидкого бульона и свиного сала, иног-

да — рыбы, курятины или свинины и заливают все это резким по запаху рыбным соусом «ныок мам». Поужинать в ресторанчики на Та Хиен, Тя Ка и других улицах старого города ханойцы заходят по особым случаям. Гораздо более посещаемы харчевни с единственным дешевым, но вкусным супом «фо» из домашней лапши и скудных ниточек мяса. У молодежи популярны маленькие кафе, где можно выпить сока или кофе, сидя на игрушечных скамеечках у столь же игрушечных столиков, поговорить и послушать музыку. Но все эти заведения объединяет один признак — они по-домашнему маленькие, и в них никогда не приходится ждать.

И Тхо, и его жена — коренные ханойцы. Это можно встретить не так часто. После 1945 года население «внутреннего города» выросло в пять раз, а в целом по стране — только вдвое. Значит, больше половины жителей столицы — пришлые.

Хотя во многих столичных домах есть традиционные алтари предков, у Тхо его нет. Хозяйка рассказала мне, что с рождения живет в этом районе. Здесь же жили ее родители, а откуда родом был дед, она уже не знает. В этом доме они с мужем обосновались недавно — в 1978 году. Раньше в домах с выходом на улицу Та Хиен жили исключительно хуацяо. Китайская колония держала монополию на закусочные и харчевни, как и на многие другие виды частного предпринимательства. В 1978 году китайцы стали уезжать, и сейчас здесь их почти не осталось.

Я вспомнил, как в начале 70-х годов иногда наведывался в такой маленький уютный ресторан рядом — на Та Хиен, 13. Там тогда готовили превосходный китайский суп с миниатюрными пельмешками, стены были оклеены яркими бумажными плакатами с цветными видами Шанхая.

Сам Тхо — тоже не знает своего родства до далекого колена. Он выходец из тех мелких городских слоев, которые не рабочие, но и мелкой буржуазией из-за бедности их назвать нельзя. В 1946 году, как только началась война Сопротивления против французов, он ушел в революционную армию. В ее рядах и прошел всю войну. Потом еще семь лет служил в армии, а демобилизовавшись, вернулся в Ханой, женился, устроился на работу механиком.

Когда китайцы ушли из «лицевых» домов Та Хиен, ему как ветерану войны дали возможность купить ны-

нешнюю квартиру. Прокормить семью на одну зарплату было трудно. Тхо купил лицензию, открыл собственное дело и вскоре преуспел. Налог государству он платит большой, недешево стоит и хороший повар, да и продукты, естественно, покупаются по высокой цене свободного рынка, но все равно из «двух ног» та, что стоит в частном секторе, пока основная по доходу.

В начале 80-х годов такие мелкие заведения «общепита», какое содержит наш знакомый, выросли в Ханое в великом множестве, подобно грибам после дождя. В соответствии с новой экономической политикой государство поощряет выгодное всем предпринимательство. Конечно, больше поощряется не торговля, а производство: открытие кустарных мастерских, развитие надомных ремесел. Но то ли в силу традиции, то ли по причине быстрого оборота тяга к торговле оказалась сильнее. Харчевен и особенно «прохладительных» кафе открылось, может быть, чрезмерно много. Но они не пустуют, а, значит, нужны. И что греха таить, я часто в Москве вспоминаю про эти закопченные лавочки с приветливыми по-домашнему хозяевами, когда тщетно пытаюсь найти место быстро и вкусно поесть, отдохнуть и даже просто выпить прохладного сока.

Велосипед — главное средство передвижения во вьетнамских городах, да и в деревне. В Ханое он есть почти у каждого взрослого жителя. На нем едут на работу, в гости, в кино. Платные велосипедные стоянки у театров, парков и просто в оживленных местах занимают порой площадь до половины гектара, серебрясь на солнце мириадами бликов на рулях и ободах колес. Вечером молодежь выезжает на улицы группами и парочками. Еще не научившись ходить, маленький ханоец крепко сидит в сплетенном из бамбука, привязанном к багажнику или раме сиденьце.

Создается впечатление, что ханойцы совсем не ходят пешком, даже до соседнего квартала. Тротуары свободны, зато на проезжей части в часы «пик» едва умещаются все участники движения, в подавляющей массе своей — велосипедисты. Автомобили, непрерывно и беспомощно гудя клаксонами, буквально протискиваются в этом потоке. Нужно заметить, что средняя площадь проезжей части улиц в расчете на душу населения составляет в Ханое 2,5 квадратных метра, в то время как в большинстве городов мира — от 6 до 8,5 квадратных метра. Понятно, что один автобус с 60 пассажирами за-

нимает куда меньше места на дороге, чем 60 велосипедистов.

За три десятилетия войны городское строительство и развитие общественного транспорта значительно отстали от роста населения. С 1954 года до конца 70-х годов только во «внутреннем городе» жителей стало в 5—6 раз больше. Тогда население Ханоя не превышало 150 тысяч, число автомашин — полутора тысяч, велосипедов было около 50 тысяч, велорикш — несколько сотен. Сейчас в часы «пик» на улицы столицы выплескивается около 18 тысяч автомобилей, почти 700 тысяч велосипедов, примерно 60 тысяч мотоциклов и мопедов, около двух тысяч велорикш и столько же гужевых повозок, запряженных волами. Длинный и неповоротливый маршрутный автобус еще не очень прижился в городе, поэтому велосипедная армия продолжает расти.

Каких только марок этого двухколесного транспорта не встретишь здесь: отечественные, французские, китайские, советские... А у многих из-за почтенного возраста уже трудно установить происхождение. Велосипедов и запчастей к ним остро не хватает, поэтому ханойцы с трогательной бережливостью относятся к своему двухколесному другу, не жалеют средств для продления его жизни.

Трудяги-велорикши — незатейливые повозки на трех колесах, — движимые упругими, мускулистыми ногами их хозяев, восседающих позади пассажиров, играют здесь роль такси. Ими пользуются самые широкие слои населения, а вовсе не изнеженные богатеи, как иногда у нас представляют. На каждой из рикш — государственный номерной знак и название кооператива велоизвозчиков, членом которого является владелец. Работа на рикше вовсе не считается «непрестижной» и тем более «унизительной». Собственно, чем этот труд ногами хуже преобладающего пока в стране ручного труда крестьянина или рабочего?

— Трудными были для Вьетнама десятилетия после Августовской революции 1945 года, — рассказывает мне заместитель мэра Нгуен Донг. — Но и в эти времена Ханой строился. Старая часть города с тесными восточными кварталами и районы особняков колониального периода хоть и остаются почти в неприкосновенности, но составляют все меньшую долю общей площади столицы. На окраинах выросли микрорайоны четырех- и пятиэтажных блочных типовых домов. В 1981 году, на-

пример, было построено около 37 тысяч квадратных метров жилья. Были годы в пятилетке 1976—1980 годов, когда сдавалось больше 100 тысяч квадратных метров. Но, конечно, такие темпы строительства пока явно не отвечают потребностям большого и растущего города. Жилищная проблема еще стоит очень остро. На одного человека приходится не больше трех квадратных метров жилья.

Новые жилые районы разместились в основном в южной и юго-западной частях Ханоя. Это Кимлиен, Чунгты, Кхьонгтыонг... В 1974 году я ездил в Кхьонгтыонг делать репортаж о первом после войны микрорайоне новостроек. Тогда только корпуса самых первых пятиэтажек сдавались государственной комиссии. Они стояли среди болотистых пустырей рядом с бамбуковыми хижинами и мазанками. На прудах и болотах зеленел водный батат.

Вернувшись в Ханой спустя пять лет, я не узнал Кхьонгтыонга. Даже приблизиться к нему в часы «пик» было нелегко. До того тесно на дороге от скопления движущихся с работы или на работу велосипедистов.

В пятиэтажных новостройках получают квартиры главным образом рабочие и служащие. Основное преимущество — исключительно низкая квартплата. Но отдельная квартира для обычной молодой семьи остается еще мечтой.

Новые кварталы не избежали пагубного влияния тропического климата. Штукатурка покрылась черными потеками плесени, часто отваливается. Видимо, для тропиков нужны особые стройматериалы.

— Качество зданий оставляет желать лучшего, — говорит Нгуен Донг. — И в этом сказываются последствия войны. Современное вьетнамское градостроительство делает первые шаги. За 30 лет у нас больше привыкли строить временки, чем комфортабельные дома. Отсюда и соответствующий, прямо-таки крестьянский подход к строительным работам и упрощенчество в архитектуре. Еще не найдено по-настоящему отвечающих местным условиям и национальным особенностям быта вариантов удобной планировки квартир. Не хватает хороших стройматериалов, недостаточна квалификация рабочих.

Но все же новые районы — это большой шаг вперед в развитии города. Он сделан благодаря народной власти. На окраинах столицы нет убогих трущоб — «бидонвилей», подобных тем, какими обросли Сайгон и

Дананг за годы господства проамериканского неокониального режима. Поэтому Ханой не назовешь «городом контрастов». В нем грязные лачуги из жестяных отбросов не соседствуют с блистательными небоскребами. Облик города скромный, но ровный.

Заводы алкогольных и безалкогольных напитков, льда, рыбного соуса, табачных изделий, электростанция, небольшие ремонтные мастерские — всего 17 промышленных предприятий — были итогом колониальной «индустриализации» Ханоя к 1955 году.

Набор небогатый, но французских поселенцев и власти он вполне устраивал. Большинство видов товаров, необходимых европейцам и местной верхушке, привозилось из-за моря, а остальная часть населения довольствовалась продуктами ремесла своих дедов. Торговля, услуги и ремесла — вот чем жил этот колониальный город.

Настоящее индустриальное развитие Ханоя началось в конце 50-х и активно велось в 60-х годах, пока не было замедлено американской агрессией против Демократической Республики Вьетнам. Создание заводов и фабрик было в этот период главным содержанием строительства столицы. Но индустриализация состояла не только из строительства новых предприятий с помощью социалистических стран. Одновременно сливались мелкие механизированные мастерские.

К 1980 году на 300 государственных предприятиях города и пригородов было занято 200 тысяч рабочих. 168 наиболее крупных предприятий — это заводы и фабрики центрального подчинения, а остальные — местного значения и находятся в ведении городских властей.

17 предприятий в 1954 году и 300 — в 1980-м, 150 тысяч население «внутреннего города» до ухода колонизаторов и 820 тысяч сейчас. Ясно, что быстрый рост Ханоя — это следствие превращения его в главный политический, экономический и культурный центр нового государства, с его индустриализацией.

Ханойский отряд рабочего класса молод. На заводах и стройках редко встретишь рабочих во втором поколении. Почти все, с кем мне довелось беседовать по долгу журналистской службы, — дети крестьян, иногда ремесленников и мелких служащих. У большинства родители живут в деревне, а те, что постарше, часто пришли из села уже в зрелом возрасте.

Между юго-западной окраиной Ханоя и городом Ха-

донг — административным центром одноименной провинции — по обе стороны от дороги лежали земли некогда богатой общины Нянмук. Все шесть ее тхонгов процветали именно потому, что находились у самых ворот крупнейшего города страны, население которого не скупилось на цены, покупая рис, овощи, мясо у земледельцев Нянмука.

Дальнейшая «цивилизация» принесла общине разорение, и уже в 40-х годах дорога из Ханоя в Хадонг лежала через вонючие болота на месте рисовых полей, превратившихся в большую мусорную свалку большого города. Это превращение обязано разным причинам. Построив бетонные бункера на южных подступах к Ханюю, опутав рубежи колючей проволокой, колонизаторы вторглись в живую клетку общины и, следовательно, разрушили ее. Предпринимательский и потребительский «бум» повлек крестьян на заработки в город. Из крестьян-земледельцев жители Нянмука стали нищим городским плебсом, влачившим незавидное существование среди источавших смрад свалок.

Сейчас этот район стал звеном, соединившим два некогда отдельных города. И имя ему Тхьонгдинь. Так назывался тхонг, на месте которого в декабре 1955 года был заложен фундамент первого промышленного предприятия — Ханойского механического завода. Теперь это станкоинструментальный завод номер один.

Грозди мелких цветов распускаются на личжиевых деревьях, выстроившихся вдоль «Аллеи дружбы». Она начинается от самой проходной завода. На каждом дереве — таблички с именами людей, которые посадили тонкие веточки в эту землю в 1958 году, в дни пуска завода. Посадка деревьев по торжественным и памятным случаям не входит в число старинных вьетнамских традиций, но сейчас она более популярна, чем многие старые.

Этот хороший обычай заложен вождем вьетнамской революции, первым президентом республики Хо Ши Мином. Уже не один десяток лет в стране перед новым годом по лунному календарю проводится всенародный праздник посадки деревьев. Почетное право посадить дерево в память о встрече с Вьетнамом предоставляется самым дорогим гостям. Это также и часть юбилейных торжеств.

Жестокий тропический климат может за три года превратить блестящий эмалью автомобиль в проржавев-

шую до дыр железку. Но русские, украинские, грузинские и другие фамилии советских специалистов, работавших при строительстве и наладке завода, не стерлись на табличках, прикрепленных к деревьям «Аллеи дружбы». Их постоянно обновляют, как и традиции связей завода с советскими предприятиями, в первую очередь с московским «Красным пролетарием». В последние годы эти связи получают новое развитие, наполняются новым, все более конкретным содержанием.

— В октябре 1954 года мы с победой вернулись в Ханой из джунглей, с опорных баз войны Сопротивления, а в декабре 1956-го первые группы строителей пришли на болота Тхыонгдиня, — рассказал мне ветеран завода, заместитель директора Нгуен Куанг Тхiep. — Наш «первоначальный капитал» состоял тогда из десяти трудовых пальцев на руках, больше привыкших к плугу, а потом к винтовке, чем к бетономешалке и сварочному аппарату. Из СССР приехала группа проектировщиков, чтобы начать сооружение первого во Вьетнаме крупного машиностроительного предприятия. Пока завод строился, 200 наших техников и рабочих стажировались в СССР, сотни других обучались на месте под руководством советских специалистов. В апреле 1958 года завод дал первую продукцию — небольшие токарные станки «Т-1616». Тогда и была посажена «Аллея дружбы».

На выставке экономических и научно-технических достижений Вьетнама, которая открылась в Ханое в начале 1982 года, может быть, больше отражен не сегодняшний, а завтрашний день Вьетнама. Там в первую очередь бросаются в глаза изделия промышленности, хотя она занимает пока еще довольно скромное место в народнохозяйственном организме страны. Но экспонаты не макеты машин будущего, а образцы действующих, выпускаемых серийно.

«Гвоздь» раздела «Машиностроение» — это блестящие, пахнувшие свежей краской первый отечественный винтовой пресс мощностью 250 тонн, многотонный агрегат по выжимке сахарного тростника, новые типы точных механизмов, запчасти к станкам и машинам. Все они сделаны на первом станкоинструментальном. Его название оправдывается не только тем, что он построен первым и за ним должны появиться вторые, третьи, десятые. Он идет первым в деле технического оснащения вьетнамской промышленности. Сейчас уже более 10 ты-

сяч различных металлорежущих станков с клеймом завода работают на предприятиях многих городов и провинций страны — треть всего станочного парка Вьетнама.

На месте болот бывшей общины Нянмук в годы первой вьетнамской пятилетки (1960—1965) вслед за станкоинструментальным выросли завод резиновых изделий «Шао Ванг», табачная фабрика «Тханглонг», предприятия по производству мыла, электрических лампочек, термосов и др. Отряд рабочего класса в индустриальном пригороде Тхыонгдинь достиг за пятилетие пяти тысяч человек. Именно эта вереница фабричных корпусов изменила социальный портрет Ханоя, превратила его из города-торговца, города-чиновника в город-производитель.

И потом, в годы американских бомбардировок, в трудное послевоенное время, индустриальный район Тхыонгдинь продолжал пополняться новыми предприятиями — механическими, кожевенно-обувными, текстильными. В начале 80-х годов в Тхыонгдине было занято уже 20 тысяч рабочих.

Меньшие по масштабу индустриальные районы сложились на северо-западных окраинах столицы, на левом берегу Красной реки — в Зяламе.

Я не один раз бывал на ханойском станкоинструментальном, но всегда поражался, как вообще можно стоять у кузнечного молота, литейной печи, если и без того более чем 30-градусная жара при 90-процентной влажности воздуха выпивает из человека за восемь часов литры пота. Большие окна цехов всегда открыты настежь, но воздух от этого не перестает быть неподвижным и густым. Входя в цех, вы словно садитесь в автомобиль, простоявший несколько часов на горячем солнце с закрытыми наглухо окнами.

И все это без привычной крестьянской свободы, когда даже в страду дневная сиеста — святое время отдыха, а в самые жаркие дни можно отлежаться в тени хлебного дерева или баньяна, утоляя жажду терпким чаем. Кажется, что индустриализация с ее огнедышащими печами и закрытыми цехами — изобретение и удел жителей более холодных широт.

И тем не менее станкоинструментальный работает, производит металлорежущие станки, другое оборудование, которое раньше во Вьетнам ввозилось только из Европы, Америки и Японии. Выпускаемая около тысячи ма-

шин в год, он почти вдвое перекрыл первоначальную проектную мощность. Его продукция идет и на экспорт: в Польшу, Чехословакию и на Кубу. Раньше такое было просто невысказано. В колониальный период во Вьетнаме не выплавлено ни одного килограмма стали, не изготовлено серийно ни одной машины. Первый токарный станок стал первой точкой отсчета вьетнамского машиностроения.

Переход из крестьянина в кустаря и ремесленника — это уже преодоление большого рубежа. Но путь от земледельца отсталой восточной страны до промышленного рабочего — прыжок над пропастью через эпоху. Это путь от алтаря предков, рисового поля и сонного буйвола, из жизни, весь ритм и уклад которой определяет сама природа, к токарному станку и прессу, которые не зависят от разливов Красной реки и жаркого солнца. Здесь ломаются привычные представления о том, когда надо ложиться спать и вставать, какие отмечать праздники, под какой крышей жить.

И этот барьер преодолели три тысячи рабочих и служащих, занятых на первом станкоинструментальном. Из них 1700 собственно рабочих. Персонал в производственных звеньях сейчас сокращается, но еще велик в силу несовершенства управления. 40 процентов персонала на заводе, казалось бы, такой «мужской» отрасли, как машиностроение, составляют женщины. Во Вьетнаме это в порядке вещей. Многие из них имеют высокие разряды.

За чашкой крепкого до горечи зеленого чая заместитель директора Нгуен Куанг Тхiep рассказывает о заводе. К сожалению, Нгуен Куанг Тхiep не может точно сказать, сколько здесь потомственных рабочих. Есть несколько человек, чьи деды пришли на завод в конце 50-х годов. Но таких мало. Ханойский станкоинструментальный входит в число тех немногих предприятий Вьетнама, которые не только производят станки, но и готовят рабочих для всей страны. Повсюду от северной границы до самой южной провинции Миньхай, где есть хотя бы одно механическое предприятие, работают воспитанники этого завода. Не будь такой задачи, средняя квалификация рабочих здесь была бы выше. Около 10 процентов имеют самые высокие разряды — с пятого по седьмой, около половины — третий и четвертый. Остальные в большинстве своем молодежь, новички на производстве. Сейчас в СРВ любое предприятие или

стройка — это также и школа подготовки рабочих, но особенно это касается ханойского станкоинструментального.

За одним из токарных станков работает 25-летний Тхай Хиен Лыонг. Он — депутат Национального собрания республики, член ЦК Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина. В отличие от большинства своих товарищей по цеху он — потомственный горожанин. Его родители были служащими в Дананге, откуда были вынуждены уехать в 1954 году, после раздела Вьетнама по Женевскому соглашению. Таких переселенцев было тогда много. Все, кто имел связи с Народным фронтом Вьетминь, уезжали с Юга, дабы не попасть под репрессии. Сам Лыонг родился на Севере, окончил ПТУ в провинции Виньфу и стал рабочим в первом поколении. Крестьяне, мелкие служащие и отчасти ремесленники — вот из кого сложился и продолжает складываться рабочий класс Вьетнама. Он, в массе своей, еще не совсем освободился от психологии и привычек мелкого производителя. Поэтому рабочие ханойского станкоинструментального, которым часто доводилось трудиться и общаться с советскими специалистами, единодушно отмечают в советских друзьях их собранность, чувство ответственности и самодисциплину.

В июне, перед наступлением сезона тайфунов и ливневых дождей, на улицах Ханоя появляются бригады рабочих, занятых прореживанием слишком густых крошечных деревьев. Корни у деревьев мощные, но стелются почти по поверхности. Сильный порыв ветра может повалить зеленые исполины. Машины с надписью «поддержка дамбы» пользуются таким же преимущественным правом проезда, как у нас автомобили пожарных, милиции и «скорой помощи». Эти внешние проявления особых проблем Ханоя являются частью своего рода «экзотики», так же, как велосипедное царство на магистралях города, открытая улица жизнь горожан, большая часть которой проходит вне четырех стен дома, колорит восточного рынка.

Но главное содержание жизни сегодняшнего Ханоя состоит в решении других, менее экзотических проблем. Как и во всем Вьетнаме, самые сложные из них связаны с последствиями трех десятилетней войны. Война принесла не только разрушения и жертвы. На улице Кхам-Тхиен, где стоит скромный обелиск в память о погибших ночью 26 декабря 1972 года от страшной «ковровой»

бомбежки, вы уже не увидите руин. Новая центральная часть железнодорожного вокзала выстроена вместо разрушенной. Но война задержала развитие страны. Она диктовала свой уклад жизни. В ее условиях родилось и достигло зрелого возраста целое поколение людей. Такого в современном мире не было ни в одной другой стране.

Из-за нехватки энергии, сырья и материалов промышленные предприятия работают при постоянной недогрузке мощностей. Сказывается и несовершенство укorenившейся за годы войны системы управления производством. Низка производительность труда. Для обеспечения существующих потребностей города необходимо 120—140 тысяч киловатт электроэнергии. Ханой в 1980 году получил только 70 тысяч. Поэтому часто, особенно в сезон закачки воды на рисовые поля, заводы и фабрики простаивают, не говоря уже о том, что по вечерам город погружается в темноту.

Все эти трудности преодолимы, и КПВ выдвинула широкую программу решения послевоенных экономических проблем. В стране с помощью социалистических государств строятся новые мощные электростанции, такие, как ГЭС Хоабинь на Черной реке, ТЭС Фалай, крупные каменноугольные разрезы, ведется разведка месторождений нефти и газа. Только с развитием промышленного производства можно наладить эффективный обмен города с деревней и обеспечить горожан в достатке продуктами питания. Главное средство нормализации жизни городского населения сегодня — это созидательный труд, поиск и использование всех имеющихся резервов.

— Поиск резервов, рационализация производства и совершенствование управления — вот основные задачи, определенные для нас решениями партии, — рассказывает заместитель мэра Нгуен Донг. — Мы начали решать их конкретными делами.

В целях активизации товарного обмена сосредоточено производство самых недостающих предметов потребления: сборка вентиляторов и часов, изготовление кроватей, бумаги, мебели для школ, простейшей керамической посуды, велосипедов и запчастей, орудий сельскохозяйственного и ремесленного труда, механизмов для села, стройматериалов, пошив одежды, переработка пищевых продуктов.

Особое внимание уделяется производству товаров для

экспорта. Оно уже в 1980 году выросло значительно. Это вышитые изделия ханойских мастериц, плетеные подделки из бамбука и других материалов, шерстяные и джутовые ковры ручной работы, мягкая обувь, фруктовые консервы. Учитывая большой удельный вес мелкокустарного производства, осуществляется дальнейшая кооперация промышленных предприятий с кооперативами кустарей.

Одним из составных элементов роста производства призвана стать проводимая в СРВ перестройка управления и распределения. В 1980 году уже на 60 предприятиях города была введена новая система оплаты труда, при которой повышена материальная заинтересованность трудящегося в количестве и качестве конечного продукта, увеличены размеры премий. Эта система дала хорошие результаты и стала быстро внедряться повсюду.

Для нормализации снабжения рабочих и служащих продуктами питания начато более активное развитие государственной системы торговли, которая должна постепенно заменить сложившийся в годы войны порядок распределения основных товаров по карточкам.

Площадь земельных угодий в сельских районах Большого Ханоя такова, что при нынешнем уровне развития производительных сил существует относительное аграрное перенаселение. И в городских районах еще не решена проблема занятости. Население Ханоя молодо. Более 40 процентов его — дети и подростки до 16 лет. Естественный прирост населения, хотя и сократился в последние годы, все равно в целом по Большому Ханю превышает 2 процента в год. Поэтому строго ограничивается прописка в столице иногородних и ведется мобилизация на добровольное переселение части семей из города и пригородов в новые сельскохозяйственные районы, особенно на Юг страны, где много свободной земли. Уже десятки тысяч ханойцев живут и трудятся в госхозах и кооперативах нового экономического района «Ханой», созданного на горной целине южной провинции Ламдонг. Только за один 1980 год на новые земли на постоянное жительство уехало более трех тысяч ханойцев.

Когда начинается пора экзаменов, под уличными фонарями прямо на мостовой темными вечерами можно увидеть школьников и студентов, которые, устроившись поудобнее, изучают книги и конспекты: ведь дома не всегда есть свет, да и неудобно мешать другим обитате-

лям многонаселенной комнаты, рано отходящим ко сну. 350 тысячам учащихся 200 ханойских школ пока не хватает не только электрического света, но и самых простых тетрадей. Немногим лучше и условия учебы студентов 25 столичных вузов и 125 средних специальных учебных заведений. Но рост образования и развитие науки шагают впереди нынешнего уровня жизни. В лабораториях центральных научно-исследовательских институтов, тех же вузов, в медицинских клиниках Ханоя ученые ведут работы в таких областях, как проблемы генетики, ядерная физика, лечение рака... В Ханое сосредоточен самый большой в СРВ отряд ученых и специалистов с высшим образованием и учеными степенями: более 60 тысяч человек.

На выставке экономических и научно-технических достижений есть макет Ханоя, в котором довольно трудно угадать контуры сегодняшнего города. Я не сразу нахожу на нем улицу Као Ба Куат, где уже много лет стучат телетайпы ханойского отделения ТАСС, хотя знаю этот город, пожалуй, лучше Москвы.

Начинаю, как говорится, «танцевать от печки» — от моста Лонгбьен через Красную реку. Два с лишним километра стальных конструкций, склепанных на рубеже прошлого и нынешнего веков, были строительным «чудом» своего времени. Это первый крупный объект колониального «освоения» Ханоя, построенный по проекту Эйфеля, автора знаменитой Эйфелевой башни в Париже. Сейчас оба конца старого моста — почти постоянно забиты автомобильными пробками. Он — единственный на всем протяжении Красной реки от северной границы Вьетнама до моря. Сначала по имени генерал-губернатора его называли мостом Поля Думера. Вьетнамцы же дали ему более близкое их восприятию название, связанное с мифическим предком своего народа — драконом. Старик «дракон» на славу потрудился за свой век, был дважды тяжело ранен американскими бомбами и дважды возрожден. Ханой немислим без Лонгбьена, так же как без озера Возвращенного меча. Поэтому, прочертив привычный маршрут от моста до дома, нахожу и улицу Као Ба Куат.

Генеральный план развития столицы, изображенный на макете, создан вьетнамскими архитекторами с помощью советских коллег. Он фактически предусматривает создание рядом с сегодняшним вторым, такого же по величине, но современного города. Старая восточная

часть Ханоя сохранится. Географическим центром станет площадь Бадинь с мавзолсем Хо Ши Минна. Город взлетающего дракона шагнет на запад и тем самым обретет второе крыло. В этих двух крыльях как бы воплотятся старое и новое, традиции и современность.

«МАРШ НА ЮГ»

Все менее населенная, унылая равнина, без леса и без гор. День, начатый на колесах в южных пригородах Ханоя, уже на исходе.

И вдруг мощный шум прибоя разрывает эту монотонность. Впервые дорога из Ханоя на Юг выходит на морской берег. Это уже не Тонкинский залив, а открытое море, и огромные водяные валы с грохотом обрушиваются на белоснежный песчаный пляж, разбиваясь о скалы горной гряды, которая протянулась от хребта Чыонгшон к морю, названному вьетнамцами Восточным. Серпантин шоссе поднимается на первый после Ханоя перевал. 423-й километр от столицы и 595-й — от северной границы Вьетнама. От перевала Део Нганг начинается самая протяженная (300 километров) и самая узкая (около 50 километров) провинция Вьетнама — Биньчитхиен.

Это тонкая перемычка между севером и югом страны. В периоды раздела Вьетнама пополам по ней проходил рубеж между северной и южной частями. Биньчитхиен — самое влажное место Вьетнама и единственный район влажных тропических лесов: к северу от Део Нганга средняя температура зимой падает ниже 18 градусов тепла, а за южной границей провинции на полгода устанавливается ярко выраженный сухой сезон. Поэтому только здесь растут влажные тропические джунгли. Вернее, росли.

Сейчас лишь буйные кустарники и мелколесье, опутанное лианами, остались на горных отрогах. В северной половине провинции леса уничтожены американскими бомбами и пожарами от них, а в южной — к тому же еще химическими дефолиантами.

С перевала дорога спускается к паромной переправе через реку Зянь. Река эта короткая, меньше сотни километров, но около устья, где находится переправа, она так широка, что в сумерках с большим трудом можно разглядеть противоположный берег.

Переправа через Зянь оживленная. Ведь здесь прохо-

дит практически единственная дорога, которая связывает север и юг Вьетнама. Как и на любой переправе, идет бойкая торговля. Но ассортимент товаров беден, как бедна и сама провинция с ее скудными песчаными почвами. На продажу приносят дары моря: рыбу, креветок, лангустов, устриц. Земля здесь рождает так мало, что местным жителям едва хватает на пропитание. Но есть один товар, которым здешние места славятся на весь Вьетнам: традиционные конические шляпы «нон», самые качественные и самые дешевые. Тростник, из которого они плетутся, в изобилии растет на белых как снег песчаных дюнах.

Деревни в этих местах по внешнему виду мало похожи на северные. Это не островки тхонов, разбросанные по зеркалу рисовых полей. Разбросаны скорее сами поля, а деревни длинные, непрерывные, растянутые вдоль дороги. Суровая жизнь заставляла людей селиться большими колониями, больше тяготеть друг к другу, чем к своим полям. Живые бамбуковые изгороди редкие, чисто символические. Удаленность общин друг от друга и почти полное отсутствие разрывов между тхонами сводили на нет смысл устройства «зеленых крепостей».

Дома в деревнях в основном глинобитные, крытые соломой. Редко увидишь красную черепичную крышу или выделяющийся яркой свежей побелкой новый кирпичный домик. Но главное — мало рисовых чеков. Больше огородов батата — сладкого картофеля. Он здесь часто заменяет людям рис.

Бедный облик селений, которые мало похожи на классические вьетнамские, — видимо, не только следствие скудости природы. Ни один район Вьетнама не пострадал так сильно во время американской агрессии.

Вдоль шоссе мелькают белые с красным верхом бетонные столбики километровых указателей: «Донгхой — 5 км», «Донгхой — 4 км», — говорят о приближении к одному из старейших городов Вьетнама. Это первая вьетнамская крепость за первоначальными южными пределами страны. Город основан на самом старте «марша на Юг» — в начале XI века, почти ровесник Ханоя.

Наконец на столбике долгожданная цифра: «Донгхой — 0 км». Но указатель стоит на пустынном месте, и только вдалеке светятся огоньки сельских домов. Центр города — пустыри с редкими рисовыми чеками. В большинстве городов мира, больших и самых маленьких, принято вести отсчет километров от центральной

почты. Может быть, здесь и была когда-то почта. Но сейчас — ничего напоминающего о городе или даже деревне. Километровым указателем с цифрой ноль отмечена географическая точка, не более. И только минутах в пяти быстрой езды от нулевого столба начинаются постройки — не город, а небольшой поселок на берегу реки Нягле у остатков темно-серых каменных стен старинной цитадели.

Город Донгхой, как таковой, был полностью уничтожен американской авиацией на рубеже 60—70-х годов. Это был самый южный провинциальный центр Северного Вьетнама.

После войны в районе бывшего Донгхоя с кубинской помощью построены современная больница и несколько зданий общественного назначения, с советской помощью — дизельная электростанция. Но городом Донгхой пока не стал, хотя на картах значится как город. Группы кирпичных домов видны здесь и там среди пустырей, полей, деревенских построек. Но их нет в самом оживленном месте, которое считается городским центром. Среди развалин крепости — базар под открытым небом, большая стоянка автобусов. В крохотных глиняных мазанках приютились мастерские по починке автомобильных шин, чайные и закусочные. Населения в Донгхое не больше, чем в любой из близлежащих деревень, но постоянное скопление людей большое. Эти люди не жители какой-то одной общины, следовательно, Донгхой — вне общин, а значит, не деревня, а город. До 1976 года он был центром провинции Куангбинь, но после слияния провинций Куангбинь, Куангчи и Тхыатхиен в одну утратил административное значение.

Как и в большинстве провинциальных городков Вьетнама, в Донгхое есть гостиница. И так же, как обычно, она расположена на отшибе от самого многолюдного места — торгово-транспортного узла. В таких гостиницах останавливаются иностранцы, должностные лица из центра, делая привал на долгом пути с Севера на Юг или с Юга на Север страны. Подавляющее же большинство проезжих не пользуются гостиницей и устраиваются кто как может у автобусной станции, у лотков и лавочек, под навесами, постелив на землю циновку. Чем дальше вы от мест, часто посещаемых иностранцами, тем более приблизительное понятие о «европейских удобствах» имеет местное население, включая персонал гостиницы.

Донгхой относится к числу таких мест. Довольно комфортабельный донгхойский постоянный двор, включающий несколько одноэтажных корпусов, огороженных забором, я знаю уже давно. Первый раз останавливался там в 1973 году по пути в освобожденные районы Южного Вьетнама, потом в 1979 году и еще год спустя. За это время ничего не менялось. Тот же радушный прием хозяев, те же комнатки со щеколдами и висячими замками, те же деревянные кровати, укрытые марлевыми балдахинами москитных сеток, тот же термос с кипятком, умывальная комната с бочкой и ковшом. Гостиница — единственное место в городе, где есть простыни на кроватях. Их стелят потому, что знают — так положено у европейцев. В умывальной комнате есть пожелтевшая от времени и долгого неиспользования раковина, душ, из которого давно не течет вода. С таким оборудованием здесь не очень-то в ладу. Гораздо надежнее бочка, ковш и тазик.

Эта простота быта отчасти исходит от бедности. Но только отчасти. Главным же образом люди, стремясь создать удобства для гостей, руководствуются собственными привычными представлениями. В устройстве гостиницы есть некая своя рациональность, и любые попытки ввести элементы «быта по-европейски» только нарушают ее и порой даже создают неудобства. Гостиница в Донгхое, как и Хатине, Вине, Хоабине и в других городах и городках, не затронутых долгим иностранным присутствием, представляет собой некий гибрид между маленькой провинциальной гостиницей в нашем понимании и вьетнамским крестьянским домом.

Случилось так, что мы оказались «внезапными» гостями. И этим доставили, наверное, немало неудобств нашим хозяевам. Сразу при въезде во двор нам был задан обычный в таких случаях вопрос: «Какая группа?» Поездки иностранцев по стране всегда запрограммированы с присущей вьетнамцам привычкой раскладывать все по полочкам. Самое большое недоумение вызывает иностранец сам за рулем, да еще без переводчика. Уже сразу отпадают два обязательных компонента «группы». Еще большее удивление появляется на лицах хозяев, когда европеец говорит по-вьетнамски. Если не считать столицы и четырех-пяти крупных городов, то редко можно встретить вьетнамца, говорящего на иностранном языке. В маленьких городках и в деревне люди совершенно твердо убеждены, что европеец никогда не может

говорить по-вьетнамски. Поэтому языковой барьер считается естественным и незыблемым рубежом, разделяющим два понятия: «мы» и «они». Услышав родную речь, пусть не очень ладную, из чужих уст, даже персонал гостиницы на какое-то время теряется перед крушением привычной схемы общения. Но зато потом обрушиваются вопросы, ответы на которые у меня уже подготовлены до машинальности за много лет работы во Вьетнаме. До того одинаковы всегда эти вопросы: «Сколько лет?», «Женат ли?», «Сколько детей?», «Сколько мальчиков и сколько девочек?», «Откуда родом?» (буквально — «где родная деревня?») и т. п.

Неизменное первенство вопросов из серии семейного положения в этой устной анкете при знакомстве показывает, какую роль играет для вьетнамца семья: «Скажи мне, что у тебя за семья, и я скажу, кто ты».

Я не собирался долго гостить в Донгхое; просто выбрал первое от Ханоя место ночевки там, где в пути застал вечер. До следующего потенциального ночлега — города Хюэ, центра провинции Биньчитхиен, — оставалось еще 160 километров. Именно эти километры, взорванные войной и 20-летним расколом страны, я хотел проехать не спеша, на свежую голову и днем. Не желая доставлять еще больших хлопот хозяевам внезапно и «незапрограммированностью» своего приезда, я предложил своему коллеге из ГДР поужинать в придорожной харчевне у автобусной станции.

Наше появление очень скоро всполошило бивуачную атмосферу автостанции-рынка. Остаться незамеченными даже в темноте, едва нарушаемой тусклыми язычками масляных коптилок, было невозможно. Весть о «чужих» мгновенно прокатилась по округе, и уже через несколько минут мы в кольце любопытных глаз и рук.

В этом сопровождении мы долго ходили, разглядывая ассортимент яств у чернозубых старушек, торгующих под маленькими соломенными навесами или прямо под открытым небом. Мой коллега из ГДР, новичок во Вьетнаме, постоянно оборачивался ко мне с недоверчивым взглядом и задавал один и тот же робкий вопрос: «И это можно есть?» Наконец, мы выбрали вареные вкрутую утиные яйца, кипящий суп «фо» из домашней лапши, тонкие хрустящие рисовые лепешки и зеленый чай в закопченном чайнике на костре.

Мы уселись на низкие табуретки и принялись за еду. Кольцо любопытных обжимало нас плотно со всех сто-

рон. Передние громко комментировали все, что видели, а задние пытались пробиться в первые ряды, чтобы посмотреть своими глазами. Хозяйка-старушка была в приподнятом настроении и держалась с достоинством. Она громко и весело беседовала с нами, гордо оглядывая любопытствующих. Наверняка, вернувшись в деревню, она будет долго и в мельчайших деталях рассказывать односельчанам, как у нее ужинали «льенсо» — советские. Мой друг из Берлина уже успел привыкнуть, что его тоже всегда называли «льенсо». Для большинства вьетнамцев любой европеец — советский, а любой советский — специалист.

В отличие от окружавших нас старушка вела себя так, будто у нее в гостях были не иностранцы, а родственники из города. В ней совсем не было той скованности гостиничного персонала, застигнутого «внезапным» гостем. Ее заведение не было «гибридом» между вьетнамским и европейским, она была в своей привычной стихии, и само приобщение гостей к этому обычному вьетнамскому столу уже почти устраняло барьер между понятиями «мы» и «они». Трудно объяснить причину, но именно пожилые люди во вьетнамской глубинке быстрее преодолевают этот барьер.

На обратном пути в гостиницу нас сопровождала целая толпа народа. Люди оживленно делились между собой впечатлениями, а самые смелые, освоившись, уже пытались завязать с нами разговор, который начинался с той же анкеты о семейном положении.

Среди обитателей временного пристанища у донгхойской автостоянки есть разные люди. Для одних — это этап на долгом пути с Севера Вьетнама на Юг или обратно. Солдаты в форменках и с золотыми звездочками на картонных, оклеенных зеленой материей шлемах, шоферы грузовиков, которые большую часть жизни проводят на колесах — это категория дальних странников. Сюда же входят некоторые командированные из одной провинции в другую. Их легко отличить по тонким клеенчатым папкам-портфелям. Но из них многие к ночи расходятся по койкам солдатских перевалочных пунктов и общежитий для приезжих. Есть путешественники к родственникам из одной части страны в другую, которые не достали билет на поезд дальнего следования и подбираются поэтапно на перекладных.

Другие, как наша гостеприимная старушка, вовсе не собираются никуда ехать, а приходят к оживленному

месту продать свой скромный товар. Обслуживание круглосуточное, хотя ночью и не такое активное, как днем или вечером. Но большинство людей собираются к автостоянке, чтобы пораньше утром выехать на автобусе или попутной машине в соседний уезд или соседнюю провинцию. Они и есть самая распространенная категория путешественников, и их странствия редко выходят за пределы сотни-другой километров. Во Вьетнаме вообще дальние поездки не приняты. Люди могут прожить всю жизнь, не покидая пределов своей провинции и даже уезда. Как-то по дороге из Хайфона в Ханой, которая занимает всего два часа, я на полпути остановился под Хайзыонгом перед мостом с односторонним движением. Как водится, к машине сразу подбежали несколько ребят. Разговорился с двумя, что постарше, лет 14—15. Оказалось, они еще ни разу не были в столице, до которой час езды. Дел никаких не было, а просто так здесь мало кто ездит в чужой город. Ну, а если появляются дела, то недалеко. Особенно это относится к сельским жителям. Кроме посещений родственников единственная причина, вынуждающая их сдвинуться с места из своей деревни, — желание выгоднее продать свой товар и купить что-нибудь для дома. Есть и профессиональные торговцы, но таких больше в городах.

Только общегосударственный транспорт курсирует между крупными городами, пересекая сразу по несколько провинций. Внутри провинции действует транспорт местного подчинения. Большие, а чаще малые, автобусы, грузовики и грузовички, на Юге — трехколесные «ламбретты» и даже легковые такси связывают уездные центры, крупные деревенские рынки. На этом же местном транспорте можно доехать до соседней провинции, но не дальше.

Главную роль в транспортном организме Вьетнама (в том, что касается внутренних перевозок) играют не крупные порты, железные дороги и стержневые автомагистрали, находящиеся в ведении центра, а именно местный транспорт. Он обеспечивает ныне 80 процентов тоннажа грузовых и 90 процентов объема пассажирских перевозок.

В начале 80-х годов провинции, уезды и общины, особенно на Юге страны, где средний вьетнамец более «мобилен», развернули особенно большую работу по развитию своего транспорта. На средства из местных бюджетов прокладываются малые судоходные каналы, строят-

ся мосты, дороги, речные причалы. Широко используется местная рабочая сила, например крестьяне, в сезон спада сельскохозяйственных работ. При большом дефиците бензина транспортные организации Хошимина и Дананга оборудовали часть автопарка газогенераторами и используют в качестве горючего древесный уголь. Местные транспортные нити имеют особенно важное значение в разгар государственных заготовок риса. По ним зерно стекается к большим автодорогам, железнодорожным станциям, портам.

Донгхой — первый город по дороге из Ханоя на Юг, на автостанции которого можно встретить немало стареньких, но блистающих яркими красками и надписями микроавтобусов и «ламбретт» с номерами частных и кооперативных транспортных предприятий бывшего Южного Вьетнама. Обгоняя эти набитые до отказа, обвешанные корзинами микроавтобусы и «ламбретты», мы утром отправились дальше на юг по бывшей «выжженной земле».

Мост Хиенлыонг через реку Бенхай проезжаем не задерживаясь, как и все многочисленные мосты через реки и речушки, попадающиеся на долгом пути из Ханоя в Хошимин. Здесь нет ничего примечательного. Нет запомнившегося мне по поездкам прошлых лет обращенного к югу панно со словами «Вьетнам — одна страна, вьетнамцы — один народ». Пустуют устремленные в небо высокие мачты флагштоков на обоих берегах. Река Бенхай, которая более 20 лет разделяла Северный и Южный Вьетнам, теперь уже не служит границей ни провинций, ни даже уездов. По обоим берегам ее — земли уезда Бенхай провинции Биньчитхиен Социалистической Республики Вьетнам.

В 1973 году, когда я попал в эти места впервые, меня поразила их пустынность. К северу от бывшей демаркационной линии — изрытая воронками земля, напоминавшая пейзаж на снимке с лунохода, ушедший в траншеи и землянки уездный центр Виньлин. К югу — обезлюдивший городок Донгха, где не оставалось ни одного целого здания.

Через семь лет я не узнал ни Виньлина, ни Донгха. Домов городского типа построено немного — только государственные и общественные здания, длинные армейские казармы. Подавляющее большинство составляют такие же домики, как в деревнях. Но они сгрудились вовсе не по-деревенски, образуя улицы и кварталы. По-

разило оживление обоих городков, которое выражается в сутолоке на автобусных станциях, у речных причалов, на многоголосых рынках. Эти малые города выросли за считанные годы как транспортные перевалочные пункты и торговые центры. Промышленных предприятий в них почти нет. Но вместе с торговцами поселились ремесленники. Процесс роста продолжается. Особенно быстро развивается Донгха, который находится на перекрестке двух важных шоссе дорог, на берегу судоходной реки с удобным выходом в море. До разрушения он был намного меньше тогдашнего провинциального центра Куангчи.

Ищу глазами, но не нахожу тех мест вдоль взорванного дорожного полотна, где в 1973 году мы пробирались в сопровождении солдат Вьетнамской народной армии к линии прекращения огня. Путь тогда лежал мимо воронок, заполненных водой, искореженных скелетов машин, обрывков завитой в кольца ржавой колючей проволоки. На берегу реки Тхатъхан из будки, обложенной мешками с песком, я рассматривал руины города Куангчи, расцвеченного желтыми трехполосыми флагами сайгонского режима. Остатки старинной цитадели, жилых домов, обугленные стволы деревьев...

Подбитые танки американского производства и сейчас чернеют кое-где у дороги к Куангчи. Через новый мост проезжаем реку Тхатъхан. Но города Куангчи нет. Не видно даже его руин. Только небольшой поселок сельского типа стоит у обожженного фундамента цитадели.

Провинция Биньчитхиен более других во Вьетнаме пострадала от войны. Ее южная часть уже с середины 60-х годов стала объектом разработанного американцами чудовищного плана создания «санитарной зоны». По замыслам пентагоновских стратегов, из этого района, граничившего с Демократической Республикой Вьетнам, нужно было выселить всех мирных жителей и таким образом разорвать связь освободительного движения в Южном Вьетнаме с социалистическим Севером. План этот начал осуществляться. Он касался зоны с населением более миллиона человек. На месте деревень строились военные базы. Цепь таких заградительных баз, напичканных электроникой и получивших название «линии Макнамары», перерезала в этом узком месте весь Вьетнам от лаосской границы до моря. Недалеко от Куангчи и по сей день ржавеют остатки стального

покрытия взлетно-посадочной полосы авиабазы Айты. А когда-то на этом месте была одна из самых крупных и старинных вьетнамских деревень, возникших в середине века у южных рубежей Вьетнама того времени. Подобная участь постигла множество других деревень.

Деревни исчезли, их жители перестали быть крестьянами и ушли. Куда? Большинство стали мелкими торговцами и безработными в городах, многие устроились зарабатывать себе на рис на строительстве и обслуживании стратегических объектов: тех же баз, портов, нефтехранилищ, того же шоссе, по которому сейчас так приятно ехать, но которое строилось далеко не для удовольствия туристов. Деревни, которые мы сейчас проезжаем, новые. Они не похожи на традиционные по внешнему виду. Война поломала старую общину. Крестьяне, которые вернулись, уже не те, что когда-то уходили отсюда.

Затея с «санитарной зоной», как и многие другие, рожденные за океаном планы «умиротворения» Южного Вьетнама, не увенчалась успехом. Если проехать от шоссе номер 1 вдоль реки Бенхай на запад, к лаосской границе, то через 20 километров взору открывается огромный белый обелиск с надписью «Родина помнит о подвиге». Это кладбище павших воинов армейского соединения «Чыонгшон». Они в годы войны обеспечивали постоянную связь южного фронта с северным тылом. Сначала пешком и на велосипедах по труднопроходимым тропам Чыонгшонского горного хребта. Поэтому путь и получил имя «тропы Хо Ши Мина». Постепенно усилиями воинов «Чыонгшона» он был превращен в целую систему автомобильных дорог общей протяженностью 16 тысяч километров. Один из отрезков этого пути мне довелось проехать в ноябре 1972 года. Американцы тогда сильно бомбили шоссе номер 1. Бомбили они и «тропу Хо Ши Мина». Но она состояла из многих хорошо скрытых джунглями параллельных и пересекавшихся дорог, поэтому у водителей и пассажиров было больше шансов доехать до цели.

Ехали медленно в непроницаемой черноте южной ночи. Только тускло освещенный участок дороги перед самым капотом машины разрывал темноту. О включенных фарах не могло быть и речи. Небольшие лампочки на бампере, укрытые сверху жестяными козырьками, помогали хоть как-нибудь продвигаться вперед. Обычно путешествие с севера страны до окрестностей Сайгона за-

нимало месяц и более. В соединение «Чыонгшон» входили грузовые автоколонны, инженерно-строительные части, войска охранения, зенитные батареи. В пунктах дневного отдыха существовали бивуачные городки. В них постоянно жили солдаты, которые разводили свиней и кур, выращивали овощи, занимались заготовками риса и другого продовольствия в окрестных деревнях. Кладбище павших воинов «Чыонгшона» огромно, но далеко не все, кто погиб на «тропе Хо Ши Мина», похоронены на нем. Не только выстроенный после победы обелиск увековечил память о них. Своеобразным памятником стала сама система дорог на малоосвоенном ранее горном западе Южного Вьетнама, армейские хозяйства среди гор и джунглей. Некоторые нити этой транспортной сети покрываются асфальтом. Они послужат будущему экономическому освоению новых перспективных районов.

В провинции Нгиабинь горы довольно далеко отступают от морского побережья. Из всех прибрежных провинций Центрального Вьетнама здесь больше всего равнинной пахотной земли для выращивания риса. В середине низменности находится уездный центр Аннен. Сам он ничем не отличается от других маленьких городков в центральной части страны. Но зато рядом на холме возвышается группа хорошо сохранившихся строений своеобразной формы: они похожи на едва поднявшиеся из земли ростки молодого бамбука. Это постройки эпохи тямского государства, которое со 192 года до конца XVII века существовало на территории нынешнего Центрального Вьетнама. Сейчас маленькие поселения их потомков можно встретить в более южной провинции Тхуанхай, где находились Каутхара и Падуранга — последние остатки Тямской империи перед ее окончательным падением, — в некоторых районах дельты Меконга и в Кампучии, куда отдельные группы тямов переселились позднее.

Язык тямов похож на индонезийский, а их богатое архитектурное наследие и скульптурные памятники носят весьма заметный отпечаток индийского брахманизма. Впоследствии большинство из них приняло ислам, и издали по одежде их можно принять за арабов.

В Нгиабине и дальше на Север тямского населения совсем не осталось, и только такие вот кирпичные башни, как покинутые сказочные замки, попадаются вдоль всего пути от самого Дананга до Фанранга. В Дананге

есть музей тямской культуры, где собрана самая богатая коллекция искусства тямских ваятелей. Она напоминает о былом процветании государства рыбаков, мореходов и скотоводов.

До 939 года река Зянь была южной границей Вьетнама. За ней следовали земли Тямской империи. Оттуда начался марш Вьетнама на юг, который длился до 1780 года, прежде чем страна приобрела ее нынешние границы.

На месте Куинена, административного центра провинции Нгиабинь, располагалась столица Тямпы — Виджайя. От нее практически ничего не осталось. А в 1069 году в Виджайе было 2560 домов. Семь веков насчитывает история постепенного поглощения Вьетнамом тямского государства. Его этапы обозначены датами войн и мирных договоров, брачными союзами между принцами и принцессами двух королевских дворов. Но не только в военном превосходстве вьетнамцев заключается причина успешного «марша на юг». После очередной войны к Вьетнаму присоединялись области, уже заселенные вьетнамскими крестьянами. Иными словами, эти области сначала становились этнически вьетнамскими, а потом уже включались в состав вьетнамского государства.

В начале нашего тысячелетия, после освобождения Вьетнама от китайского господства, начался этап мощного всестороннего развития страны. Он сопровождался и ростом населения. В дельте Красной реки становилось все теснее. Самые бедные изгой общин искали лучшей доли за южными границами родины. Среди них были и спасавшиеся от тяжелого бремени долгов и налогов, от воинской повинности, преступники.

На своем пути земледельцы встречали неосвоенные земли, населенные полукочевниками-скотоводами и моряками. Поколениями воспитанный общинный коллективизм и нелегкий труд по освоению под рис новых земель заставляли их спланиваться и создавать общины, организованные по образу и подобию тех, что существовали на их старой родине. Это было мирное наступление колонов на земли, которые пустовали у тямов. Вьетнамцы несли с собой более высокую культуру земледелия и крепкую социальную организацию. Именно социальная организация была их главным преимуществом. Иногда хозяева земель, тямские короли, пытались выразить недовольство чрезмерным притоком вьетнамцев. Но за спи-

ной колонии, у южных границ Вьетнама, стояли императорские войска, готовые защитить интересы соотечественников.

Государство поощряло такое переселение. Правивший во второй половине XV века император Ле Тхань Тон создал специальное ведомство дон диенов. Дон диенами назывались поселки полувоенного типа, создаваемые на пограничных землях соседей. Ведомство занималось вербовкой бродячего люда, потерявшего корни в родных общинах. Преступники и беглецы от повинностей имели возможность искупить свою вину. Но и просто добровольцев находилось немало. Императорский двор Тханглонга преследовал этим две цели: создать защитный буфер у южных границ и потом мирным путем расширить территорию. Позднее дон диенами стали называть и поселения солдат, осевших навсегда после боевых походов на новых землях. Потомки солдат становились обычными крестьянами, а дон диены превращались в мирные деревни. Особенно активно политика создания дон диенов проводилась после 1755 года, когда Кампучия уступила Вьетнаму свои дикие и редконаселенные восточные окраины в дельте Меконга.

Лично мне кажется, что самый красивый тип вьетнамца по внешности — это жители центральных прибрежных провинций страны. Наверное, северяне и южане не обидятся на меня за такую оценку. И среди них бытует мнение, что самые очаровательные девушки живут в Хюэ. Этот город с его дворцами и мавзолеями, со спокойным зеленым ландшафтом по берегам Ароматной реки дал Вьетнаму когорту поэтов и художников, воспет в стихах и песнях, живописных полотнах. Даже сама история присоединения к Вьетнаму той области, где стоит Хюэ, овеяна романтизмом.

В 1301 году вьетнамский император Чан Нян Тонг прибыл в Виджайю в гости к королю Тямпы Джайя Симхаварману III, чтобы обсудить вопросы отношений между двумя странами. Он решил скрепить мир брачным союзом. При этом вьетнамский монарх, демонстрируя свое уважение к Виджайе, последовал обычаям принимавших его хозяев. Если у вьетнамцев сваты жениха приезжают просить руки невесты, то у тямов наоборот. Чан Нян Тонг выступил в роли свата, предложив свою дочь, прекрасную Хюен Чан, в жены королю Тямпы. В соответствии с тямской традицией Вьетнаму от жениха полагался выкуп. Этим выкупом и стала область

Тхуанхоа, где впоследствии был основан город Хюэ. Пышную свадьбу играли во вьетнамской столице, после чего новая тямская королева уехала с мужем в Виджайю.

Продолжение этой истории весьма печально. В 1306 году Хюен Чан стала вдовой. По брахманистскому обычаю она должна была последовать за останками своего мужа на костер. Но тут уж было не до соблюдения традиций, и отец-император немедленно послал в Виджайю экспедиционный отряд для спасения дочери.

В районах Тямпы, заселенных вьетнамскими колоннами, тямское население быстро ассимилировалось, воспринимало вьетнамскую систему земледелия и социальной организации. Видимо, смещению кровей и обаянием своим очарованием девушки Хюэ и всего Центрального Вьетнама. Пришельцы учились у коренного населения искусству мореплавания и ловли рыбы.

Потомки вьетнамских поселенцев и местных тямов в общине Фюоктханг недалеко от Куинена, конечно, не помнят своих далеких предков, впервые обосновавшихся в этих местах. В XV или XVI веке, когда здесь возникла деревня, общинная организация в ней уже была вторичной по сравнению с изначальными деревнями Севера. Второе рождение Фюоктханг пережила после 1975 года. Она была заново основана на опустошенной земле. Исчезновение и возрождение повлекли за собой новую ломку деревенских традиций.

С вершины очередного перевала, какие разделяют участки равнины провинции Нгиабинь, открывается вид на зеленое море из кокосовых пальм. Каждая деревня, укрытая их сенью, выглядит настоящим кокосовым раем, будто срисованная с картинок мореплавателей прошлых веков, которые изображали далекие тропические страны. Начиная с Нгиабиня и дальше на юг кокосовая пальма безраздельно захватывает место бамбука в сельском пейзаже.

По старой статистике, Нгиабинь — самая «кокосовая» провинция Вьетнама. Здесь пальм больше, чем в каком-либо другом районе, они выше, и орехи лучше. Как-то еще до освобождения Юга я зашел на ханойский рынок, чтобы купить кокосы.

— Это очень хорошие орехи, — приговаривал продавец, вертя передо мной плод размером с человеческую голову. — Лучше бывают только в Нгиабине. По его мнению, это звучало наивысшей оценкой товара.

Выращивание кокосовых орехов, получение копры были в числе главных занятий крестьян Нгиабиня. В 1960 году в провинции насчитывалось около трех миллионов этих деревьев, гораздо больше, чем по одному на каждого жителя. Артобстрелы, бомбежки, отравляющие вещества, применявшиеся американцами во Вьетнаме, свели кокосовые плантации Нгиабиня до полумиллиона корней. Люди, которым пальма давала кров, пропитание, работу, вынуждены были менять образ жизни, покидать родные деревни, искать новые занятия. Многие тогда ушли в Куинен, население которого к моменту освобождения увеличилось в три-четыре раза, достигнув 240 тысяч человек.

Это лишь один пример. На Юге Вьетнама 10 миллионов гектаров рисовых полей, пять миллионов гектаров леса превращены в пустыри за годы войны. И сейчас вдоль дорог часто тянется унылый пейзаж из голых холмов, которые когда-то были покрыты сплошным тропическим лесом. Лишь спустя годы на них стала появляться молодая поросль. Около миллиона буйволов и другого тяглового скота было убито во время американской агрессии.

Не в состоянии справиться с сопротивлением в сельских районах Южного Вьетнама, американское военное командование прибегло к насильственной урбанизации таким вот лишением крестьян средств существования и постоянными карательными операциями. По данным американских служб, 10 миллионов жителей деревень вынуждены были за годы войны переселиться в города, контролируемые агрессорами и марионеточной администрацией. Расчет простой: «Лучше пусть они станут безработными и преступниками, чем будут помогать Вьетконгу».

Этих людей, бывших крестьян, но уже потерявших навыки крестьянского труда, порвавших со сложившимся веками укладом деревенской жизни и не приобретших взамен ничего, кроме вкуса к сравнительно «легким деньгам» без «копания в земле», здесь называют людьми с обрубленными корнями. Действительно, сравнение точное: выкорчеванный лес, не пущенный в дело, вынужден был гнить на свалке. Потеряны крепкие корни, связывавшие их воедино с родной землей. Вот цифры последних десятилетий: в 1960 году Южный Вьетнам, как типичная слаборазвитая аграрная страна, насчитывал 15 процентов населения в городах и 85 про-

центров в деревне. В конце американской агрессивной войны в деревне осталось только 35 процентов, остальные жили в переполненных городах.

Кем стали крестьяне, так стремительно изменившие образ жизни, покинувшие рисовые поля отцов и дедов? Лишь незначительная их часть пополнила отряд рабочего класса. После освобождения в Сайгоне 300 тысяч семей числились по документам «семьями торговцев». Это по меньшей мере вдвое превышает число рабочих. В 1975 году на Юге Вьетнама было более трех миллионов безработных, сотни тысяч проституток, десятки тысяч преступников. Для большинства юношей без образования, без работы единственный путь лежал в марионеточную армию и полицию.

Причиной такого массового исхода сельского населения в города была не только «легкая жизнь» в «обществе процветания», созданном на американские доллары. Так же, как в южной части Биньчитхиена, где американцы создавали «санитарную зону», в других провинциях побережья, в том числе в Нгиабине, они действовали буквально огнем и мечом: бомбили и поджигали деревни напалмом с воздуха, ровняли их с землей бульдозерами, совершали жестокие карательные рейды, иногда поголовно уничтожая население общины. Самый известный, но далеко не редкий пример этого — община Сонгми, где учинил кровавую расправу над женщинами и детьми взвод лейтенанта Колли.

Каждая община была очагом сопротивления. Проникнуть внутрь общины не удалось китайским феодалам, французским колонизаторам, поэтому американцы выбрали другой путь «умиротворения» — разрушить старую общину, согнать крестьян в города, к большим транспортным магистралям, а поля превратить в зоны «свободного огня». Из полутора миллионов сельского населения провинции Нгиабинь около 800 тысяч были изгнаны или сами вынуждены уйти из родных деревень.

Следы этой насильственной урбанизации видны в облике небольших городов вдоль шоссе номер 1. В поселки городского типа превратились придорожные деревни. Уездные городки по своим размерам в несколько раз больше их собратьев на Севере. Куангнгай, например, протянулся вдоль шоссе более чем на десять километров. Кажется, что вы едете по городской улице с двух- и трехэтажными каменными домами, многочисленными лавками, магазинами, кафе и харчевнями. Но эта длин-

ная улица — единственная в городе. Через просветы между домами видны рисовые поля, рощицы бананов и папайи, убогие лачуги-временки. Городской только фасад, остальное — деревня. Лишь несколько десятков метров по обе стороны дороги находились под контролем марионеточного режима. Дальше начиналась зона «свободного огня». Естественно, такие придорожные города образовались искусственно. Главной их специализацией были торговля и сервис. Поэтому с прекращением американского военного присутствия часть населения из них ушла обратно в деревни.

Но вернемся к общине Фьюктханг, которая после освобождения Южного Вьетнама возродилась в одной из зон «свободного огня». На месте правления кооператива, где нас встретила секретарь партийной организации общины 30-летняя Кап Тхи Минь Тяу, с 1964 до 1975 года не было ни домов, ни полей. Американцы прошлись бульдозерами по старым тхонам, а население заставили уйти в соседний городок у большой дороги. Но не все крестьяне подчинились приказу. Многие, в том числе родители Минь Тяу, подались в горы, построили там временные шалаши. Так возникла партизанская деревня. Ее жители и составили после возвращения костяк новой общины Фьюктханг.

— Как только мы пришли сюда из партизанского района, — рассказывает Минь Тяу, — то сразу же стали работать сообща. Поля заросли травой, от домов ничего не осталось и в помине. Все пришлось строить заново, а одной семье это не под силу. Едва выросли первые поселки из временок, в октябре 1976 года был организован кооператив «Фьюктханг-1». Он объединил примерно половину населения общины — земледельцев. Жители приморских тхонов год спустя начали создавать рыболовецкие артели.

Таким образом, коллективизация здесь прошла быстро. Новая деревня образовалась сразу на новых принципах производственных отношений. Земля сразу стала общей, сообща купили семь маленьких тракторов, три водонасоса, две рисорушки, получив на все это кредиты от государства.

В 1980 году кооператив построил школу-девятилетку. Такого раньше не было ни в Фьюктханге, ни по соседству. В свободный от полевых работ сезон все силы направлялись на строительство. Уже не халупы, а аккуратные кирпичные домики определяют облик тхонов. Мы

приехали в Фьюктханг на машине, а раньше, до 1964 года, сюда можно было добраться только пешком, миновав семь километров в сторону от шоссе.

Кооператив создавался по опыту, накопленному на Севере за годы народной власти. Есть в нем и личные приусадебные участки, которые составляют 5 процентов пахотной земли. 10 процентов работников заняты ремеслом: обжигают кирпич и черепицу, делают глиняную посуду, столярничают, плотничают. Как и в кооперативах на Севере, есть специализированные бригады по подготовке семян, удобрений, по ирригации и строительству полей (именно строительству, потому что рисовый чек — это трудоемкое и совсем не простое сооружение).

Община Фьюктханг состоит из шести тхонов. В ней 970 крестьянских дворов, из которых большая часть — земледельческие, а остальные — рыбацкие. Общая численность населения — 4617 человек, из которых 1787 работников. Масштабы примерно такие же, как в общине Нгуенса в дельте Красной реки, с которой я начал свой рассказ. Только обрабатываемой земли почти вдвое больше — 571 гектар.

Равнины Центрального Вьетнама не отличаются большим плодородием. Но главное — четко выраженный сухой сезон. Влажного времени хватает только на один урожай риса. А он в Фьюктханге хоть и большой по здешним меркам, но не превышает 3,5 тонны с гектара. Рельеф местности не так благоприятен для строительства ирригационных систем, как в дельте Красной реки. Поэтому в обозримой перспективе не предвидится значительного роста урожайности. Между тем население растет. В первое время в промежутках между жатвой и пахотой было немало работы по строительству и благоустройству. Но по мере того как жизнь входит в свою нормальную колею, таких дел становится все меньше. Как и в других провинциях Северного и Центрального Вьетнама, здесь возникает проблема относительного аграрного перенаселения. Пути ее решения лежат через разделение труда в более широких рамках уезда и провинции, через освоение целины в других, малоосвоенных районах.

Эта проблема уже начала решаться путем возрождения традиционных ремесел, задавленных в годы неоконииализма конкуренцией иностранных монополий. Самые типичные из них — производство сахара и шелкоткачество.

Вот пример уезда Аннен. В 1980 году население уезда составляло 150 тысяч человек, а обрабатываемой земли всего 10 тысяч гектаров. Площадь полей диктовала предел повышению уровня жизни людей, обеспечению занятости. Но в конце 70-х годов партийные и хозяйственные организации направили усилия трудящихся на восстановление плантаций сахарного тростника и шелковицы, на строительство небольших предприятий по кустарной переработке сельскохозяйственной продукции, изготовлению кормов, производству стройматериалов. Сейчас в этом сельском уезде восемь государственных промышленных предприятий и 60 кустарных кооперативов и групп ремесленников. На них занято более шести тысяч человек. Это жители близлежащих общин и самого уездного городка Аннен. 1200 из них до того занимались мелкой розничной торговлей. В результате развития мелкой промышленности ее доля в валовом продукте народного хозяйства уезда выросла в 17 раз по сравнению с 1976 годом и составила в 1981 году 43 процента.

За короткий срок преобразился социальный состав населения уезда. В 1976 году в промышленности и ремеслах работал только один процент трудящихся, в 1981 году — 12 процентов. Всего за четыре года в деревне количество пахотной земли на одного работника с 0,4 гектара выросло до 0,6 гектара. За четыре первых месяца 1982 года из Аннена на целинные земли горных провинций Дарлак и Ламдонг выехали шесть тысяч человек — столько же, сколько за весь предыдущий период после освобождения.

Я привел эти цифры, чтобы показать глубину и масштабы социальных перемен, происходящих сейчас в деревне. Наверное, не будь трагических потрясений, расшатавших устои общины во время войны, нынешний процесс протекал бы не так быстро. Только теперь это уже не искусственный «бум городов» — паразитических наростов на теле страны, вызванный чисто военными причинами, а вполне закономерное перераспределение трудовых ресурсов, диктуемое потребностями развития экономики.

Куинен, как многие другие провинциальные города Вьетнама, пока не вступил по-настоящему в век электричества. Еще в 60-е годы в городе не было ни одного уличного фонаря, и только из раскрытых лавок и харчевен свет проливался на мостовые, а в полночь электро-

станция прекращала работу, и город погружался в полную темноту, едва нарушаемую редкими огоньками тусклых масляных коптилок. Американцы в годы своей агрессии во Вьетнаме, хотя и кичились «цивилизаторской миссией» в городах, удосужились лишь осветить в Куинене несколько центральных улочек, где жили сами, да район порта. Кроме освещения, электричество в этом городе почти никак более не использовалось.

Когда солнце уже висело над далекой горной цепью на западе, я добрался до двухэтажной гостиницы, выходящей фасадом на море. Прямо у ее ворот начинается белый песок большого, но неухоженного пляжа. Это даже не пляж в общепринятом смысле, а просто песчаный берег. Здесь мало кто купается просто ради удовольствия, и компанию мне в воде составила веселая ватага шоколадных от загара мальчишек, у которых появление нечастого здесь иностранца вызвало неумный восторг.

Слева и справа от места нашего купания бухту заполнили сотни, а может и тысячи рыбацких лодок, вернувшихся к вечеру с промысла. Хорошая лодка для рыбака — это самое главное в жизни. До коллективизации не всякая рыбацкая семья имела собственную лодку. Одежда может быть пропитанной рыбной слизью и рваной, дом убогой халупой, но лодка всегда должна быть ухожена, в ней воплощено стремление работяги моря к прекрасному. На выкрашенных масляной краской бортах аккуратно выведены большие глаза, порой с лукавинкой, или изображение какой-нибудь рыбы, птицы, дракона. Этим рыбацкие шаланды на юге отличаются от северовьетнамских и китайских джонок. И паруса у них — не перепончатые крылья летучих мышей, а сплошные, гладкие. Вьетнамцы, переселяясь на юг, заимствовали у местных народов типы жилищ и орудий труда. Шаланды куиненских рыбаков явно несут следы тямской традиции. В дельте Меконга крестьянские дома, выстроившиеся по берегам рек, как две капли воды похожи на кхмерские пайоты — постройки на сваях. Южане пользуются и кхмерской арбой с двумя большими колесами, запрягаемой парой быков-зебу, и кхмерским типом плуга.

Рыбацкие деревни сильно отличаются от земледельческих. Дома в них менее капитальны. Да и неудивительно. Ведь большую часть времени рыбак проводит в море вместе со всей семьей. До недавнего времени во Вьетнаме было много плавучих деревень, где почти вся

жизнь семьи проходила на лодке. Лодка была основным домом, а небольшая халупа на берегу — лишь временным пристанищем. Такие деревни гнездились в бухтах и лагунах, в устьях рек. Сейчас они стали редкостью. Рыбаки все прочнее закрепляются на берегу.

Несколько рыбацких общин находятся в самом городе Куинене. В них живет более трети нынешнего населения города — примерно 50 тысяч человек. Общины не размываются, сохраняют свои названия, традиции, имеют общинные дома — дини. Конечно, городская жизнь оказывает огромное влияние на рыбаков куиненских рыбацких общин. Но старики продолжают еще поклоняться духам-покровителям, соблюдать старые деревенские обряды.

Культ кита, или, как его здесь называют, «рыбы-слона», по сей день существует в ряде рыбацких деревень Нгиабиня и Фуххани. Этот культ сугубо местный, и каждая община считает его своим. Киты у вьетнамского побережья редки, но иногда попадают на прибрежную мель. Сама необычность такой большой «рыбы» создала в воображении рыбаков ореол сверхъестественности вокруг кита. Случаи выбросов китов на берег записывались в общинные анналы и связывались со всякого рода плохими или хорошими предзнаменованиями. Если кит был еще жив, быстро объявлялся сбор всех жителей, которые присутствовали на торжественном церемониале снятия животного с мели. В общине Кыабе на окраине Нячанга есть храм на месте захоронения останков кита. Каждый год в определенный день в нем организуется молебен, совершаются жертвоприношения «покровителю общины». Все это подчинено строго определенному традицией ритуалу.

После освобождения Южного Вьетнама на основе рыбацких общин созданы кооперативы и малые артели. Куиненские рыбаки ежегодно добывают от 30 до 50 тонн рыбы, а также много креветок, крабов, кальмаров. Прибрежное мелководье богато дарами моря.

Когда я изучал Южный Вьетнам по периодическим изданиям сайгонского режима и географическим картам, то представлял Куинен достаточно большим и современным городом. Попав на его улицы, немного разочаровался. Серые кварталы городка (иначе и не назовешь) — само воплощение тесноты и невзрачности. И только центральным улицам яркие вывески лавок с экзотическими ракушками, ветвистыми кораллами и по-

делками из них, да маленькие, пахнущие рыбой и соусами харчевни придают приятный восточный колорит. А ведь до освобождения он вмещал 240 тысяч человек. Потом крестьяне вернулись в деревни, и в городе осталось 140 тысяч жителей. Но и для этого количества Куинен в его нынешнем виде слишком мал.

Город расположен на узком мысу и окружен водой с трех сторон. С южной, куда выходит фасад гостиницы, он омывается водами открытой бухты Лангмай, а к северу на 20 километров протянулась мелководная лагуна Тхинай, соединенная с морем узким проливом.

Приглашение познакомиться с лагуной Тхинай — этой природной плантацией морских продуктов — я получил от инженера-ихтиолога Ле Винь Тхая. Под его руководством в северной части лагуны создается госхоз по разведению креветок. Чуть забрезжил рассвет, и мы встретились в порту, который находится у северного берега Куинена, то есть в самой лагуне. Порт глубоководный, но маленький, стоящие у его причала суда — моторные и парусные лодки, небольшие шхуны, шаланды.

Застрекотал подвесной мотор с длинным гребным валом, и наша лодка, похожая на узкую старинную пирогу, заскользила по ровной глади лагуны.

Около часа мы шли на север до самого мелкого места лагуны, где мотор приходилось поднимать так, что лопасти винта уже хлестали по поверхности воды, а лодочник виртуозно лавировал по узким проходам между густыми мангровыми зарослями. Не поймешь, чего здесь больше — воды, песчаных островков или мангровых деревьев и кустов, которые подобно длинноногим крабам стоят в соленой воде на своих воздушных корнях-подставках.

— Вот и наш госхоз, — сказал Ле Винь Тхай. Я кивнул, хотя, откровенно, никакого госхоза не увидел, кроме небольшого навеса и соломенной хибарки на одном из островков.

Раньше в мангровых зарослях лагуны Тхинай была база партизан. Враг боялся сюда соваться, а обилие рыбы и креветок позволяло бойцам самим обеспечивать себя пищей.

На столе под навесом нас уже ждала гора красных, варенных в морской воде «мангровых» креветок. Это одна из самых ценных пород рачка. Они крупнее и мясистее других.

То, чем здесь занимаются, точнее назвать не разве-

дением, а откормкой, и пока работа в стадии эксперимента. Между островками насыпали перемычки, так что получился изолированный водоем площадью около 350 гектаров, разделенный на несколько секций. В них запускают выловленную в лагуне креветочную молодь, ждут, пока рачки вырастут, и потом собирают урожай. Пока только изучаются возможности и методы искусственной подкормки, но уже сейчас каждый гектар дает в год до полутонны продукции при минимальных затратах труда и средств. Креветки в каждой секции одного возраста, поэтому не нужно никакой сортировки.

— Издавна ловят куиненцы креветок, но такое хозяйство — одна из черт нового, примета социальных перемен, — говорит Ле Винь Тхай. — Разве под силу было бы рыбаку-единоличнику наладить такое производство?

Перемены происходят в разных формах. Крупные заводы и фабрики национализированы, предприятия поменьше стали смешанными государственно-частными, рыбаки-единоличники и ремесленники-кустари приобщаются к социализму через коллективный труд в кооперативах и группах взаимопомощи. А там, где хозяйства создаются новые, на пустом месте, как на мелководе лагуны Тхинай, они сразу приобретают форму государственных, общенародных.

Новые черты в жизни Куинена тесно переплетаются со старым. Новое и рациональное старое дополняют и развивают друг друга. Становление нового — всегда эксперимент, иногда и не совсем удачный. Но тем более окрыляют с таким трудом достигнутые удачи.

САЙГОН — ГОРОД ХОШИМИН

К концу XVII века, когда первые вьетнамские поселенцы пришли к берегам рек Донгнай и Сайгон, эти места были глухой окраиной увядавшей Кхмерской империи. Провинция называлась «Прэй нокор» — «Страна лесов». В джунглях стояли небольшие отдаленные друг от друга кхмерские селения. Коренные жители не вели активного хозяйства. Брали то, что им давали земля, лес и вода: охотились, ловили рыбу, занимались собирательством растений.

Еще до официального присоединения этих районов к

своему государству правители южной части разделенного тогда пополам Вьетнама позволили поселиться здесь остаткам разгромленных и бежавших из Китая войск династии Мин. Тогда после очередного «великого беспорядка» власть в Китае захватили манчжуры. Тысячи сторонников Миней устремились на Юг и просили у вьетнамцев убежища и земли. Им была отведена неосвоенная Нижняя Кохинхина, то есть окрестности нынешнего города Хошимина и южнее.

В 1782 году китайские поселенцы основали свой город Тхэйнгон, или, в их произношении, Сэйкун. Оттуда, видимо, и пошло название Сайгон, хотя Сэйкун находился на месте сегодняшнего Шолона — населенной преимущественно китайцами юго-западной части Хошимина. Примерно в то же время на болотистом берегу реки, где сейчас центр Хошимина, вьетнамцами было построено военное укрепление Беннге. С китайского Сэйкуна и вьетнамского Беннге и начался рост города.

В 1790 году по заказу императора Зя Лонга французский архитектор Оливье де Пюиманюэль построил на месте деревянных укреплений каменную сайгонскую крепость в форме восьмиугольника. 46 лет спустя преемник Зя Лонга — Минь Манг приказал ее разрушить и построить новую, чуть в стороне. Этим он хотел уничтожить память о своем предшественнике и родственнике. Во время первого вторжения во Вьетнам, в 1859 году, французы превратили цитадель в груду развалин.

Крепость строилась и разрушалась, а город тем временем продолжал расти, несмотря на все политические потрясения. Побывавший в 1822 году в Сайгоне ветеринар-зоолог Финлайсон писал: «Город состоит из двух городов, каждый из которых по размеру равен столице Сиамы. Пинге — город правителей, Тэйнгон — торговцев». Так он услышал названия вьетнамского Беннге и китайского Сэйкуна.

А вот как описывает Сайгон Константин Станюкович в своей книге «Вокруг света на „Коршуне“». Писатель побывал там вскоре после захвата французскими колонизаторами первых трех провинций Вьетнама.

«Но где же город? Неужели это хваленый Сайгон с громадными каменными зданиями на планах? Оказалось, что Сайгон, расположенный на правом берегу реки, имеет весьма непривлекательный вид громадной деревни с аннамскими домами и хижинами и наскоро сколоченными французскими бараками. Все эти громадные

здания, обозначенные на плане, еще в проекте, а пока всего с десятков домов европейской постройки...».

Со времени постройки вьетнамской крепости Беннге и до захвата Сайгона французами прошло 70 лет. К приходу колонизаторов военные поселения дон диены на новой земле едва успели превратиться в четыре десятка обычных деревень. Возникновение города, как такового, и его развитие происходили уже в колониальный период.

Императорский двор Хюэ, подчинившись военному давлению Франции, отдал французам Сайгон и прилегавшие к нему три провинции дельты Меконга. Но население 40 бывших дон диенов на берегу реки Беннге не захотело подчиниться чужеземцам. Тот же К. Станюкович пишет: «Множество туземных домов стояло пустыми, и половина туземного населения Сайгона, которого насчитывали до ста тысяч, ушла из города вследствие возмущения против завоевателей...» Писатель иронически замечает: «Это простое невежественное племя крепко привязано к родине. Хоть французский режим был несравненно лучше своего, тем не менее он был чужой, и это была одна из главнейших причин, почему анамиты восставали против завоевателей».

Новой была для вьетнамцев эта земля, новыми были общины, родившиеся из дон диенов. Это не Нгуенса, имевшая к моменту прихода колонизаторов давнюю историю и свои традиции. И все же между своими и чужими возникло вопиющее противоречие. Пришельцам нелегко было наводить здесь свои порядки.

По дороге от главного рынка Бентхань к своей гостинице «Кыулонг» мне пришлось обходить траншею. Рабочие ремонтировали подземный кабель, вскрыв асфальтовый панцирь улицы. На дне траншеи глубиной метра полтора обнажался пласт угольно-черной земли. Он остался от простиравшегося здесь, в сегодняшнем центре города, обширного болота. Вьетнамские общины существовали на островках среди болот и рисовых полей. Французам пришлось вложить немало средств, чтобы засыпать топи, проложить дороги, построить каменные дома.

В первые десятилетия строительства города все это было чуждо местному населению. Дворец генерал-губернатора и другие капитальные сооружения строили французские солдаты и рабочие. Вьетнамцев не было даже среди подсобных рабочих. В 60-х годах прошлого

века, хотя колонизаторы насыпали и замостили уже много улиц, город все равно еще напоминал большую деревню с кладбищами, садами и полями, пронизанными каналами. Лодки и сампаны служили основным средством передвижения между его районами.

На бульваре Ле Лоя, который можно считать центральной улицей Хошимина, всегда много людей. В отличие от расположенных неподалеку улиц, прилегающих к рынку Бентхань, у фонтана на Ле Лое нет скопления торговцев. Здесь с утра и до ночи царит праздная атмосфера. Народ собирается отдохнуть. Если чем и торгуют, то главным образом мороженым и воздушными шарами. У фонтана неумоимо трудятся фотографы. У них всегда есть клиентура. На мостовую окнами смотрят уютные кафе, рядом расположены большие государственные сувенирные магазины. По вечерам в брызгах фонтана вспыхивают разноцветные огоньки от электрической подсветки. Тогда на бульваре становится еще более многолюдно, чем днем.

С этого места во второй половине прошлого века и начал расти современный город. Европейская цивилизация, вторгшаяся в мир вьетнамской общины, разрушила ее. Первое, что дала урбанизация, — это преступность и проституция. Три-четыре деревни, по территории которых сейчас пролегал бульвар Ле Лоя, стали рассадниками этих зол.

Банда «Братство Бонгкена» была в то время грозой Сайгона. Нынешний фонтан — центр исчезнувшей деревни Бонгкен. Современники пишут, что это «братство» потомков крестьян общалось с окружающими только языком острых ножей. Банда была жестко организована, жила по своим строгим законам. Каждый уроженец Бонгкена с малолетства становился членом мафии. Принадлежность к ней навечно закреплялась изощренной татуировкой кожи. Убийство, грабеж наряду с торговлей служили главными средствами существования людей, у которых чуждый им город отнял землю и буйвола.

Подобные банды образовались и в соседних общинах. В каждой из них была такая же строгая организация, они делили между собой сферы влияния, и эта вражда выливалась в жесточайшую войну.

Слова «девочки с Боресс» были в Сайгоне колониальных времен такими же известными, как «братья и сестры Бонгкена». Небольшая улица, которая носит теперь имя ученика Луи Пастера — доктора Йерсена, прожив-

шегō многие годы во Вьетнаме, находится между торговыми кварталами нового рынка и каналом Беннге, соединяющим Сайгонский порт с китайским Шолоном. К приходу колонизаторов на топкой земле здесь стояли свайные поселки покинувших родные места кхмеров и тямов. Но с ростом Сайгона улица за болотом «Маре Боресс» приобрела особую славу. Тямы и кхмеры вымерли или расселились по другим кварталам города, а в опустевшие свайные дома пришли юные уроженки деревенских общин, которые стали городскими районами.

Во Вьетнаме почти не было религиозных запретов добрачных связей. Но эта «свобода» редко использовалась в патриархальной деревне, где все жители были на виду всех. Другое дело, большой город.

«Маре Боресс» стала улицей проституток, как и соседняя с ней Лефебр. Может быть, в своих родных переулках они бы не решились на такое, но в темном квартале за болотом уроженки Бонгкена и других центральных общин работали открыто. Накрашенные до неузнаваемости, они прохаживались по улице, демонстрируя свои достоинства. Для французских солдат и колоннов это было недорого — всего два серебряных хао. А для девочек — пять «гостей» за ночь — вот и пиастр, целое состояние.

В 1913 году окружной префект Куньяк распорядился засыпать болота Боресс и построить корпуса нового рынка. В то время в Сайгоне появились и европейские проститутки — гречанки, румынки. Они не хотели соседствовать с вьетнамскими «девочками с Боресс» и обосновались рядом, где сейчас проходит проспект Нгуен Хюэ.

Самый первый центр европейской колонизации во Вьетнаме, Сайгон вплоть до освобождения имел сомнительную славу одного из крупнейших в Юго-Восточной Азии центров проституции и организованной преступности. В 60-е годы нашего века к нему в этом отношении из всех вьетнамских городов приблизился только Дананг, выросший во время американской агрессии. Третий по величине город Юга, бывшая столица Хюэ, оставался вьетнамской полудеревней и хранил национальные традиции только относительно. Повсюду контакт европейских и американских пришельцев с вырванными из деревенской привычной среды вьетнамцами порождает эти социальные язвы.

В первый раз я приехал в Сайгон в середине мая

1975 года — всего недели через две после освобождения. Город жил так, словно и не было глубокого политического перелома, покончившего с более чем вековым господством старых и новых колонизаторов. Так же на бульваре Ле Лоя и улице Ты Зо прогуливались проститутки; много метисок и мулаток. Нищие просили милостыню, выставляя напоказ свои язвы и уродства. Даже в центре можно было стать жертвой гангстеров. Они подлетали сзади, выскакивали на тротуар на мотоцикле. Первый бил рулем заезавшегося прохожего, а второй отработанным движением молниеносно срывал сумку, фотоаппарат, часы.

Американский неокOLONиализм стал самой сильной после французской колонизации социальной ломкой для Южного Вьетнама. Искусственная урбанизация 60-х годов больше всего затронула Сайгон. До начала американской агрессии нынешние составные части г. Хошимина — Сайгон, Шолон и Зядинь — были отдельными городами, и в самом Сайгоне численность населения едва превышала 150 тысяч человек. В 1970 году три города слились в единую агломерацию с населением в 4 миллиона человек.

Война разоряла Северный Вьетнам, изгоняла крестьян из деревень Юга, но Сайгон с его военными базами, портом, гостиницами, борделями, отделениями банков и крупных межнациональных корпораций рос и в ширину, и в высоту. Американцы создавали здесь витрину «процветания», «общества потребления». По облику и укладу жизни он стал самым невьетнамским из городов Вьетнама, паразитическим наростом, раковой опухолью крестьянской страны. Капитализм развивался здесь в самой уродливой, неестественной форме. Все возникшие в эти годы предприятия были тесно привязаны к американским и японским монополиям. Расцветала и местная компрадорская буржуазия китайского происхождения. Крестьяне, выселенные из провинции Куангчи — «санитарного пояса» у демаркационной линии на 17-й параллели, из окрестных уездов Сайгона, где также расчищалось «санитарное кольцо», из растерзанных бомбежками и карательными рейдами деревень других южных провинций, находили не очень трудную работу, в качестве прислуги отелей, обслуживающего персонала военных баз, складов. Другие занимались мелкой торговлей. Третьи — попрошайничеством, воровством, проституцией.

Военная помощь США Южному Вьетнаму составля-

ла в среднем 1,3 миллиарда долларов в год, экономическая — 600—800 миллионов. Это не считая расходов американских военных и сотрудников других служб США, расходов ЦРУ на обучение и содержание 30 тысяч агентов по «умиротворению», помощь других капиталистических стран: Франции, Японии, Англии, ФРГ.

Все это составляло минимум два миллиарда долларов в год, позволяло нескольким миллионам человек жить, не занимаясь производительным трудом. «Общество потребления» на западный манер с его ультрасовременными внешними атрибутами было создано в Сайгоне и других крупных городах, куда американские, европейские и японские фирмы, конкурируя друг с другом, устремляли потоки всевозможных товаров. Сайгон потреблял 80 процентов всей американской помощи. Только продовольствия в него ввозилось из США ежегодно от 300 до 700 тысяч тонн. Неудивительно, что после освобождения в Сайгоне наиболее острую форму приняла «проблема беженцев».

Весной 1975 года, когда еще «президент» Южного Вьетнама Тхиеу призывал из Сайгона к «сплоченности нации в отпоре коммунистам», я прилетел в Дананг, только что освобожденный народными вооруженными силами. Гигантские, казалось, неприступные военные комплексы, окружавшие город, были усыпаны брошенными касками и солдатскими мешками, на колючей проволоке висели пятнистые зеленые куртки с погонами сайгонской армии, прямо на дороге валялись автоматы, минометы, рассыпанные патроны. Это были следы панического бегства марионеточного воинства, которое уже не имело моральных сил сопротивляться. В течение считанных часов распадались целые подразделения, части, дивизии. Одни спешили на чем попало отплыть подальше в море, надеясь быть подхваченными каким-нибудь американским судном, другие просто сбрасывали с себя военную форму, чтобы смешаться с гражданским населением.

К этому периоду относится первая волна массовой эмиграции из Южного Вьетнама. Весной 1975 года, видя быстрое крушение режима Тхиеу, перед стремительным наступлением революционных вооруженных сил из контролировавшихся сайгонской армией городов морским и воздушным путем страну покинули около 150 тысяч человек. Кто они были?

В первую очередь генералы и офицеры сайгонского

режима, которые чувствовали за собой непростительные преступления; влиятельные деятели прежних проамериканских администраций во главе с Тхиеу, министры, лидеры реакционных партий и группировок, религиозно-политических сект, отличавшиеся своими антикоммунистическими взглядами. В этой же волне эмигрантов отбыли богатые торговцы и промышленники, вьетнамские сотрудники всевозможных служб, миссий и представительств США в Южном Вьетнаме — от агентов разведки до поваров и горничных, последовавших за хозяевами в Америку. И наконец, среди них было много таких людей, которые просто поддались всеобщей панике и поверили рассказам сайгонской и американской пропаганды о «предстоящих зверствах коммунистов», о «кровавой бане», о том, что у женщин с маникюром будут отрубать пальцы, а красивых девушек насильно отдавать замуж за инвалидов войны.

Быстрое крушение сайгонского режима, однако, не означало физического уничтожения проамериканских вооруженных и политических сил. После освобождения в стране осталось 1200 тысяч бывших солдат и полицейских, более 50 тысяч бывших офицеров и примерно столько же агентов политической охраны режима Тхиеу. В стране остались реакционные организованные группы, которые в свое время и французы и американцы использовали для контрреволюционной борьбы.

Вскоре после освобождения Сайгона контрреволюционные силы, затаившиеся в первые недели народной власти, начали действовать.

Однажды вечером в 1975 году с балкона гостиницы «Мажестик» я увидел за рекой вспыхнувшее зарево пожара. Как впоследствии выяснилось, там был взорван склад боеприпасов. Но это был только один из многих подобных случаев. Горели фабрики, склады товаров, устраивались покушения на представителей новой власти, на офицеров Вьетнамской народной армии. На Центральном плато под обстрел попадали караваны машин, чаще всего, конечно, гражданские.

Все солдаты, полицейские, чиновники, не занимавшие важных политических постов, быстро получили возможность вернуться к своим семьям, и подавляющее большинство их уже приняло участие во всеобщих выборах в Национальное собрание единого Вьетнама, состоявшихся в апреле 1976 года.

Офицеры, агенты по «умиротворению», чиновники,

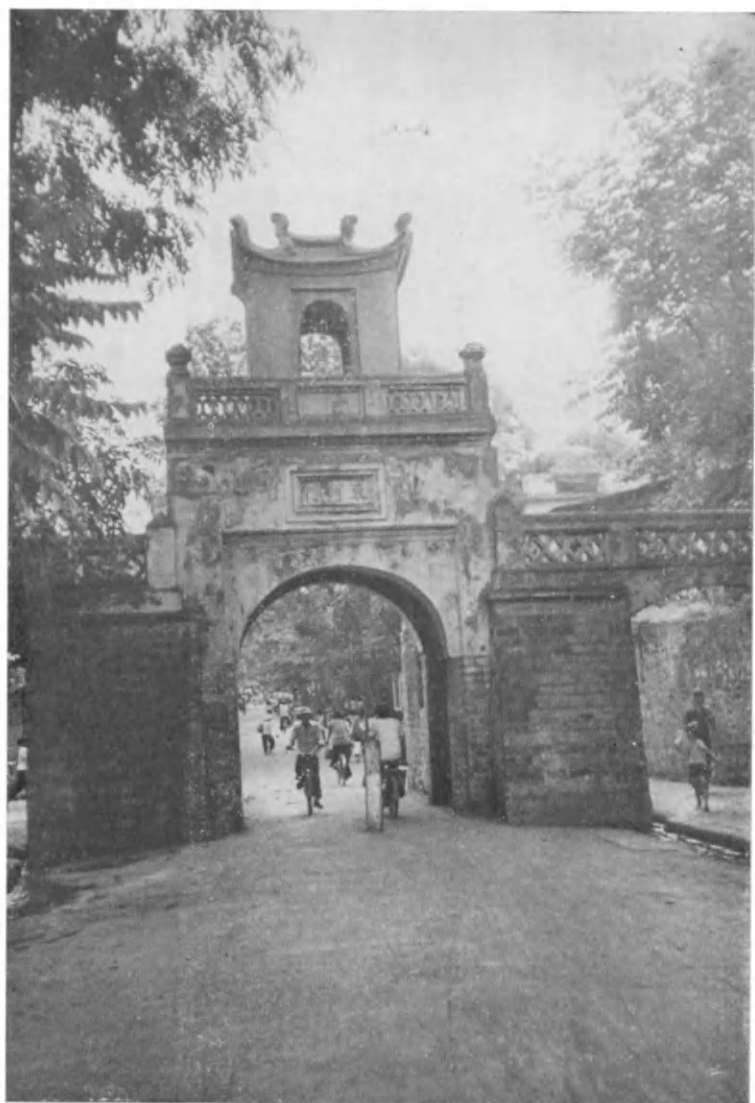

Ван Миеу — Храм литературы в Ханое

На каменных стелах, которые несут каменные черпахи — символ вечности, высечены имена победителей конкурсов ученых мужей страны (Храм литературы в Ханое)

Символ Ханоя — дренняя пагода на одной колонне

Восточные ворота старо-
го торгово-ремесленного
Ханоя

В рыбном ряду на рынке
Донгсуан в Ханое

В послеполуденный зной
на торговых улицах ста-
рого Ханоя редет потоки
велосипедистов. Лавки
и мастерские закрываются
от солнца цинковками
и парусиновыми полотни-
щами

Совсем рядом — шумные потоки городского транспорта, а на этой улочке старого Ханся царит совсем домашняя атмосфера: улица — дом, а соседи — почти что родственники

Пагода Кео в провинции Тхайбинь построена в начале XII века и потом несколько раз перестраивалась. Несмотря на торжественный вид этого деревянного сооружения, его двор украшают по-домашнему деревенские арековые пальмы

Во многих деревнях дельты Красной реки плетут циновки из болотной сыти

Мост Тханглонг через Красную реку в Ханое строится с советской помощью. Вместе с вьетнамскими строителями здесь работают посланцы нескольких союзных республик СССР

На площади у кафедрального собора в Хошимине

Город Хошимин. Набережная реки Сайгон и сайгонский порт — один из двух самых крупных портов Вьетнама

Изрезанная реками, речками и каналами дельта Меконга — это не только рисовая житница, но и большая плантация кокосовой пальмы. Так выглядит одна из деревенских «улиц» в провинции Лонган

Старый крестьянин в
дельте Меконга

Сельская мастерская «ве-
лосервиса»

Хороший урожай дало хлебное дерево «мит» в саду Нгуен Нью Шао

А такой бамбук — самый распространенный в деревне стройматериал

Стена «бамбуковой крепости»

В жатву на поле и стар, и млад, а если и сын вернулся из армии, то дело идет совсем быстро

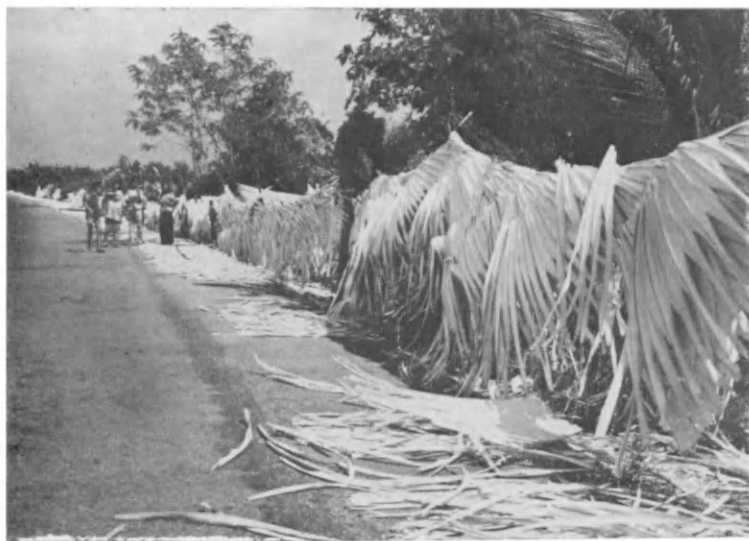

Хозяин дома Нгуен Ню
Хань у себя дома ждет
гостей

Приспособление для лова пресноводных креветок в мелких прудах и на рисовых полях напоминает огромную креветку. Этим промыслом занимаются в деревне дети и старики

Из листьев этого вида пальмы на Юге Вьетнама получают особенно красивые и прочные плетеные поделки. После сушки на солнце листья становятся почти совсем белыми

Это деревце в старинном сосуде — не выше человеческого роста. А посажено оно в середине прошлого века

Артист традиционного Вьетнамского театра «ту-онг» в гриме

В мастерской художника

Золотые рыбки на новогоднем базаре пользуются большим спросом

занимавшие значительные политические посты, — те, кто отдавал приказы убивать патриотов, сжигать деревни, пытать заключенных, не могли быть отпущены на свободу. В еще не стабильной социальной и политической обстановке они могли бы причинить немало бед и даже спровоцировать гражданскую войну. Эти тревоги революционных властей не были преувеличенными.

В Южном Вьетнаме осталось полтора миллиона людей, служивших раньше американцам. Из них несколько десятков тысяч упорно не хотят смириться с новым режимом. Что делать с ними? Ждать, когда они наконец поймут, что социалистическая революция на Юге — не временное явление, что она победила навсегда и сопротивление бесполезно. Для этого требуется время. Экономические, политические и социальные трудности, переживаемые сейчас Вьетнамом, подстрекательства и подрывная деятельность спецслужб США вовсе не способствуют этому пониманию, перестройке умов людей.

Для тех, у кого нет желания преодолевать эти трудности, строить новую жизнь на истерзанной войнами родине, единственный выход — уехать в поисках более благополучной жизни где-нибудь за морем.

«Проблему беженцев» из Южного Вьетнама, особый накат которой относится к 1978—1979 годам, я бы назвал проблемой отчаяния людей, потерявших корни. Если, конечно, оставить в стороне бегство буржуазии китайского происхождения: она всегда была инородной массой во Вьетнаме.

...От набережной реки Сайгон, где находится гостиница «Кыулонг», бывшая «Мажестик», на всем пути до Ле Лоя меня провожает велорикша, но по улице Донгкхой (прежде Катина-Ты Зо) приятно идти пешком, заглядывая в лучшие в городе антикварные и ювелирные лавки, художественные салоны, отвечая на приветствия ставших уже знакомыми торговцев. В мае 1975 года хозяевами большинства этих лавок были индусы и китайцы, а кафе и бистро держали даже французы. Катина-Ты Зо была улицей не для вьетнамцев. В каком-то из этих домов находилась квартира английского журналиста Фаулера из романа Грэма Грина «Тихий американец», по этим тротуарам, мощенным плитками, перой цветными, ходили его герои. Сейчас улица «Всеобщего восстания» (так переводится ее нынешнее, третье по счету название) стало чисто вьетнамской и утратила свой былой внешний лоск.

На улице Ле Лоя у фонтана старичок-водитель услужливо открывает дверцу такси — «божьей коровки» французского производства, возраст которой под стать шоферу. Такси — привычная составная часть городского транспорта Хошимина, чего нельзя сказать о Ханое и Хайфоне. Складываюсь, чтобы поместиться на переднем сиденье (на задних еще теснее), и, затарахтев, машина выезжает на почти пустую, отгороженную от правых рядов стальным барьером центральную часть бульвара Ле Лоя. Велосипеды и рикши теснятся за барьером справа, а левые ряды предназначены исключительно для автомобилей. Но уже через километр, за площадью перед рынком Бентхань, вливаемся в общую кашу уличного движения с его поражающим многообразием.

Город Хошимин отличается от других центров Вьетнама, в том числе от таких крупных городов Севера страны, как Ханой и Хайфон. В Ханое лишь единичные здания поднимаются выше четырех этажей. В Хошимине же дома около десятка этажей в высоту — далеко не редкость. В отличие от зеленых со свежим воздухом аллей Ханоя оживленные магистрали Хошимина наполнены синеватым смогом, извергаемым полумиллионом мотоциклов и мопедов и 60 тысячами самых разношерстных четырехколесных транспортных средств, которые питаются горючим предельно низкого качества. Насчитывающее 3,5 миллиона человек население Хошимина, хотя и пересело в последние годы на велосипеды и велорикши (около 1 миллиона велосипедов), больше предпочитает механизированные средства передвижения.

У этого города много проблем, которые хорошо знакомы властям любого крупного города мира. Хотя основная часть его населения — горожане в первом поколении, они психологически дальше ушли от деревни, чем жители других городов страны. Ханой и Хайфон в своих административных границах включают примерно поровну города и деревни. Из 3,5 миллионов хошиминцев — только полмиллиона занимаются сельским хозяйством в пригородах. К интернациональным проблемам большого города прибавляются особые социальные проблемы, доставшиеся в наследство от войны и неокolonиального режима.

— Мы работаем, обучаясь, — рассказал мне во время очередной нашей встречи заместитель председателя Народного комитета города Хошимина Ле Куанг Тянь. — В первое время, придя из джунглей и деревень осво-

божденных районов, с северного тыла войны Сопротивления, мы столкнулись с массой совершенно новых для нас вопросов. Сейчас у нас уже гораздо больше опыта в управлении крупнейшим городом страны. Если сначала главные заботы заключались в решении политических и чисто социальных проблем, то сейчас на первое место вышли социально-экономические.

Первая группа проблем, а именно: безработица, профессиональная преступность, наркомания, проституция, наличие большой армии бывших сайгонских военных и чиновников, враждебно настроенной к новому режиму буржуазии, нуждалась в незамедлительном решении.

В той мере, в какой это было возможно, они были решены в первые годы после освобождения: уже где-то к концу 1979 года. Так, число безработных, составлявшее после освобождения около миллиона человек, сократилось к началу 1980 года до 250 тысяч, а к концу 1981 года — до 200 тысяч. В основном это достигнуто за счет возвращения в свои деревни и в новые экономические районы примерно 700 тысяч бывших жителей сельской местности, которые наводнили Сайгон в годы войны. Дальнейший процесс несколько затормозился, поскольку связан с увеличением рабочих мест в самом городе. Ле Куанг Тянь сказал, что в плане сокращения и ликвидации незанятости власти возлагают большие надежды на строительство с советской помощью крупных экономических объектов вблизи Хошимина — ГЭС Тиан на реке Донгнай, на обработку каучуковых плантаций площадью 50 тысяч гектаров в соседней провинции Шонгбе, на совместное вьетнамо-советское предприятие по эксплуатации нефтегазовых месторождений на континентальном шельфе (его береговая база находится в городе Вунгтау в 110 километрах от Хошимина).

— Сначала казалось, что самая острая проблема — это бывшие военнослужащие сайгонского режима. В 1975 году только в Сайгоне их было более 400 тысяч человек. Но сейчас она в основном решена. Солдатам почти сразу же было разрешено вернуться к своим семьям. Возвратились в город после лагерей перевоспитания и 20 тысяч бывших офицеров. Кадровые военные предпочтительно трудоустраиваются в сельских районах. Те, у кого есть гражданские специальности, используются в самом городе: на предприятиях, в учебных заведениях, в здравоохранении. Только небольшое число бывших представителей высшего офицерства, ответственных за бое-

вые операции и карательные рейды, остается в лагерях перевоспитания.

Город Хошимин — крупнейший промышленный центр Вьетнама. Здесь живет и трудится самый старый в стране отряд рабочего класса. У него есть своя история, свои традиции.

Одно из первых промышленных предприятий Вьетнама — судоремонтный завод Башон был создан на базе существовавших еще в начале прошлого века кораблестроительных мастерских вьетнамского императора Зя Лонга. Башон сразу стал кузницей молодого пролетариата, на нем появилась одна из первых организаций компартии, начинали свой революционный путь многие видные деятели вьетнамского рабочего движения, в том числе соратник Хо Ши Мина, покойный президент СРВ Тон Дык Тханг.

В истории этого завода — крупная забастовка 1912 года, перекинувшаяся на другие предприятия французского Индокитая. В 1925 году рабочие, прекратив ремонт, не дали выйти в море крейсеру «Жюль Мишле», направлявшемуся на подавление Кантонской коммуны. А в 1975 году перед освобождением Сайгона, башонцы обезвредили все мины, установленные саперами марионеточных войск, спасли свой завод от уничтожения.

После освобождения Южного Вьетнама Башон превратился из ремонтной базы военно-морского флота сайгонского режима в судостроительное предприятие. В период между IV и V съездами КПВ с его стапелей сошли десятки рыболовных судов, которые работают сейчас в рыбхозах и кооперативах многих провинций юга страны. Он продолжает выполнять и свою миссию «лекаря» океанских странников из разных портов мира, бороздящих воды тропических широт. Особенно частые гости — суда социалистических стран. На черных бортах его «клиентов» белеют названия портов приписки: Находка, Росток. Заказчики довольны качеством работ.

На Башоне работают более пяти тысяч человек. В основном это потомственные рабочие. Почти такие же старые отряды рабочего класса существуют на предприятиях, возникших в годы колониального господства: в Сайгонском морском порту, на механическом заводе «Карик». Много потомственных квалифицированных рабочих на прокатном стане Нябе, который дает около 6 тысяч тонн продукции в год. При французах в Сайгоне создавались исключительно ремонтные предприятия.

В годы американского неоколониального владычества вырос целый ряд довольно крупных заводов и фабрик, накрепко привязанных к американскому, японскому и тайваньскому капиталу. Большинство этих довольно современных предприятий находится за рекой Сайгон, вдоль широкой 20-километровой автострады, связывающей город Хошимин с городом Бьенхоа: цементный завод «Тхудык», текстильный комбинат «Сиковина», бывшее сайгонское дочернее предприятие, филиал японской фирмы «Нэшнл панасоник» по сборке электронной аппаратуры, машиностроительный завод «Викино» по сборке малогабаритных тракторов и дизельных водонасосов для рисовых полей и др.

Современные корпуса «Викино» бросаются в глаза уже с автострады Хошимин — Бьенхоа. Предприятие построено в 1970 году на кредиты Сельскохозяйственного банка сайгонского режима. По проекту «Викино» должен был стать отделением японской компании «Кубота». Из частей, поставляемых из Японии, здесь начали монтировать ручные тракторы-культиваторы, похожие на большие тачки с дизельными двигателями, водонасосы и моторы для морских рыбацких шаланд. Проект предусматривал на первом этапе производство на месте 40 процентов работ по изготовлению этих видов продукции, на втором этапе — 60 процентов, на третьем — 80 процентов. Остальное — в Японии.

— Но это был только проект, который не осуществился и на десятую долю, — рассказывает главный инженер Нгуен Ван Туен. — И при старом режиме предприятие было государственным. У вьетнамской буржуазии не хватало средств, чтобы частным образом поднять такое крупное дело. В начале 70-х годов сайгонскому правительству было не до завода. Поэтому «Викино» так и остался чисто сборочным, а за пять лет до освобождения выпустил только полторы тысячи малых тракторов, три тысячи дизельных моторов и 1400 водонасосов. К тому же себестоимость их получалась высокой, и на рынке больше шли импортные машины.

За годы французского колониального господства во Вьетнаме не сложилось достаточно сильного класса национальной буржуазии. Поэтому в 60-е годы, когда проводилась неоколониальная индустриализация на Юге, сайгонский режим всячески пытался «вьетнамизировать» промышленность. Из средств, получаемых от Вашингтона, Сайгон выделял кредиты группам чиновников и от-

ставных военных, мелких предпринимателей, чтобы те строили заводы и фабрики на паях. Самые большие предприятия и таким группам были не под силу, поэтому администрация создавала их как государственные и потом старалась продать акции частным лицам. Именно так возникли «Викино», «Сиковина» и другие заводы промышленной зоны Тхудык. Таким образом, искусственно подстегивалось развитие капитализма. К 70-м годам в Южном Вьетнаме если и были «короли» риса, тканей, чая и колючей проволоки, то только компрადоры-хуацяо. Но и они больше специализировались на торговле, а не на производстве.

После освобождения «Викино» столкнулся с общей для всех современных заводов Сайгона проблемой: с уходом иностранных специалистов, с прекращением поставок полуфабрикатов из-за рубежа производственные линии практически остановились. Даже нехватка малой детали была причиной остановки целого автоматического или полуавтоматического агрегата.

За последовавшие годы в корпусах «Викино» произошли большие перемены, и завод возродился как подлинно национальное предприятие. Для этого нужно было полностью пересмотреть его прежний проект, упростить технологию, увеличить долю ручного квалифицированного труда. Ведь в новых условиях речь шла не о сборке машин из готовых деталей и узлов, а о полностью отечественном производстве. Число рабочих завода увеличено со 150 до 500 человек, налажена кооперация с родственными заводами Севера — ханойским первым станкоинструментальным имени Чан Хынг Дао. В 1977 году «Викино» уже выпускал 220 малых тракторов «Лотос» по проекту, созданному на Севере, и «Дайтханг», сконструированных самими инженерами завода. В конструкторском бюро и цехах «Викино» родился новый водонасос, который легко присоединяется к двигателю тракторов Харьковского завода. За год выпускается 1200 насосов.

Нгуен Ван Туен сопровождает меня по складу готовой продукции. Ровными рядами выстроились блестящие красной краской тракторы размером не больше мотоцикла с коляской. На одних еще смонтированы двигатели фирмы «Кубота», на других — уже отечественные. Завод выпускает также резиновые баллоны для таких тракторов-малюток, чтобы они случайно не утонули в каком-нибудь углублении среди затопленного поля.

Этот тип тракторов был одним из самых распространенных в Южном Вьетнаме. Ввозились они главным образом из Японии. Большие колесные тракторы, которые хорошо работают на обширных сухих полях, неудобны на залитых водой маленьких чеках. Да и зачем крестьянину машина в 70 лошадиных сил, если владелец трех гектаров уже считался помещиком?

На Севере на кооперативных полях часто можно встретить наши тракторы «Белорусь». Много их поставлено и в новые госхозы юго-западных провинций дельты Меконга. Машины приходится приспособлять к местным условиям, увеличивать площадь опоры колеса, из-за чего работающие на поле «Белоруси» похожи на колесные речные пароходы.

— Будущее, конечно, за большими тракторами, — считает Нгуен Ван Туен. — Но к нынешним условиям лучше подходят такие вот малые. Покупать их негде, поэтому осваиваем производство своих. После войны на Севере сконструирован «Лотос» на 12 лошадиных сил. У нашего «Дайтханга» — 8 сил.

Нгуен Ван Туен — сын рабочего сайгонского отделения нефтяной корпорации «Шелл». Ему 34 года. Диплом инженера получил в Канаде, куда был послан сайгонским режимом на учебу на средства по «Плану Колombo». Из 12 инженеров, работающих на «Викино» сейчас, восемь человек были на заводе со дня его основания. Остальные прибыли после освобождения из Северного Вьетнама. Как и Туен, его коллеги — выходцы из сайгонских рабочих семей. Рабочий класс на Юге был немногочислен и стоял на социальной лестнице выше крестьян и бедных городских слоев. Из него, а не из крестьян, чиновничества или торговой буржуазии, выходили техники и инженеры. Для детей чиновников, военных, торговцев и богатых крестьян более престижной считалась административная и военная карьера, чем техническое образование. Поэтому при сайгонском военно-бюрократическом режиме профессия инженера не стала привилегией господствующих классов. Такова была особенность неокOLONиальной «модернизации» Южного Вьетнама.

— У нас, конечно, возникли определенные трудности с переходом на самостоятельное производство, — признает Нгуен Ван Туен. — Одно дело — сборочный конвейер. Там не требовалось от рабочего большой квалификации. Большинство предприятий строилось с таким

расчетом, чтобы использовать дешевую неквалифицированную рабочую силу. Крестьянского паренька обучали одной несложной операции, а дальше он уже ничего не знал. Наладчиками оборудования, как правило, были иностранные специалисты.

Самой наглядной иллюстрацией этих слов главного инженера служит история сайгонского завода «Нэшнл панасоник». Все составные части радиоприемников, магнитофонов и телевизоров привозились из Японии. За производственным процессом наблюдали японские специалисты. Каждая девушка у конвейера знала только, в какое место на схеме припаять лежащую у нее на столе деталь. Завод выпускал электронную аппаратуру, по качеству мало уступающую японской. Через некоторое время после освобождения запас радиодеталей для полного цикла производства иссяк. Решили превратить завод в предприятие по ремонту аппаратуры. Но, естественно, и структура цехов, и квалификация персонала оказались почти полностью непригодными для этого. Примерно такая же проблема возникла в автоматизированных цехах текстильного комбината «Сиковина». Люди, которые отлично справлялись с работой на станках-автоматах, оказались абсолютно бессильными после выхода из строя автоматики и упрощения технологии производства.

После освобождения, увеличивая коллектив «Викино» со 150 до 500 человек, руководители завода столкнулись с острой проблемой кадров.

— Мы старались набирать рабочих не из деревни и не с новых предприятий. И тех и других нужно долго обучать, — рассказывает Туен. — В ученики предпочитали брать детей наших же работников. Они родились в рабочих семьях и более восприимчивы к техническим навыкам и знаниям. Пришли люди и с других заводов, которые сами выступали в роли наставников. Особенно помогло паровозное депо Зиан. Оно существует с начала века. На «Викино» трудятся внуки и правнуки его рабочих. Сейчас примерно 10 процентов коллектива «Викино» — потомственные рабочие.

Видимо, поэтому средняя квалификация машиностроителей «Викино» довольно высока. В главном цехе все 140 человек имеют разряды от второго до седьмого. С третьим разрядом — 43 человека, с пятым — 22. В перспективе на базе «Викино» предусматривается создать первый на Юге Вьетнама **станкостроительный за-**

вод. Уже началось освоение производства токарного станка IM-616 по советскому образцу.

Но пока не современные корпуса фабрик и заводов вдоль дороги Хошимин — Бьенхоа определяют промышленное развитие крупнейшего города Юга страны. Как видно на примере «Викино», они нуждаются в глубокой перестройке. Кроме того, на них особенно тяжело отражаются нынешние трудности с электроэнергией, запчастями и сырьем. В целом по стране крупные предприятия центрального подчинения произвели в 1981 году только 36 процентов всего объема промышленной продукции.

Хошимин — крупнейший индустриальный центр Вьетнама. На него приходится треть промышленного и кустарного производства СРВ. Для сравнения, в Ханое — примерно 10 процентов. В Хошимине работают 324 государственных и смешанных государственно-частных предприятий, 25 тысяч кооперативных и единоличных мастерских. В них занято 257 тысяч человек. При этом в коллективном секторе — около 60 тысяч работников, на мелких единоличных семейных предприятиях — 65 тысяч, на частных заводах и фабриках — 11 тысяч.

Таким образом, в основном предприятия мелкие, с большой долей ручного труда. В ремесленном кооперативе или артели работает в среднем по 20—30 человек, в семейной мастерской — три-четыре человека, на частной фабрике — 15—20 рабочих. Даже «Викино» с 500 рабочими выглядит на этом фоне гигантом. Именно эта армия мастеров-ремесленников дала в 1981 году 1,5 миллиарда донгов продукции из 2,6 миллиарда, произведенных всей промышленностью города. Это одежда, обувь, продукты питания, предметы домашнего обихода. В годы войны и американского присутствия, когда в Сайгон хлынул поток импортных товаров, многие из ремесел были задавлены конкуренцией, и кустарная промышленность города приняла более «сувенирную», чем прикладную направленность. Лаковая живопись и инкрустация перламутром, резьба по дереву и вышивание, ювелирное дело и изготовление кожгалантереи — только такие ремесла имели благодатную почву для своего развития и достигли совершенства.

... Рука мастера с полирующим тампоном движется так быстро, что на фотоснимке получилась размытым пятном. И это часами. Но вот грязная паста смывается с доски — и перед вами блестящая лаком картина: в до-

рожке лунного света на реке рыбак с лодки бросает сеть. Такие лаковые картины, а также шкатулки и вазы с лаковой поверхностью — специализация кооператива Чуонгми. Он находится на одной из тихих зеленых улиц в центре Хошимина.

45-летний Нгуен Дон, заместитель председателя кооператива, познакомил меня со стендом, на котором показаны все стадии создания произведения от обработки доски до последней полировки. Процесс длится много дней, а иногда и месяцев. Его нужно выдерживать с точностью, известной только мастеру. Погоня за скоростью и количеством может обернуться сведением на нет всего труда: треснет доска, разрушится лак, рисунок покроется пятнами совсем ненужных цветов. Технологией руководит не написанная инструкция, а навык и даже интуиция. Картины есть двуцветные: черный лак и белая размолотая яичная скорлупа; и многоцветные: красочный лак и даже золотой порошок.

— Еще в 1975 году мы все работали в одиночку, — вспоминает Нгуен Дон. — В моей мастерской было четыре человека — все члены семьи. Сам я придумывал композицию и набор цветов, делал наиболее сложную работу. В 1976 году по инициативе и при помощи властей я и несколько моих друзей создали производственную группу из 30 человек. Дела пошли хорошо, и через год мы набрали учеников и подсобных рабочих, группа стала кооперативом. В нем сейчас 118 работников, каждый из которых при вступлении внес свой пай.

Нгуен Дон, опытный художник со специальным образованием, неплохо зарабатывал и в своей семейной мастерской. Я спросил, в чем для него выгода кооператива. Оказалось, в разделении труда. Раньше ему самому приходилось делать много работы, не требующей большого опыта и умения. Теперь ею заняты менее квалифицированные новички. И среди них каждый специализируется только на одном-двух видах работ. Поэтому выросли и количество и качество изделий.

Таких кооперативов и групп в Хошимине множество. В производстве художественно-прикладных изделий, которые не терпят потока, остается много и маленьких семейных мастерских. Самая элегантная и неповторимая вещь создается именно в полудомашней мастерской, а не под сводами большого цеха. Правда, она и дорого стоит.

Сегодняшний городской ремесленник сродни дере-

венскому мастерскому, а создаваемые кооперативы похожи на средневековые ханойские фыонги, образованные в городе пришедшими из общин кустарями. Через ремесленные кооперативы с их специализацией и разделением труда лежит один из путей прихода бывшего крестьянина в промышленность. В условиях Вьетнама такое мелкое производство развивается гораздо быстрее, чем современное. Оно берет истоки в самой стране и мало зависит от заграницы. В 1976 году стоимость продукции мелкой промышленности Хошимина составила 310 миллионов донгов, в 1980 году — 1018 миллионов, в 1981 году — 1458 миллионов.

Заместитель мэра Ле Куанг Тянь обратил мое внимание на то, что самый большой рост происходит в ремеслах, производящих не художественно-прикладные изделия и предметы роскоши, а товары широкого потребления. Раньше они не выдерживали конкуренции зарубежных капиталистических фирм. Все больше доля механических мастерских, которые делают запчасти к велосипедам и машинам, сельскохозяйственные орудия, различные приспособления для других ремесел. Эти товары служат самым широким слоям населения. И не только городского. В 1981 году товарный обмен Хошимина с окружающими провинциями составил 700 миллионов донгов. А это означает рис, мясо и овощи для горожан, сельскохозяйственное сырье для промышленных предприятий.

Город Хошимин вполне заслуживает теперь репутацию «города мастеров».

ВОРОТА В ДЕЛЬТУ

С заместителем Генерального директора Вьетнамского информационного агентства До Ван Ба мы едем по широкому, заполненному велосипедами, автобусами, грузовиками, «ламбреттами», вело- и моторикшами пятикилометровому проспекту Чан Хынг Дао, который начинается у центрального рынка Бентхань и соединяет центр Хошимина с центром Шолона. Коренной сайгонец, До Ван Ба вспоминает, что в 1954 году, когда он уходил на Север после раздела страны, эта дорога лежала через рисовые поля и деревни. Сейчас на всем пути нас окружает большой город с высокими домами.

Обилие иероглифов на вывесках лавок и мастерских, харчевен и кинотеатров оповещает о въезде в Шолон. Никакой четкой границы между ним и вьетнамским городом нет. Шолон, основанный в конце XVIII века китайскими эмигрантами, сразу стал крупным торговым центром. Каждый год в сезон благоприятных северо-восточных ветров к его причалам приходили морские джонки из портов континентального Китая. Население Шолона пополнялось за счет новых иммигрантов. Последняя крупная волна переселенцев относится к концу 40-х годов нашего века, когда гоминьдановцы были изгнаны из Китая. Они устремились не только на Тайвань, но и в страны Юго-Восточной Азии, в том числе во французский Индокитай.

В 30-х годах Шолон был самым большим городом французских колоний в Индокитае. После него по численности населения следовали Ханой, Хайфон, Сайгон. Он играл и ведущую роль во внешней торговле и колониальной эксплуатации Вьетнама и Кампучии. По данным на 1960 год, в Южном Вьетнаме проживало около 800 тысяч хуацяо. В 1978 году во всей стране было 1200 тысяч выходцев из Китая (пять процентов населения), и из них почти миллион человек жил на Юге. Более половины этого числа — в Шолоне. После сильной волны бегства хуацяо из СРВ за границу в 1978—1979 годах китайское население Хошимина, сосредоточенное в Шолоне, сократилось, но незначительно, если сравнить с его абсолютной численностью. По данным переписи 1979 года, в городе насчитывалось 474 700 вьетнамцев китайского происхождения, то есть 14,4 процента всего населения Хошимина. Преимущественно китайскими остаются 5-й, 6-й, 10-й и 11-й районы города.

Подчинив себе Индокитай, французские колонизаторы воспользовались сильными позициями китайской колонии в торговле. Китайцам был предоставлен особый административный статус, более высокий по сравнению с «туземцами», то есть вьетнамцами. Еще до прихода колонизаторов в Шолоне образовалась группа крупных китайских торговых магнатов — «тайцзя». Колониальные власти предоставили им привилегии в закупках риса в деревнях дельты Меконга, его очистке и перепродаже на внутреннем и внешнем рынках. Рисовые магнаты постепенно сосредоточили в своих руках торговлю другими видами местной продукции, импорт во Вьетнам товаров из-за рубежа. Так родилась китайская компра-

дорская буржуазия, тесно связанная с иностранным капиталом. Вьетнамская буржуазия не могла с ней тягаться.

Годы американской агрессии во Вьетнаме были временем расцвета компрадоров-хуацяо. Они монополизировали 80 процентов торговли, промышленности, банковского дела. Не только в Шолоне, но и в самом Сайгоне, на его центральных улицах и площадях выросли современные здания банков и гостиниц, самые шикарные во Вьетнаме рестораны и магазины. Они тоже принадлежали хуацяо. Конец этому господству некоронованных королей пришел в 1975 году.

Свержение неокOLONиального режима нанесло, конечно, самый сильный удар по крупным и средним торговцам-хуацяо. Естественно, отразилось оно и на мелких розничных торговцах и трудящихся, обслуживавших эту разветвленную систему большого бизнеса. Нет больше долларов, свободной внешней торговли. Рестораны и отели потеряли богатую клиентуру в лице американцев и оплачиваемых из того же пентагоновского кармана офицеров и чиновников марионеточного режима.

Многие китайские коммерсанты бежали за границу накануне или сразу после освобождения. Но большинство остались. У них были огромные запасы товаров, иностранной валюты, золота, недвижимость, устоявшиеся торговые связи. Эти товары растекались через сложную и налаженную систему сбыта по мелким розничным торговцам. Пользуясь дефицитом на многие виды необходимых товаров, хозяева четко отлаженной торговой машины взвинчивали цены, будоражили рынок, обогащаясь за счет простого потребителя. Такое положение нельзя было долго терпеть, и уже в 1976 году началась кампания против компрадорской буржуазии, монополизировавшей рынок в Сайгоне. В ней активно участвовали студенты, служащие, рабочие, в том числе и трудящиеся хуацяо. Верхушка «королей рынка» была изъята уже тогда, что помогло несколько стабилизировать экономическое положение, дать возможность развитию государственной и кооперативной торговли, которые не выдерживали конкуренции компрадоров.

Однако капиталистический сектор оставался преобладающим в торговле. Это мешало контролировать цены. Запасы товаров, остававшиеся с 1975 года, постепенно истощались. Производство многих видов продукции на местных предприятиях, привязанных к поставкам загра-

ничного сырья, полуфабрикатов, запчастей, столкнулось с большими трудностями. Цены продолжали неудержимо расти. Конечно, государственная система распределения уже обеспечивала население по карточкам определенным количеством товаров самой первой необходимости, как, например, рисом. Но ее возможности были ограничены, а богатые еще больше богатели за счет тех, кого народная власть едва спасала от голода.

И тогда в марте 1978 года были приняты меры, вызванные необходимостью взять в руки социалистического государства рычаги крупной и средней торговли. Кампания носила классовый, а не национальный характер, была направлена не только против китайских, но и против вьетнамских капиталистов. Просто в этом слое буржуазии преобладали хуацяо. Объектом кампании были средние капиталисты-торговцы. Тех, кто владел производственными предприятиями, не трогали. Но из тысячи предпринимателей 6-го района, например, только 16 держали небольшие фабрики, остальные занимались исключительно торговлей.

Китайская верхушка в Шолоне разожгла вокруг этих мероприятий шовинистические настроения хуацяо. Пропагандистская шумиха оказала влияние и на трудовые слои хуацяо. Началось массовое бегство лиц китайского происхождения из СРВ.

По сравнению с тем Шолоном, какой я видел весной 1975 года, уже пять лет спустя он выглядел гораздо скромнее. Исчезли огромные буквы броской рекламы, дорогие рестораны превратились в государственные столовые, доступные простому горожанину, обозначенные просто номерами. Маленькие частные кафе и харчевни, которых здесь сотни, по-прежнему полны посетителей. Только меню стали проще. Из-за стекол витрин на вас больше не смотрят многочисленные экраны японских телевизоров и объективы фотоаппаратов, выставленные на продажу. Большинство владельцев этих витрин уже давно нет во Вьетнаме. Правда, телевизоры, магнитофоны и фотоаппараты все равно продают, и немало. Но не в дорогих магазинах, а прямо на тротуарах. И не всегда это подержанные вещи. Много совсем новых. Хуацяо в Шолоне по-прежнему имеют много официальных и неофициальных каналов связи со своими родственниками и близкими в других странах Юго-Восточной Азии: посылки, денежные переводы, партнерство в контрабанде. В частной мелкой торговле они не сдали своих позиций,

а она составляет в Хошимине более 60 процентов розничного товарооборота.

Жесткая организация восточного типа больше присуща китайским поселенцам, чем вьетнамцам. У вьетнамцев родственные, соседские, земляческие и прочие связи, хранимые до сих пор деревней, в Хошимине проявляются не так четко. Китайцы же в Шолоне сохранили традиции своих предков, язык и особые формы общения. Нельзя сказать, что смешения с вьетнамцами не происходило. Пример тому — население дельты Меконга. Там потомки первых китайских колонистов растворились среди вьетнамских поселенцев. И сейчас кроме чистых хуацяо есть так называемые «миньфонг» — дети от смешанных вьетнамо-китайских браков. Спустя три поколения они становятся в большинстве случаев вьетнамцами. Но этот процесс не разрушил китайскую колонию, Шолон сохранил лицо китайского города.

С момента создания первых китайских поселений в районе Шолона и вплоть до освобождения Южного Вьетнама колония хуацяо была организована в конгрегации — объединения по принципу землячеств выходцев из той или иной провинции, того или иного района Китая. Они представляли также своего рода союзы взаимопомощи и административные единицы. В доколониальный период, при французах и при сайгонском режиме только глава конгрегации мог вступать в контакты с властями и нес перед ними ответственность за деятельность всех членов конгрегации. В 5-м районе, например, существовали фуцзяньская, гуандунская, хайнаньская, чаочжоуская конгрегации. Они имели свои религиозные храмы, свои больницы, школы, газеты. В 1975 году в Сайгоне было 200 китайских школ на 100 тысяч учащихся. В каждой из них преподавание велось на родном диалекте данной конгрегации. Конгрегациям принадлежали 6 крупных больниц, которые обслуживали только больных-хуацяо. Издавалось 12 газет на китайском языке. После объединения Вьетнама все здравоохранение и народное образование на Юге Вьетнама было национализировано. Больницы стали доступны для всех. В школах обучение ведется по единым программам на вьетнамском языке, и только восемь уроков в неделю отводится изучению китайского литературного языка. На китайском языке выходит только версия общегородской газеты «Сайгон зяй фонг».

Власти не предпринимали насильственной ликвида-

ции конгрегаций. Но те сами по себе постепенно прекратили существование: конфискация имущества у 100 представителей компрадорской буржуазии хуацяо в 1976 году и у нескольких тысяч капиталистических торговцев в 1978 году подрубила экономическую основу конгрегаций (большинство этих людей — они же руководители земляческих объединений — покинули страну); преобразование школ, закрытие газет размыло их культурную и организационно-политическую базу. В неприкосновенности оставлены лишь религиозные храмы и два частных коллектива традиционной китайской оперы.

На смену распадавшимся конгрегациям были предложены новые формы организации по территориальному и социальному признакам. В них входят не только хуацяо, но и вьетнамцы, проживающие в Шолоне. Это молодежные, женские, буддийские, католические и тому подобные организации. Административно районы разбиты на кварталы, а кварталы на группы семей. В 3-м квартале 5-го района, например, существуют 44 таких группы, объединяющих по 20—25 семей. Они выбирают руководителя группы, который несет ответственность перед властями за политические настроения и общественный порядок в группе, защищает интересы членов группы.

Као Ты Зунг, заведующий сектором по делам хуацяо городского комитета Отечественного фронта Вьетнама, порекомендовал мне для подробного знакомства с жизнью Шолона именно 3-й квартал 5-го района Хошимина. Он примыкает к бывшей центральной улице Шолона, и 90 процентов его жителей — лица китайского происхождения.

Туда мы и приехали однажды вечером. В просторной комнате квартального народного совета нас ожидали представители общественности, руководители молодежных и женских организаций, групп семей и производственных групп. Не все они хорошо говорили по-вьетнамски, поэтому пришлось беседовать через переводчика. Мой коллега Евгений Верлин, китаист по образованию, бывший несколько лет корреспондентом отделения ТАСС в Пекине, который тоже принимал участие в этой встрече, сначала пытался говорить по-китайски. Но и это не избавило от необходимости перевода: на пекинском диалекте могли изъясняться лишь немногие присутствовавшие хуацяо; их родным был фуцзяньский диалект.

Наши собеседники рассказали о том, как сами по се-

бе разрушились вековые конгрегации, какие перемены произошли в квартале после декрета от 23 марта 1978 года, положившего конец крупной и средней капиталистической торговле.

До 1978 года в квартале не было ни одного производственного предприятия. Сейчас 1200 человек, то есть подавляющее большинство взрослого населения, объединены в ремесленные кооперативы и группы трудовой взаимопомощи. В 1981 году они произвели различной продукции на 12 миллионов донгов. Переходя по указанию властей от торговли к производительному труду, эти люди сами выбирали специализацию, руководствуясь опять же рыночной конъюнктурой. Уж ее-то они умеют определять с завидной быстротой и точностью.

Онг Туан Нгиа, грузный, но не по годам и комплекции энергичный старик, руководит группой по производству замков для велосипедов. Вроде бы мелочь, большой завод вряд ли стал размениваться на нее. Но вспомните: более миллиона велосипедов только в одном Хошимине. В его группе 32 работника-пайщика (они же — друзья и соседи) и восемь наемных рабочих со стороны. Месячный доход члена группы — 600 донгов, что по масштабам цен того времени гораздо выше заработка рабочих и служащих государственного сектора.

С Чан Тхуаном, председателем другой группы, пришлось долго выяснять, прежде чем я понял, какую продукцию они выпускают. Оказалось, они занимаются сбором и переработкой ваты из старой одежды. Ее снова пускают в ход как на бытовые, так и на технические нужды. Кажется, занятие пустяковое и малопривлекательное, но, если бы оно не обеспечивало хорошего заработка 68 членам группы и нескольким наемным рабочим, им бы не занимались.

В государственном секторе экономики Хошимина работают только около 20 тысяч хуацяо, что составляет менее 10 процентов всех взрослых лиц китайского происхождения, живущих в городе. Остальные заняты мелкой торговлей, а также в производственных группах, кооперативах и на смешанных государственно-частных предприятиях. После 1978 года бывшие крупные торговцы на свои капиталы основали целый ряд таких предприятий: овощное хозяйство «Донгтиен», завод сельхозмашин «Тхонгнят», шелковую фабрику «Зялань» и др.

Завод сельхозмашин «Тхонгнят» основан в 1978 году на средства 21 капиталиста-хуацяо с участием государ-

ства. Сейчас из 380 человек, занятых на заводе, 127 хуацяо, а на самом сложном участке — в механическом цехе — они составляют 65 процентов рабочих.

...Идем по механическому цеху. Его не сравнить с просторными современными корпусами «Викино», «Сиковины» и других предприятий, построенных до освобождения. Здесь все попроще, и внешний вид не такой привлекательный. Никаких поточных линий. Каждый работает у своего станка. Несколько рабочих сидят на корточках, поглощенные сборкой водонасоса. Советуются, негромко спорят. Примеряют узлы, снова снимают, подтачивают напильником.

Цех — настоящий музей станков разных стран и времен. Есть и французские, и японские, и американские, произведенные до второй мировой войны и после нее. Самые новые — ханойского станкоинструментального завода. Когда завод «Тхонгнят» создавался, в него свозились станки из разных мастерских, покинутых хозяевами. Кое-что было и у самих торговцев, совладельцев нового предприятия. Агрегаты ханойского производства — это часть государственного пая. Несмотря на такие особенности комплектования производственной базы и большую долю ручного труда, завод «Тхонгнят» работает успешно и выполняет план. От первоначального капитала бывших торговцев-хуацяо остались, пожалуй, только старые станки и инструменты. На государственные средства строятся новые корпуса, после пуска которых площадь завода удвоится. Государственных акций в основном капитале становится все больше. Государство обеспечивает завод сырьем и материалами, электроэнергией. Тенденция такова, что со временем завод станет полностью государственным.

Но пока совладельцы, бывшие капиталисты и государство, получают прибыль, соответствующую доле их капиталовложений. Управление завода состоит из шести человек, пользующихся равным правом голоса: один представитель капиталистов-хуацяо, один выборный из рабочих-хуацяо и четыре государственных служащих. Последние представляют государство.

При основании завода в него был вложен капитал 21 бывшего торговца Шолона. Все они стали совладельцами. Но в 1981 году осталось только четверо. Остальные, заработав деньги и получив официальное разрешение властей, уехали за границу к своим родственникам в Гонконг, на Тайвань, в Сингапур и другие места. Среди

китайской буржуазии сохраняется стремление уехать из Вьетнама. Но это и естественно: настоящим капиталистическим предпринимательством они здесь уже не займутся, а смешанные государственно-частные предприятия — явление временное, одна из форм социалистических преобразований.

До 1978 года персонал таких крупных государственных предприятий Хошимина, как текстильные заводы «Вьетханг» и «Тханглой», большие предприятия пищевой промышленности, состоял исключительно из хуацяо. Выходцы из Китая были значительной и самой квалифицированной частью рабочей силы на других фабриках и заводах.

— Хуацяо — хорошие мастера. Они трудолюбивы и быстро осваивают сложные профессии, — рассказывает заместитель мэра Ле Куан Тянь. — К сожалению, шовинистический угар «кампании преследуемых хуацяо» в 1978 году коснулся и трудящихся слоев китайского происхождения. В этом сыграли свою роль и пекинская пропаганда, и клановые традиции китайской колонии, и экономические трудности, с которыми пришлось столкнуться на Юге Вьетнама после освобождения. Бегство рабочих-хуацяо за рубеж создало дополнительные трудности на промышленных объектах, где они выполняли самую квалифицированную работу.

Аналогичная ситуация сложилась и на Севере в местах сосредоточения хуацяо. В Хайфоне, например, большинство портовиков-механизаторов были лица китайского происхождения. На угольных карьерах и в шахтах провинции Куангнинь они составляли 17 процентов специалистов и рабочих.

Шовинистическая волна бегства хуацяо прошла так же быстро, как накатилась. После 1980 года поток беженцев хотя и оставался значительным, но уже не носил такого политического накала, как в 1978—1979 годы. Этому послужили и 40 тысяч хуацяо, пришедшие в город от преследований полпотовцев из Кампучии, и невыполненное обещание Пекина прислать суда в Хошимин для приема желающих уехать, и возвратившиеся из Китая беглецы, которым не понравилась «великая родина».

* * *

Вся история Хошимина со времени его основания, заселения и до сегодняшних дней полна особенностей,

которые отличают крупнейший город страны от других. Во-первых, само основание его в конце XVIII века произошло на новых землях людьми, оторванными от родной деревенской среды. Во-вторых, заселялся он одновременно и вьетнамцами и выходцами из Китая, что с самого начала придавало городу в некоторой степени интернациональный характер, способствовало более активному общению с внешним миром. В-третьих, рост Сайгона как города связан с французской колонизацией, с влиянием Запада. Наконец, в-четвертых, американская агрессия во Вьетнаме и неоколониализм на Юге еще больше обособили Сайгон от остальной страны, сделали его посредником между современным капиталистическим миром и крестьянским Вьетнамом.

В Хошимине нет старинных пагод и храмов, мест паломничества, связанных с великими историческими событиями прошлого. Деловой практицизм в психологии людей берет верх над традиционной эмоциональностью и стремлением приблизиться к природе. Даже в манере одеваться и проводить досуг видны черты, воспринятые извне.

В планах развития СРВ Хошимину отводится роль крупнейшего экономического центра, узла торговых и других связей Вьетнама с внешним миром. После объединения страны Хошимин оказывает многообразное влияние на другие города. И все же новый период его развития сопряжен с глубокой перестройкой.

«Я не хочу крутить педали „сикло“, развозить по городу праздную публику, когда мои сверстники едут начинать крупную стройку», — так ответил на вопрос журналистов 19-летний Чан Ван Лыонг из 4-го района Хошимина. Он вместе с сотнями других молодых горожан встал в колонну добровольцев на митинге в честь завершения V съезда компартии Вьетнама. Прямо с митинга, в котором участвовали более 30 тысяч жителей Хошимина, колонна ударных молодежных бригад отправилась на строительство ГЭС Тиан и нового экономического района Дакнонг.

Вместе с Лыонгом пошли его друзья — Нгуен Ван Шанг, Нгуен Ван Хань, которые вчера еще были велосипедистами на мостовых крупнейшего города Вьетнама. Их ровесники Нгуен Тхань Донг и Нгуен Ван Зык до сих пор не имели определенной работы, а занимались по-денно грузчиками.

Я много раз встречался с членами молодежных

бригад из Хошимина. Именно здесь, как нигде в другом районе Вьетнама, движение получило особенно широкий размах. Тому есть много причин. Господство американского неокOLONиализма в Сайгоне оказало губительное воздействие прежде всего на молодежь. Перенаселенность, а с ней и безработица, пропаганда культа насилия и «идеалов общества потребления» — больше других жертвами этих пороков стали именно юные сайгонцы. После освобождения Юга страны они оказались в совершенно иной атмосфере, которую не всем легко было понять. Нелегко было найти свое место в новой жизни. «Заедало» и то, что к ним не было такого полного доверия, как к их сверстникам из освободительной армии, ковавшим победу с оружием в руках в джунглях партизанских зон.

Движение ударных молодежных бригад было основано в Хошимине в 1976 году. В его задачи входили помощь городской молодежи в поиске своего места в новой жизни, проверка и отбор лучших представителей молодежи, выросшей при старом режиме, для выдвижения на руководящие посты в народной администрации и в экономике.

К 1979 году, когда я впервые побывал в городском штабе движения молодежных бригад и беседовал с его командиром Во Вьет Тханем, на счету у бригад было уже немало достижений. Их школу прошли около шести тысяч выходцев из семей служащих марионеточного режима и старой интеллигенции, юношей и девушек, которые были до этого на грани превращения в деклассированные элементы. Они стали государственными служащими, учителями, были направлены в рабочие коллективы. 13 тысяч других в возрасте от 18 до 25 лет состояли тогда «на действительной службе» в бригадах.

Военный термин «на действительной службе» я применил не случайно. Организация бригад полностью добровольная, но носит строгий военизированный характер. И срок службы определен: два-три года. Те, кто проявил хорошие организаторские способности, могут остаться на «сверхсрочную».

Ударные молодежные бригады направлялись на самые трудные участки социальных преобразований и экономического строительства. С их помощью, например, была проведена в 1978 году кампания по ликвидации капиталистической торговли. Но во время нашего разговора с Во Вьет Тханем главной темой повестки дня было

создание новых экономических районов на пустырях бывшего «санитарного кольца» вокруг города.

Как уже говорилось выше, около 700 тысяч жителей Сайгона, оказавшихся не у дел после освобождения города, вернулись обратно в деревню. Для тех, кто пришел в Сайгон в последние годы войны, возвращение было не столь уж болезненной перестройкой. Другое дело — направить в сельскую местность людей, проживших в городе десяток и более лет. Их руки давно отвыкли от плуга, и нить традиций, связывающих с деревней, оборвалась. Даже безработица в городе пугала их меньше, чем переселение в деревню. Тем более это не было возвращением в родную общину.

Нужно было как-то помочь им преодолеть страх перед новой землей. А как сделать это, если не хватало денежных средств, стройматериалов, организованной рабочей силы? И тогда на строительство поселков и поднятие целины направили ударные молодежные бригады. На подготовленной почве семьи переселенцев быстрее пускали корни в новых экономических районах.

Именно дети сайгонских тротуаров и подворотен, сыновья и дочери бывших солдат и чиновников марионеточного режима составляли большинство членов бригад, которых я встретил тогда на строительстве нового экономического района «Фам Ван Хай», на «выжженной земле» в 20 километрах от Хошимина. По колено в жидкой грязи бывшие сайгонские беспризорники и воришки вместе со вчерашними школьниками и гимназистами из «благородных семей» рыли дренажные каналы, выравнивали сторбленную и выщербленную бомбами безжизненную землю. А вечером на площадке между глинобитными и бамбуковыми бараками с флаштоком посреди не они пели под гитары любившуюся здесь и переведенную на вьетнамский язык песню «Мой адрес не дом и не улица...» Их было 1600 человек.

Никто их не гнал на эту стройку насильно. Они пошли к трудностям сами, чтобы найти место в новой жизни, доказать свою способность быть полезными стране. Там я познакомился с ветеранами движения молодежных бригад, которые участвовали уже в кампаниях по раскулачиванию крупной торговой буржуазии, борьбе с проституцией и преступностью несовершеннолетних, были в санитарных бригадах в дни полпотовской агрессии против Вьетнама, помогали населению дельты Меконга, пострадавшему от наводнения 1978 года.

Когда я вернулся туда через два года, на этом месте раскинулся госхоз с обширными ананасовыми плантациями, машинно-тракторной станцией, уютными поселками, и нет уже в помине тех бараков. Пройдя суровую школу труда, юноши и девушки «Фам Ван Хая» стали комсомольцами и коммунистами, вернулись в Хошимин или поехали в другие провинции Юга, чтобы работать учителями и бригадирами, государственными служащими и молодежными вожаками. Многие остались навсегда в построенном ими госхозе.

«Фам Ван Хай», «Ле Минь Суан», «До Хоа» — это уже старые адреса объектов, построенных ударными молодежными бригадами. Нынешние южные жители Хошимина по призыву V съезда партии сейчас едут на строительство двух крупных объектов, сооружаемых силами города. Это крупнейшая на Юге Вьетнама гидроэлектростанция Чиан, которая строится в 80 километрах от города Хошимина на реке Донгнай при всестороннем советском техническом содействии, и лесхоз Дакнонг на горной целине провинции Дарлак. На Чиане подготовительные работы начались в феврале 1982 года. Молодежным бригадам поручены расчистка джунглей на месте будущего водохранилища и строительство поселка для рабочих. В Дакнонге, где уже в 1982 году трудилось около тысячи молодых добровольцев, идет заготовка деловой древесины и сырья для бумажной промышленности. А скоро там будут разбиты плантации ценных экспортных культур — кофе, какао, чая, шелковицы.

Изменились адреса, но не меняется суть ударных молодежных бригад: тот же принцип полной добровольности, та же военизированная структура организации, так же они направляются на самые трудные участки деятельности. Нынешние члены бригад выросли после освобождения Сайгона. Лишь в детских воспоминаниях хранят они день 30 апреля 1975 года, когда первые колонны освободительной армии пронесли знамя победы по сайгонским улицам и оно было водружено на цитадели проамериканского режима — бывшем президентском дворце. Но и для них не менее важен поиск своего места в сложном вихре революционных перемен, происходящих на Юге Вьетнама.

— Город претерпел уже большие преобразования за годы народной власти, — рассказывает заместитель председателя Народного комитета Хошимина Ле Куанг

Тянь. — Но задачи развития производства, обеспечения полной занятости, воспитания нового человека еще долго останутся на повестке дня. В решении их большая роль отводится переводу промышленности на самостоятельные рельсы, развитию ремесленного производства, строительству крупных объектов в близлежащих районах.

«Дорогой Ман! На этот раз пишу тебе из лагеря добровольного молодежного ударного отряда на стройке ГЭС Чиан. С тех пор как я уехала из Туихоа в Хошимин, долго не могла найти там себе постоянного занятия, работы. Мне помогли ребята из районного штаба ударных бригад... И вот уже прошли первые трудовые дни. Руки болят, опухли и покрылись мозолями. Ведь я никогда не держала в руках топора или рукоятки пилы. Но это — первые трудности, и я верю в будущее стройки».

Нгуен Тхи Тху Ан судьба разлучила с ее другом, и она послала это письмо в редакцию молодежной газеты «Тиен Фонг». Может быть, они и встретятся на Чианской стройке. Тысячи семей родились в ударных молодежных отрядах. Вопреки старой традиции, когда жених должен скопить перед свадьбой хоть какое-нибудь состояние, а родители невесты — богатое приданое, эти новые семьи начинают совместную жизнь, имея капитал в две пары трудовых рук. Их первые семейные адреса — на молодежных стройках.

ЮЖНАЯ ЖИТНИЦА

Если подняться с аэродрома Таншоннят в Хошимине и лететь на самолете на юго-запад, в сторону Сиамского залива, то летом, в сезон дождей, взору открываются огромные площади, залитые водой. Не будь островков деревень, протянувшихся вдоль дорог и каналов и одетых в зелень кокосовых пальм, создалось бы впечатление, будто вы летите над обширным морским мелководьем.

Это дельта Меконга, богатейший и перспективный сельскохозяйственный район Вьетнама. Его пронизывают два основных рукава великой азиатской реки — собственно Меконг и Бассак (по-вьетнамски — Тьензянг и Хаузянг), распадающиеся потом на девять крупных

протоков (нижнее течение Меконга по-вьетнамски — Кыулонг, «Девять драконов»), реки Вамкодонг и Вамкотэй и еще множество мелких речушек и искусственных каналов. Издавна и по сей день речной транспорт в этом районе — главный. Лишь в годы американской агрессии через дельту пролегли хорошие шоссейные дороги, в том числе бетонированная «стратегическая» автострада № 4. Но они связывают лишь относительно крупные города, в то время как большинство районов, особенно в сезон дождей, продолжающийся около полугода, почти недостижимы посуху.

Вьетнамцы сравнивают свою страну с большим комыслом «гань» с двумя корзинами риса. Эти корзины — две рисовые житницы: на Севере — дельта Красной реки, на Юге — дельта Меконга. Их соединяет протянувшаяся на две тысячи километров узкая полоса морского побережья. Северная житница старая, южная — сравнительно новая.

Площадь равнины в дельте Меконга составляет около четырех миллионов гектаров — вчетверо больше, чем территория дельты Красной реки. Однако обрабатываемые площади едва превышают два миллиона га, а средняя кратность урожаев — 1,1, то есть в отличие от северных районов здесь преимущественно собирается только один урожай в год.

Северная равнина, в которой находится Ханой, — колыбель вьетнамской нации. Тысячелетняя преобразующая деятельность человека изменила там природу: реки оделись в дамбы, плотины оградили поля от соленых морских приливов, каждый клочок земли используется для земледелия. История освоения дельты Меконга насчитывает не более трех столетий. Поэтому все здесь сильно отличается от Севера: и этнический облик людей, и типы поселений, и социальная структура, и традиции хозяйственной деятельности.

Деревенские и даже городские дома на берегах рек и каналов напоминают кхмерские пайоты, фасады которых возвышаются на сваях над водой. Кхмеры и сейчас составляют более 30 процентов населения в приморских уездах провинций Кыулонг и Хаузянг. Много кхмерских поселений и во всех девяти провинциях дельты.

Здесь все больше, пространнее, чем на Севере: общины, простирающиеся порой на десятки километров, сами рисовые чеки. Крестьяне по-иному молотят рис, по-другому называют фрукты, домашний скот. Деревни,

составляющие общину, называются не тхонами, а апами. Вначале на вьетнамском языке это слово означало маленький хутор, отделившийся от деревни. Так оно и было в первые годы освоения дельты. Но сейчас южный ап по размерам порой больше, чем целая северная община.

Освоение дельты началось на рубеже XVIII века вьетнамцами, которые к тому времени расширили границы своего государства на юг до нынешнего Хошимина, и китайцами, покинувшими родину после прихода там к власти маньчжурской династии. Однако к 20-м годам прошлого века были освоены лишь самые хорошие земли на левобережье Меконга и кое-где в междуречье Меконга и Бассака. Только во второй половине прошлого века началось освоение правобережья Бассака — Хаузянга, где создавались военные поселения, занимавшиеся и хозяйством. И уже при французских колонизаторах там были прорыты каналы для транспорта риса и сброса лишних вод в Сиамский залив, разбиты крупные рисовые плантации. Этот район, где было много земли и мало людей, отличался особенно высокой товарностью. Дельта Меконга наряду с дельтами Менама и Иравадди стала одним из трех крупнейших в мире производителей товарного риса. В освоение болот и джунглей вложен колоссальный труд многих поколений вьетнамцев, бежавших сюда с Севера от голода и угнетения или сосланных правящим режимом, и китайских переселенцев, обретших здесь новую родину. Поэтому в жилах нынешних жителей дельты Меконга течет вьетнамская, китайская и кхмерская кровь.

Обилие земли и сравнительно небольшая плотность населения в дельте Меконга (300 человек на 1 квадратный километр, в то время как в главных провинциях дельты Красной реки — до 1000 человек) не способствовали интенсификации земледелия. Урожаи выращивались только на наиболее удобных землях и в наиболее благоприятный сезон. О том, как много «неудобных» земель и насколько продолжительны «неудобные» для разных районов сезоны, говорят хотя бы лишь некоторые цифры.

Из четырех миллионов гектаров естественной площади ежегодно в сезон дождей на полгода затопляется 1,7 миллиона гектаров, причем 500 тысяч — на глубину 1—3 метра. Вода приносит плодородный ил, но в течение шести месяцев на более чем половине полей можно

только ловить рыбу и креветок. Другие территории безжизненны в полугодие сухого сезона из-за сильной засухи.

В сухой сезон на смену половодью приходят морские приливы, которые засоляют почву. Высота приливов здесь достигает трех-четырёх метров, а средняя высота дельтовой равнины не превышает двух метров над уровнем моря. Морская вода проникает далеко в глубь материка, вплоть до Пномпеня, засоляет треть территории дельты Меконга.

Крестьяне на «мокрых» землях приспособились выращивать особую разновидность риса—«плавающий рис». Если паводковая вода поднимается равномерно не быстрее 10 сантиметров в сутки, то рис успевает расти вслед за ней. Но у такого риса низка урожайность, а растёт он почти девять месяцев. Второго урожая с этих полей не собрать.

Поэтому сооружение дамб, строительство дренажных и оросительных каналов, мелиорация почв являются насущной необходимостью для дальнейшего развития сельского хозяйства в дельте Меконга.

Достигшее пика к началу второй мировой войны производство товарного риса пришло в упадок за годы американской агрессии. Военные действия, бомбардировки, всевозможные кампании по созданию «стратегических деревень» и «агрогородов», быстрый рост Сайгона и других центров как опорных пунктов по обслуживанию военной машины США — все это привело к запустению земель, к переливу рабочей силы из сельского хозяйства в непроизводительные сферы. Заросли травой и илом каналы, осока поднялась на рисовых полях. Уже во второй половине 60-х годов сайгонский режим вынужден был импортировать рис из Америки для снабжения городских центров. Сокращение площадей оказалось более сильным фактором, чем ввоз химических удобрений, инсектицидов и механизация сельского хозяйства.

После освобождения Юга страны началось возрождение главной житницы Вьетнама. КПВ и правительство Вьетнама сразу же приняли меры к возвращению крестьян в родные места, к переводу раздутой армии торговцев в производство. Помогая друг другу и получая помощь от государства, люди строили дома на многолетней залежи, очищали землю от невзорвавшихся бомб, мин, снарядов, колючей проволоки. Из северных провинций на Юг пошли караваны машин с тягловым

скотом, сельхозорудиями, тракторами, семенным зерном.

В течение минувшей пятилетки начала отступать многолетняя традиция выращивания одного-единственного урожая в год — осеннего. Площади под весенним рисом увеличились со 189 тысяч гектаров в 1976 году до 427 тысяч в 1980 году, под летним — до 462 тысяч гектаров. Для этого понадобилось насыпать тысячи километров дамб, прорыть тысячи километров каналов.

Уже в сентябре 1975 года, например, около 20 тысяч крестьян уезда Лонгфу провинции Хаузянг вышли на сооружение 37-километровой плотины вдоль морского побережья. После ее завершения 4 000 гектаров засоленных почв были превращены в рисовые поля, а еще на 5 000 гектаров стало возможным собирать второй урожай.

Пятилетка 1976—1980 годов не только ознаменовалась восстановлением прежнего уровня сельского хозяйства в дельте Меконга, но и положила начало его дальнейшему развитию. Объем производства риса и других продовольственных культур в этой зоне увеличился на 25 процентов по сравнению с периодом до освобождения, превысив в 1980 году пять миллионов тонн.

Однако восстановления прежнего уровня недостаточно для решения продовольственной проблемы. Ведь с конца 40-х годов население Вьетнама удвоилось. И перспективы обеспечения страны продовольствием существуют практически только в дельте Меконга.

Начатое предками вьетнамцев движение на Юг пока нельзя считать полностью законченным. Если в Северном и Центральном Вьетнаме мы видим относительное аграрное перенаселение, то в дельте Меконга не хватает рук для более интенсивного ведения хозяйства, для освоения целины в «неудобных» районах. Дельта Красной реки по территории составляет 5,2 процента Вьетнама, по обрабатываемой площади — 11,7 процента, а по числу сельскохозяйственного населения — 22,3 процента. Совсем другое в дельте Меконга: по территории — 12 процентов, по обрабатываемой площади — 36,4 процента, а по трудовым ресурсам — всего 25,6 процента. В маленькой дельте Красной реки теснятся 11 миллионов человек, а в большой дельте Меконга — 12 миллионов.

Поэтому для выполнения поставленной съездом КПВ задачи превратить дельту Меконга в сельскохозяйственную зону номер один так важна переброска трудовых

ресурсов из густонаселенных районов Севера и Центра, а также из городов Юга в дельту Меконга. Главные районы освоения — как раз те, которые начали осваиваться позднее других, за Хаузянгом. Центральный Комитет СКМ (Союз коммунистической молодежи) Хошимина объявил ударной целинной зоной для молодежи район Хатьена в провинции Киензянг, в самом дальнем юго-западном уголке страны. Новые рисовые госхозы создаются также в самой южной провинции Миньхай, поверхность которой едва поднимается над уровнем моря и поэтому засолена.

За пятилетку в дельте Меконга создано уже более 30 государственных хозяйств на целинных землях. Это крупные плантационные хозяйства, рассчитанные на высокую механизацию и высокую товарность. Почти вся их продукция пойдет в закрома государства. В них работают новые переселенцы с Севера, которые, как и сотни лет назад их предшественники, превращают безлюдные пустоши в урожайные поля. Только теперь это не одинокие искатели счастья. Они приезжают сюда организованно, принося на недавно освобожденный Юг новые производственные отношения.

В создании госхозов в новой форме проявляется и давняя традиция военных поселений. Части Вьетнамской народной армии в местах своего расположения поднимают целину, разбивают рисовые поля и фруктовые сады, плантации технических культур. Из 30 названных госхозов немало армейских. Широкое распространение получила и такая своеобразная форма освоения свободных земель, как набор добровольцев из густонаселенных провинций Севера и Центра в военизированные формирования. В них военная структура управления. Одновременно с основным делом эти люди проходят военную подготовку. Солдаты находятся как бы на действительной службе, но живут в расположениях частей вместе со своими семьями и постепенно закрепляются там.

Пейзаж дельты Меконга существенно отличается от того, что мы видим на северной равнине. Там рис, казалось, завоевал всю землю и оставил немного места садам и городам. Деревни Севера выглядят действительно островками, окруженными плотной изгородью бамбуковых зарослей, внутри которой теснятся крестьянские дома. В южных деревнях усадьбы стоят далеко друг от друга, имеют большие сады, огороды, рыбные пруды и

свинарники. Южная дельта производит не только много риса, но и фруктов, мяса.

Деревня на Юге имеет особую социальную структуру. Здесь изначально не было сильной общинной организации — главного устоя феодальной вьетнамской деревни. Крестьянам на Юге больше присуща фермерская разобщенность.

Если на Севере и в Центре до коллективизации главной фигурой в деревне был малоземельный крестьянин, то на Юге были социальные слои сельских буржуа, крестьян-середняков и безземельных арендаторов.

Сельская буржуазия распространена неравномерно в разных районах. Ближе к транспортным путям, в тех зонах, над которыми сайгонский режим имел относительно устойчивый контроль, где больше распространилась механизация, богатые крестьяне и помещики составляют около пяти процентов семей и держат от 12 до 30 процентов земли. В других районах их доля не превышает двух процентов дворов и пяти процентов пахотной земли. Богатые хозяйства не только непосредственно эксплуатируют батраков из малоземельных, но и опосредованно — середняков, сдавая им сельхозтехнику в аренду, взимая проценты за очистку риса на рисорушках.

Особенности социальной структуры на Юге создают определенные трудности для осуществления коллективизации. В Центральном Вьетнаме, с использованием опыта Севера, коллективизация была проведена быстро, и уже через четыре года после освобождения подавляющее большинство крестьян работало в кооперативах и малых сельхозартелях.

В 1979 году КПВ взяла курс на постепенное обобществление хозяйства там, где для этого созрели условия. Указано на необходимость постепенного перехода от низших форм кооперации к высшим: сначала группы трудовой взаимопомощи, потом — малые сельхозартели, а уже на их основе — кооперативы. На нынешнем этапе главная форма — малая сельхозартель. Она отличается от кооператива меньшим масштабом: 30—40 дворов и 50—60 гектаров земли. Оплата — по труду. В таком небольшом коллективе крестьянину ближе конечный результат его труда.

В 1981 году в дельте Меконга насчитывалось 180 сельскохозяйственных кооперативов, более четырех тысяч малых сельхозартелей и около тридцати тысяч

групп трудовой взаимопомощи. Первыми двумя формами кооперации было охвачено девять процентов крестьянских дворов дельты и семь процентов обрабатываемых площадей.

...Большой крытый паром, переполненный машинами и людьми, медленно пересекает широкий полноводный Хаузянг (Бассак) — один из двух главных рукавов дельты Меконга, приближаясь к причалу города Кантхо. Этот город, расположенный в 200 километрах к юго-западу от Хошимина, в народе называют столицей дельты. В нем пересекаются шоссейные и речные пути из всех районов главной рисовой житницы Вьетнама.

Паром выглядит великаном по сравнению с сотнями моторных, парусных и весельных сампанов и пироги, сгрулившись у соседних причалов и деревянных мостков. Особенно оживленно у берега в тех местах, где находятся государственные заготовительные пункты. Грузные желтоватые зерна лодки стекают сюда из укрытых сенью кокосовых пальм деревень, растянувшихся вдоль узких протоков и каналов. Водные нити густой сетью пронизывают провинцию Хаузянг, связывая крупные рукава великой реки Юго-Восточной Азии.

Спрятавшиеся в густой зелени и многоцветье тропических деревьев корпуса Государственного университета города Кантхо — это своеобразный штаб, где разрабатываются направления развития провинций дельты Меконга. Университет готовит для этого района педагогические и медицинские кадры, но главная его специализация — сельское хозяйство. Кроме обучения специалистов — агрономов, ирригаторов, механизаторов — коллектив университета ведет большую научную работу.

— Эта сельскохозяйственная направленность отличает наш вуз от существовавшего здесь при сайгонском режиме университета, — рассказывает проректор Ла Донг Минь.

Мы разговариваем по-русски. Ла Донг Минь, как и декан агрономического факультета Чан Тхиен Туан, учился и защищал диссертацию в СССР. Из 450 преподавателей около 50 — выпускники вузов социалистических стран, в том числе 32 человека — советских вузов. 80 преподавателей остались от прежнего университета Кантхо. Среди них есть подготовленные в известных университетах и колледжах капиталистических стран.

— Уже сейчас дельта Меконга дает 5,5 миллиона тонн риса в год — около половины производства во всей

стране, — говорит Ла Донг Минь. — Даже при существующем уровне заготовок около трети продукции идет в другие провинции и города Вьетнама. Потенциальные возможности большие, и поэтому велика возложенная на нас ответственность.

Университет Кантхо занимается исследованиями в области мелиорации и защиты растений, агрометеорологии, работает над выведением новых сортов риса, наиболее продуктивных и устойчивых в местных условиях. Большие надежды возлагают здесь на развитие научного сотрудничества с советскими институтами, в частности с Кубанским сельскохозяйственным институтом в Краснодаре. Коллектив ученых и студентов участвует в семи общегосударственных и 90 отраслевых и местных исследовательских программах. 800—900 его выпускников ежегодно пополняют отряд квалифицированных кадров дельты Меконга.

— По плану к концу пятилетки (1981—1985) намечено собирать в дельте 9—10 миллионов тонн риса в год. Но и это не предел возможностей. Если мы используем все ресурсы площади дельты, будем широко применять химические удобрения, механизацию, то сможем давать стране гораздо больше продовольствия, — сказал Ла Донг Минь.

РИС ЛОНГАНА

«Завершив поход против сямцев и отогнав их в глубь Кампучии, подальше от новых пределов Вьетнама, полководец Нгуен Кыу Ван вернулся со своей армией в междуречье Восточного и Западного Вамко и основал там несколько дон диенов (военных поселений). Солдаты прорыли канал между Западным Вамко и Меконгом, разбили рисовые поля...» — так историки повествуют об освоении земель нынешней провинции Лонган, начатом в 1705 году. Набранные в армию где-нибудь в окрестностях Хюэ и других провинциях Центрального Вьетнама крестьянские парни не вернулись на свои родные земли, которые не в состоянии были прокормить даже оставшихся там их родителей, братьев и сестер. Новая родина была щедрее, хотя бескрайние сухие саванны требовали немалого труда, чтобы превратиться в рисовые поля. Постепенно солдаты обзаводились семьями, беря в

жены местных кхмерских девушек или китайнок из Шолона и Митхо.

Давно ушли в прошлое те времена, когда здесь была дикая саванна, и местные жители забыли, из каких провинций были родом их предки-солдаты. 18 километров бетонированного шоссе от Западного автовокзала Хошимина машина пробегает за четверть часа — и мы в уезде Бенлык провинции Лонган. От самых городских окраин Хошимина дорога пролегла через сплошное рисовое поле.

Было начало марта, когда последние снопы риса обмолочены, а рис засыпан в цилиндрические корзины-пеналы, хранящиеся в задних комнатах или спальнях крестьянских домов. На смену светлой зелени пришли два цвета: синий — безоблачного неба и желтый — убранных полей. Воздух горяч и неподвижен, а земля твердая и пыльная в желтом зное сухого сезона.

Не без сожаления пришлось оставить машину на открытом солнцепеке дороги. Возвращение в нее, разогретую до температуры сауны, не сулило приятного пути обратно. Но выбора не было. Если от Хошимина на колесах сюда можно добраться за четверть часа, то ровно столько же времени требуется, чтобы пешком дойти от окраины общины Мийен на шоссе № 4 до второго апа. Община состоит из трех апов (селений), и второй ближе всех к дороге.

По обе стороны тропы, протоптанной посредине разделительного вала между чеками, торчат из потрескавшейся земли желтые ежики рисовой соломы. Селение впереди манит тенью кокосовых и арековых пальм.

Март здесь — самый праздный месяц. Убрав основной урожай, крестьяне ждут майского юго-западного муссона, который приносит дожди, нужные для начала пахоты и сева. Уже издали видны люди на крышах домов. Они меняют старую соломенную кровлю, а те, что побогаче, — разбитые пластинки черепицы. Дел по дому не так уж много, если не строится новый. В этом — отличие южной деревни от северной, где сбор двух-трех урожаев в год вынуждает крестьян обрабатывать землю практически в любой сезон. Поэтому март в Лонгане — время поездок в Хошимин и Танан на рынок или в поисках какой-нибудь временной работы «на стороне».

Наконец путь по солнцепеку позади, и мы входим под тень кокосов и прочей зелени, которая, правда, дает только относительную прохладу.

В доме председателя сельхозартели второго апа Нгуен Ван Зиэпа нас уже ждали не только гостеприимные хозяева жилища, но и руководство общины. Тень кокосовых пальм была дополнена прохладной влагой самих кокосовых орехов. Большие, размером с человеческую голову, они стояли на длинном, покрытом яркой цветной клеенкой столе. В каждом из орехов из пробитого на поперечном срезе отверстия торчала пластмассовая трубочка, через какие в барах Хошимина пьют коктейли.

Дом у Зиэпа деревянный с черепичной крышей. Для второго апа это выше среднего уровня. Большинство жилищ крыто соломой или листьями водяной пальмы (латании), и стены у них сплетены из тех же пальмовых листьев. Водяной пальмы, зеленые перья которой поднимаются из стоячей воды или грязи на высоту до пяти метров, много в третьем апе вдоль реки Танбыу. Тамошние крестьяне продают этот стройматериал недорого. Самый богатый ап — первый. Там есть и кирпичные дома, туда подведено электричество. Во всей общине Мийен — 18 телевизоров, и все они, естественно, у зажиточных крестьян первого апа.

Жилище Зиэпа состоит из собственного дома размером 8 на 14 метров и соломенной пристройки... Все это вместе составляет систему проходных комнат, через которую вы попадаете на задний двор — в кухню, хлев, навес для крупного скота.

Самая большая комната — первая. Это одновременно столовая, приемная для гостей и спальня для хозяев. В остальных двух комнатах стоят покрытые балдахинами москитных сеток широкие без матрасов деревянные кровати для остальных членов семьи, хранятся в коробах запасы риса, сложены или подвешены к стенам и стропилам плуг, борона и другие орудия труда. Кроме самого Зиэпа и его жены в доме живут трое сыновей — 14, 16 и 23 лет, престарелая мать. Старший 25-летний сын женился, и после рождения у него двоих детей родители помогли построить новой семье отдельный дом. Еще один неженатый сын служит в армии. Зиэп слывет в деревне счастливым: пятеро детей — и все сыновья, работники.

Грубо сколоченный длинный стол совершенно не вяжется с остальной обстановкой главной комнаты. После того как в апреле 1979 года во втором апе была создана сельскохозяйственная артель и Зиэпа избрали ее

председателем, эта комната вдобавок к ее традиционным функциям приобрела и новую — места проведения собраний правления артели. Тогда и понадобился срочно этот длинный стол. Чувствуется, что остальная мебель справлялась годами и составляет достояние семьи. Самая дорогая и добротная вещь, как и положено, украшает переднюю стену главной комнаты. Это резной шкаф из хорошего дерева, потемневший от времени. На нем стоит старая бронзовая курильница в окружении двух бронзовых подсвечников-аистов с цветами лотоса в клювах. Шкаф, курильница, аисты и небольшая полка на стене над ними — все это и есть непрменный для каждого вьетнамского дома алтарь предков. По праздникам и в дни поминовения родителей в курильнице зажигаются благовонные палочки, а на полку ставятся жертвоприношения: тарелка с фруктами, пиала с вареным рисом, бананы.

Что это — дань религии? Я спросил Зиэпа — он рассмелся. Он не верит ни в Будду, ни в Христа, но почитает своих родителей и прародителей. А их почитали всегда именно таким образом.

Остальная мебель скромна, но так же стара и добротна. Четверть площади комнаты занимает отполированный временем топчан — нечто среднее между столом и кроватью — тоже из хорошего дерева. Раньше на таких топчанах и спали, и обедали. Сейчас новые веяния жизненного уклада оставили за ним только роль места отдыха. У стен расставлены деревянный жесткий диванчик, каменный круглый столик, шкаф для одежды, посудный шкаф, на стене — старые, французского производства часы в деревянном корпусе. В доме нет ни пола, ни потолка, ни застекленных окон. Ни в том, ни в другом, ни в третьем нет особой необходимости. Все здание хорошо продувается от «парадного» входа до выхода к кухне.

Посасывая из тонких трубочек сладковатое молоко кокосовых орехов, руководители общины и артели развернули и приколотили к стене план земельных угодий и селений Мийена, пестрящий разными цветами: черные точки — жилая застройка, голубые линии — каналы и река, красные сплошные и пунктирные линии — дороги; контрастные пятна желтого, фиолетового и зеленого цветов, похожие на мозаику, означают одноурожайные и двухурожайные поля артели, наделы единоличников. В первом апе преобладает зеленый цвет некооперирован-

ных хозяйств, во втором его гораздо меньше. Фиолетовый — разрозненные вкрапления: сбор второго урожая в течение сухого сезона — дело новое.

Пока начальство готовилось к «докладу», я разговаривал с Зиепом, попытался вызвать его на воспоминания, выходящие за рамки отчета о производственных достижениях артели. Загорелое лицо и потрескавшиеся ладони на тонких, обтянутых кожей жилистых руках служили визитной карточкой крестьянина-труженика.

Дом построил отец Зиера, ныне покойный и занявший место на алтаре предков. Это было в 1942 году, когда Зиер был мальчишкой. Долго пришлось копить деньги, чтобы на месте хижины из латаниевых листьев поставить настоящий деревянный дом, пусть даже и с соломенной крышей. Хотя где-то далеко шла большая война, а в Сайгоне, Митхо, Танане и даже маленьком Бенлыке хозяйничали японские гарнизоны, урожаи в те годы выдались на редкость хорошими, платили за работу обильно, и безземельный арендатор дождался счастливого дня. Отсчитав пачку индокитайских пиастров, торговец-китаец, спустившийся на большой джонке из лесистых верховий Восточного Вамко, указал на штабеля бревен, брусьев и досок.

Августовская революция 1945 года застала Зиера, когда ему было уже 15 лет. Бурные события охватили города, уездные центры, но еще не коснулись тогда общины Мийен. Три тысячи душ, 500 дворов, жили, как и прежде. 50 семей имели землю, остальные арендовали ее и работали, как на своей. Только большую часть урожая отдавали хозяевам. Новый дом семьи Зиера стоял на земле одного из 15 крупных землевладельцев, которые жили в городе и только навевывались в Мийен.

Война Соппротивления против вернувшихся в страну французских колонизаторов разгорелась во всем Вьетнаме. Не миновала она и общину Мийен. Несколько раз деревня переходила из рук в руки. В 1948 году народная власть распределила землю между теми, кто ее обрабатывал. Получила свой надел и семья Зиера. Они стали землевладельцами. К концу войны в 1954 году около 300 семей Мийена имели землю. Пришедший к власти на Юге Вьетнама марионеточный режим пытался вернуть ее старым хозяевам. Но это ему удалось только частично. И все же то, что не смогли сделать чиновники и солдаты с винтовками, сделали неумолимые законы капитализма. Землю покупали, продавали, и сно-

ва у кого-то ее становилось много, а кто-то опять залезал в кабалу, арендовал чужое поле.

Во время американской агрессии Мийен относилась к так называемой «спорной зоне». Порой легальная революционная власть устанавливалась там на продолжительное время.

Пентагон чувствовал, что одной лишь военной силой здесь победить невозможно. В конце 50-х годов в деревни дельты Меконга высадился особый «десант». Его «солдаты» не имели при себе оружия. Это были нанятые Центральным разведывательным управлением США ученые американских университетов. За изучение чуждой и непокорной страны Востока взялась пресловутая корпорация РЭНД — мозговой трест агрессии.

В моей библиотеке есть книга Джеральда Кэннона Хикки «Деревня во Вьетнаме» с предисловием известного французского историка-востоковеда Поля Мюса. Надо отдать должное фундаментальности и научной серьезности социологического труда, в котором дано подробное описание жизни вьетнамской деревни того времени. Дж. Хикки из Мичиганского университета работал не в Мийене, а в Кханьхау — расположенной неподалеку на том же шоссе № 4 общине, где для американцев было более «спокойно». Я и сейчас восхищаюсь той скрупулезностью, с которой автор создал социологический портрет типичной деревни дельты Меконга. Он не делал глубоких выводов и не давал рекомендаций. Все это было сделано за него, но на основе его и других подобных материалов. Работа ученых корпорации РЭНД послужила составлению известного «плана Стейли — Тэйлора».

— Солдаты пришли в этот дом, сорвали с него соломенную крышу и подожгли. Так же поступали и с другими домами, — вспоминает Нгуен Ван Зиеп день создания «стратегической деревни» в общине Мийен.

«План Стейли — Тэйлора» предусматривал уничтожение разбросанных поселений, которые трудно было контролировать. Вместо них у дорог и других транспортных путей власти строили новые поселки со сторожевыми башнями, окружали их колючей проволокой. Выходить за ее пределы можно было только в светлое время суток. На работу крестьян водили под конвоем.

Идея была проста: в «стратегической деревне» каждая семья под контролем, контакты с «чужими» затруднены, следовательно, крестьяне изолированы от «вьет-

конга» и тот лишен возможности получать продовольствие.

Но результат оказался обратным. Вместо «умиротворения» деревни авторы плана резко обострили социальную напряженность, вызвали крайнее недовольство населения. Видимо, они не придали должного внимания очень важному фактору — традиционной привязанности крестьянина к своему дому, где находится священный алтарь предков, не учли установившихся связей и взаимопомощи между родственниками и соседями. Наконец, в кажущемся хаосе исторически сложившейся застройки есть вполне определенная закономерность. Поле, сад, пруд должны быть рядом, а не за три-четыре километра.

Крестьянские выступления за ликвидацию «стратегических деревень» были в течение 60-х годов одной из важных составных частей борьбы народа Южного Вьетнама против марионеточного режима и его американских хозяев.

В Мийене были две «стратегические деревни» — обе у шоссе. Когда мы уезжали из Мийена, я специально прошел вдоль обочины, но не увидел ни остатков колючей проволоки, ни столбов от сторожевых вышек, ни каких-либо других следов этих вольеров для содержания людей. История вынесла свой приговор противной ей затее. Жители Мийена разрушили «стратегические деревни» задолго до победной весны 1975 года и вернулись в свои дома.

Секретарь партийной ячейки общины Мийен Доан Ван То, услышав рассказ Зиэпа о том, как солдаты срывали крышу с дома и сгоняли людей в новые бунгалу у дороги, оторвался от вынутых из клеенчатой планшетки бумаг и как-то особенно жадно затянулся дымом сигареты. Наверное, так же, как в те тайные приходы в деревню из партизанской зоны. Он был очевидцем насильственного переселения жителей Мийена.

— Нас, «людей вьетконга», в деревне знали многие, — вспомнил он. — Чего греха таить, не были мы уверены, что из затеи со «стратегическими деревнями» у американцев ничего не получится. Но потом постепенно осмелели. Снова стали часто наведываться в деревню. Власти не могли постоянно держать здесь регулярное армейское подразделение. А местные «вооруженные силы», которые охраняли деревню, состояли из своих же деревенских парней. Они не осмеливались предавать од-

носельчан. Явочные дома у нас были и в «стратегической деревне». Иногда в них останавливались даже ответственные работники из центра. За все годы борьбы против американцев было только два случая предательства.

Американцы чувствовали себя хозяевами в Сайгоне и думали, что их власть распространялась на все районы Южного Вьетнама, контролируемые сайгонским режимом. Именно поэтому им трудно было понять, как с такой легкостью пала весной 1975 года марионеточная «Республика Вьетнам». Даже если над деревней развевался желтый с тремя красными полосами флаг, а сельские парни были одеты в форму сайгонской армии, эта деревня оставалась вьетнамской с ее неписаными законами и нормами морали, национальными традициями.

Но еще на заре освоения дельты Меконга с ее раздольными полями, особенностями природы, со смешением выходцев из разных провинций Севера и Центра страны крестьянские общины не воссоздавались здесь полностью по образу и подобию старых. В годы американской агрессии и неокolonизма развитие капиталистических отношений, глубокие политические и социальные стрессы, военные действия, раскол страны, провинции, деревни и даже семьи на два враждующих лагеря — все это не могло не внести изменения в образ жизни и мышления, в традиционную систему ценностей.

— Особенно большое воздействие оказывала близость такого крупного города, как Сайгон, — говорит Доан Ван То. — Многие, особенно молодые, уходили в город на поиски легкого заработка. Распространились случаи воровства — преступления, которое испокон веков каралось в деревне самым строгим образом и было крайней редкостью.

И еще один момент, который подметил в начале 60-х годов в своей книге Дж. Хикки. Это отношение к торговле. Традиционно торговцы стояли на низшей ступеньке вьетнамской социальной иерархии: чиновник, земледелец, ремесленник, торговец. Крестьяне относились с некоторым пренебрежением к тем, кто занимается торговлей, и только ею. Но уже в описанной Хикки деревне Кханьхау среди членов общинного совета были торговцы.

— В 1975 году, — рассказывает Доан Ван То, — когда мы окончательно взяли власть в Мийене, только в одном первом апе (а тогда до объединения их было в

общине девять) около 100 человек, то есть большинство самостоятельного населения, занимались исключительно торговлей. Их земельные участки обрабатывали другие члены семей или батраки из соседних апов. Такое положение было ненормальным. После освобождения мы стали постепенно переводить торговцев обратно в производственную сферу. Многие сами предпочли возвращение к земле: нет уже того наплыва всевозможных импортных товаров в Сайгон. Сейчас в общине примерно 30 семей живут на доходы от торговли. Раза по три в день их члены выезжают в Хошимин или Танан. Везут корзины всякой снеди, закупленной у односельчан, а обратно привозят промышленные товары. Ездят и на своих мотоциклах, и на рейсовых автобусах, и на попутных машинах.

Из 900 с лишним семей общины Мийен в 1980 году лишь четвертая часть пользовалась электричеством, менее половины имели радиоприемники и только 18 — телевизоры. Если не считать красного уголка общины, в котором всегда есть свежие газеты, торговцы ежедневно привозят из города не более десятка номеров «Сайгон зяй фонг». Поэтому о новостях в стране и за рубежом жители деревни узнают в основном из большого громкоговорителя, установленного на столбе в первом апе. Он вещает с раннего утра до наступления сумерек. В остальных двух апах новости и объявления читаются местными пропагандистами, вооруженными мегафонами.

Неграмотность в Мийене была ликвидирована только в 1978 году. Сейчас по утрам сельские ребята спешат стайками на звуки подвешенного к дереву куска железа, заменяющего традиционный школьный барабан. В каждом из трех апов есть начальная школа, а на всю общину — еще одна восьмилетняя. Начальное образование получают все дети. А вечером за парты садятся взрослые.

По территории община Мийен представляет собой почти правильный квадрат со стороной около трех километров. С севера он ограничен судоходной для джонк и сампанов рекой Танбыу, с юга — шоссеиной магистралью № 4, пронизывающей всю дельту Меконга от Хошимина до провинции Миньхай. Западная и восточная границы общины проходят по узким, заросшим травой канавам со стоячей водой, которые на Юге Вьетнама именуют «рать». Их используют для орошения, ловят в них рыбу, пресноводных мелких креветок, лягу-

шек. Такие же «рать» пересекают общину с запада на восток. Вдоль них протянулась полоска скрытых кокосовой и банановой зеленым домов первого апа. Основная застройка второго апа растянута вдоль общинной дороги, прочерченной с юга на север. Третий ап — дальше всех от шоссе, в северо-западном углу квадрата. Разрозненные постройки, относящиеся к этим апам, как бы обрамляют границы общины. Это бывшие хутора, куда жители основных апов переселялись поближе к своим полям.

Все это совсем непохоже на обычную общину на Севере — в дельте Красной реки. Там дома теснятся на маленьких круглых островках среди ровного рисового поля. Площадь общины на Севере чаще всего не превышает 200 гектаров. В Мийене — 742 гектара, из которых 600 гектаров — рисовые поля. И это меньше, чем в средней общине дельты Меконга.

Живут здесь люди попросторнее, чем на Севере. Население Мийена составляет 5820 душ (948 дворов). Здесь, как и во всем Вьетнаме, принято деление на «основных» и «вспомогательных» работников. «Основные» — мужчины и женщины с 16 до 55 лет. «Вспомогательные» — все остальные, кто в страдную пору выходит на поля. Даже существуют нормы, которые приравнивают трех «вспомогательных» к одному «основному». В Мийене — около 2500 «основных». После второй мировой войны население общины выросло более чем вдвое.

Председатель Нгуен Ван Зиеп гордится своей сельхозартелью, рожденной буквально в муках, как и все новое. Хотя ее уголья и раскиданы лоскутами среди полей единоличников, это уже единое коллективное хозяйство.

И все же перед походом по владениям артели он с не меньшей гордостью познакомил нас с той частью своего бывшего «имения», которая стала теперь личным приусадебным хозяйством члена артели.

До вступления в артель семья Зиэпа имела полтора гектара пахотной земли. По здешним понятиям, он был середняком (на Севере до аграрной реформы такие наделы имели богатые хозяева). Сейчас эти рисовые чеки — коллективная собственность. Артель — еще не кооператив. Только рисовые поля стали общими. Скот, сад, пруд, орудия труда — все это осталось пока в частном владении каждого члена артели.

Кокосовые пальмы в деревне есть у всех. Они выстроились вдоль главной общинной дороги и отходящих от нее улиц-тропинок, по берегам «ратей». Но таким кокосовым «садом», как у Зиэпа, могли похвастаться немногие. В нем всего шесть деревьев, зато представлены все три разновидности кокосовой пальмы, растущие в дельте Меконга. Три дерева — обычные «зы та», или «наша пальма». Они дают самые крупные орехи, но качество их копры и молока считается ординарным. Два других дерева — «снямская пальма». Они и ростом пониже, и орехи помельче. Но гроздь большие, похожие на исполинский виноград, копра нежная, тает во рту, молоко густое. И последнее дерево, что растет перед самым домом, — предмет особой заботы хозяина: «пальма мандаринов». Ее желтые орехи того же цвета, в какой одевались вьетнамские императоры, и название словно говорит, что это плод для избранных. Зиэп напоминает, что именно такие орехи были поданы сегодня в его доме на стол в честь желанных гостей.

В провинции Лонган нет огромных массивов кокосов, какими славятся прибрежные провинции Нгиабинь, Фукхань или островной треугольник Бенче в дельте Меконга. Там кокосы — основное средство существования сотен тысяч крестьянских семей. В Лонгане они играют подсобную роль. Их здесь много, но не больше, чем в любой другой провинции дельты.

Вцепившись корнями во влажную землю у придорожной канавы, куда стекает дождевая вода, серые без ветвей длинные стволы этих деревьев устремлены вверх, к солнцу, где они взрываются зеленым грибом пышной кроны. Главные условия их жизни — горячее солнце и много воды, пусть даже не совсем пресной.

Но рачительный хозяин не надеется на неприхотливость этого дерева, ставшего в представлении многих из нас символом тропиков. Каждый год в сезон дождей он заставляет детей тщательно обкладывать основания стволов свежей черной грязью из канавы. Вокруг своей любимицы — «пальмы мандаринов» — он высадил окружение из густых зарослей колючей латании — водяной пальмы, у которой нет ствола, а перьевидные жесткие листья создают решетку, непроеходимую даже для крыс, любящих полакомиться внутренностями кокосовых орехов. В обязанность детей входит следить за появлением червей на стволе и вовремя убирать их.

Пальмы плодоносят круглый год, и обычно раз в ме-

сяц с каждой из них срезают от пяти до десяти орехов. С возрастом урожай уменьшается, и обычно пальму лет 50—60 от руды срубают, освобождая место для посадки проросшего ореха.

— Что дает вам пальма кроме напитка? — спрашиваю я у Зиэпа.

— Напиток — это уже немало. А вы пробовали суп из кокосового молока? Мы его варим по праздникам. И все же главное, по-моему, прохлада, тень. Когда люди уходят из апа и строят дома на отшибе, то самые мучительные — первые годы, пока кроны деревьев не скроют крышу от солнечного жара. Стволы — такая же древесина, и в нашей безлесной местности она ценится дорого. Листьями покрываем навесы для скота, а кое-кто и дома.

Груды разрубленных пополам толстых волокнистых оболочек орехов сушатся на солнце у дома. Созревшая мякоть-копра чисто выскоблена из них и продана в город, где из нее выжмут кокосовое масло, а сухие оболочки пойдут на топку кухонного очага.

Две арековые пальмы — само воплощение прямооты и стройности. В хозяйстве Зиэпа, как и в деревнях Вьетнама вообще, их тонкие вертикальные стволы с косматой папахой листьев у вершины все более становятся лишь традиционным украшением пейзажа, чем приносят какую-то пользу. Ведь и в Ханое кое-где в декоративных внутренних двориках скорее увидишь арековую пальму, чем другое дерево. Стараясь воссоздать среди каменных стен деревенский колорит, горожане выбирают именно ее. Красную жвачку из арековых плодов, листьев бетеля, извести и табака жует для «освежения нутра» только 80-летняя мать Зиэпа.

Сколько вокруг дома бананов и деревьев папайи, Зиэп не знает сам. Как-то в голову не приходило сосчитать, да и незачем. Они растут сами по себе и не требуют никакого ухода. Рядом со старым светло-зеленым мясистым стволом банана из его корневищ вылезают новые побеги. Их можно оставлять на месте, отсаживать куда угодно — до того живуче это растение, заросли которого служат убежищем и рассадником неисчислимого множества комаров и другого тропического гнуса. Именно по этой причине в книгах с наставлениями и советами, которые издавались в свое время французами и американцами, владельцев особняков предостерегают: «Не сажайте рядом с домом бананы». Но во вьетнамской

деревне вы не найдете дома, у которого бы не было хоть маленькой банановой рощицы. Обычные длинные зеленые бананы едят каждый день, миниатюрные короткие желтые «королевские» подают к праздничному столу, кладут как жертвоприношение на алтарь предков, короткие и толстые белесо-лимонного цвета с черными и твердыми, как камешки, семечками обычно сушат впрок.

Зернышко папайи достаточно обронить в рыхлую влажную землю, чтобы через несколько месяцев поднялось трехметровое дерево. Когда смотришь на него, то невольно хочется задать вопрос: зачем понадобилось природе так высоко тянуть этот голый и довольно жидкий ствол, чтобы там вверху родить дынеподобные плоды весом в два-три килограмма каждый. Они висят так несуразно, словно кто-то в шутку решил прицепить несколько дынь к верхушке дерева.

Мясистые манго и толстокорые мангустаны, ярко-красные ежики рамбутана и бледно-зеленые шарообразные плоды с пикантным названием «молочная грудь» — все эти фрукты есть во многих хозяйствах, но не в таких количествах, как кокосы, бананы и папайя: они довольно капризны и требуют немалого ухода. Зато и на рынке их покупать накладно.

Как и в других вьетнамских деревнях, в Мийене нет заборов вокруг крестьянских усадеб. Часто даже символический плетень не отделяет один участок от другого. Поэтому «задний двор» — понятие чисто условное. Именно там, рядом с открытой кухней, размещается «ферма» Зиэпа: три свиньи в хлеву, два буйвола и один бык зебу под соломенным навесом, небольшой пруд, где разводятся карпы.

Вся эта живность обеспечивает семью Зиэпа мясом и рыбой, а иногда излишки свинины вывозятся и на рынок. Но главное — тягловая сила для обработки поля и органические удобрения. И того, и другого не хватает в Мийене и во всех деревнях дельты Меконга.

Виной этому — «модернизация» 60-х годов, которая искусственно заставила южновьетнамскую деревню кое в чем далеко перейти рубеж, соответствующий реальному уровню развития страны. Примерно с 1965 года американцы наряду с «эскалацией» войны во Вьетнаме повели и мирное наступление на мятежную вьетнамскую деревню. Из-за океана хлынул поток химических удобрений, выведенных на Филиппинах и в других странах Юго-Восточной Азии семян риса с коротким сроком со-

зревания, малых сельскохозяйственных машин. Все это обходилось Вашингтону недешево, но на общем фоне расходов на вьетнамскую войну стоимость «зеленой революции» выглядела весьма умеренно. Если самолеты, танки, пушки и бомбы имели целью подавить национально-освободительное движение силой, покорить Вьетнам «кнутом», то удобрения и сельскохозяйственная техника были тем «пряником», который должен был создать марионеточному режиму социальную базу в деревне. Покупать это могли только довольно зажиточные крестьяне, и таким путем подстегивался процесс социального расслоения, капиталистического перерождения.

Временный прыжок вверх по пути «зеленой революции» дал противоречивые результаты. Крестьяне забыли дедовские семена и сеют только новые. Такую ломку традиции можно только приветствовать. Грустными оказались другие последствия. В 50-е годы в общине Мийен было около 100 пар буйволов. Каждая пара справляется в дни пахоты с пятью гектарами земли, и на 600 гектаров полей Мийена этого стада едва хватало. В 1980 году в крестьянских хозяйствах было только 25 пар на те же 600 гектаров. А из 30 тракторов мощностью от 6 до 50 лошадиных сил, которые вытеснили в свое время «лишние» буйволиные силы, на ходу осталось только пять. Все они японского и американского производства, и, конечно, запчасти взять негде. Да и с бензином стало совсем плохо. Растягиваются сроки пахоты, а новые сорта риса требуют их выдерживать точно. Нужда заставляет порой самого пахаря впрягаться в плуг или борону.

Дешевые химические удобрения заставили отвыкнуть от традиционных, и нелегко было вспоминать, как смешивать навоз с золой от рисовой соломы и прудовой ряской.

Провинция Лонган — один из самых «старых» и густонаселенных районов дельты Меконга. Свободной земли здесь почти нет, в среднем на каждую семью приходится гораздо меньше, чем, скажем, в Миньхае, Кьензянге, Анзянге. Хотя в общине Мийен есть и безземельные батраки, и сельская буржуазия, классовое расслоение не зашло так далеко, как в районах, богатых землей.

В маленькой конторке, приютившейся в обычном крестьянском доме, заместитель председателя народно-

го комитета общины Мийен, выходец из бедняков Нгуен Ван Кыу показал мне таблицу землевладения, где все семьи разбиты на пять основных категорий. Я переписал себе в блокнот данные по второму апу, где живет наш знакомый Нгуен Ван Зиеп. Общая площадь земель апа — 220 гектаров. Она кормит 260 дворов, в каждом из которых в среднем по шесть душ.

В первой категории — семьи, не занятые в сельском хозяйстве. Их всего четыре, и занимают они чуть больше восьми соток земли. Рисовых полей у них нет. Это семьи учителя, фельдшера и двух торговцев.

Вторая категория — безземельные и малоземельные бедняки. У этих 63 дворов нет ничего, кроме хижины со скромным скарбом да рабочих рук. Даже если у кого-то и есть клочок земли, его недостаточно, чтобы прокормить семью. Они нанимаются к богатым, иногда находят временную работу в уездном городке Бенлык, до которого несколько минут по шоссе на автобусе.

Третья категория — самая многочисленная: 155 семей. Это простые середняки. Земли у них — около гектара у каждого. Ее хватает, чтобы прокормиться самим, а в урожайные годы кое-что еще и продать. У одних есть своя пара буйволов, но большинство вынуждены на время пахоты арендовать тягловую силу.

В четвертую категорию входят зажиточные середняки. Во втором апе к ней относится 31 семья. У каждой из них в среднем полтора гектара земли. Многие имеют по паре буйволов. Они почти всегда продают немалые излишки риса. Нгуен Ван Зиеп, у которого мы были в гостях, и есть один из зажиточных середняков. До вступления в артель его семья сама обрабатывала свое поле, но на время пахоты или уборочной страды он нанимал одного-двух помощников. Дополнительный доход дает и бык с повозкой: один из сыновей Зиепа часто выполняет работу своего рода «деревенского грузового такси», особенно после жатвы, когда все везут зерно на рисорушки.

Наконец, 16 семей пятой категории — сельская буржуазия. У каждой из них 2—4 гектара пахотной земли, и только наполовину они обрабатывают ее собственными силами. Они эксплуатируют не только труд безземельных батраков. В их руках — водонасосы, молотилки, рисорушки, тракторы, рабочий скот. Надо середняку накачать воду на свое поле — плати, не хватает сил вручную обмолотить рис — тоже плати. Во втором апе одна

механическая рисорушка, а во всей общине — шесть. Их владельцы берут за очистку 1 зя (20 килограммов) падди пять донгов (в 1981 году) деньгами или соответственно натурой по высоким рыночным ценам. Недешево стоит и аренда пары буйволов, не говоря уже о тракторе.

Американцы и сайгонский режим понимали, что в деревне, состоящей из простых середняков, опору им найти трудно. Крестьянин, который сам себя обеспечивает и мало зависит от рынка — самая непокорная фигура. Другое дело — буржуазия и зажиточные середняки. Безземельные сельские пролетарии неорганизованы и обязаны богатею за возможность на его земле и его плугом заработать на пропитание.

Но надежды американских социологов на классовое расслоение и развитие капитализма в южновьетнамской деревне не оправдались. Дух национального единства в борьбе против чуждого продажного режима оказался сильнее. В этой борьбе участвовали все слои населения. Даже богатые крестьяне если не все оказывали поддержку силам освобождения, то по крайней мере были нейтральны. Во время весеннего наступления патриотов в 1968 году легальная революционная администрация установилась в 62 общинах провинции Лонган. Большая часть провинции была освобожденной зоной задолго до того, как 30 апреля 1975 года народные вооруженные силы освобождения вошли в Сайгон.

Участие всех крестьянских слоев в освободительной борьбе — одна из главных причин того, что и после освобождения у сельской буржуазии не были отобраны средства производства. И по отношению к этому классу социалистические преобразования проводятся осторожно и постепенно: чрезмерные излишки земли перераспределяются в пользу безземельных или передаются создаваемым сельскохозяйственным артелям, организуются товарищества владельцев техники, которые в обмен на государственные поставки горючего и других товаров снижают тарифы на аренду машин.

«Коллективизацию на Севере в начале 60-х годов было проводить легче, чем двадцать лет спустя на Юге» — почти в один голос заявляли вьетнамские товарищи, с которыми я говорил на эту тему. В чем же дело? На Севере к тому времени безземельные арендаторы и бедняки только что получили по реформе помещицы и общинные земли. Они не успели стать ее соб-

ственниками в полном смысле слова — ни экономически, ни психологически. Земли там мало, и труда она требует гораздо более интенсивного. Традиции взаимопомощи влекли крестьян к работе сообща.

Другое дело на Юге. Разобщенность хозяйств уходит корнями еще во времена колонизации вьетнамцами этих районов. Середняки, основная масса крестьянства, уже давно владеют своей землей и ведут товарное хозяйство. Чувство собственности у них велико. В те самые 20 лет, когда деревня на Севере Вьетнама шла от феодализма по пути социалистических преобразований, на Юге страны развивался капитализм. Все вместе эти особенности относятся только к дельте Меконга и нескольким провинциям к северу от нее. Дальше на Север даже два десятилетия неокOLONиализма внесли немного изменений в традиционную социальную картину вьетнамской деревни. Поэтому с использованием опыта Северного Вьетнама кооперирование крестьянства там в основном было завершено уже в 1979 году — всего через четыре года после освобождения.

— 4 мая 1979 года в нашем апе была организована первая сельскохозяйственная артель, — рассказывает Нгуен Ван Зиен. Он был избран председателем артели с первого же дня. Выбор пал на него по двум причинам: во-первых, он был одним из немногих зажиточных середняков, вызвавшихся внести свою землю в общий котел, и поэтому служил примером для других ему подобных; во-вторых, «крепкий хозяин» — это авторитет в глазах крестьян победнее, какие составляли большинство в созданной артели.

— В нашей общине сильны революционные традиции, — продолжает он. — Все помнят земельную реформу, проведенную народной властью после революции 1945 года, и вера в правоту политики партии была так крепка, что 40 из 45 дворов нашей части апа подали заявления о вступлении в артель. В тот год был неурожай, и люди искали в новом начинании панацею, спасение от голода. Но даже если 40 «ничего» свалить в одну корзину, она не станет полной. А у большинства вступивших не было даже пары буйволов.

Пахать все равно приходилось вручную, хоть и в коллективе, а нанимать тягловую силу было не на что: никакого общего фонда не было, а, значит, артель существовала пока формально. Через два месяца, после пахоты и высадки риса, 22 семьи вышли из артели.

Но в конце года оставшиеся 18 дворов собрали свой первый коллективный урожай, и он выдался неплохим. Ничто так не убеждает, как увиденный воочию факт. Так же, как память о земельной реформе, проведенной партией 35 лет назад, привела людей в артель, первый коллективный успех снова вернул в нее 13 отчаявшихся было семей. А весной 1980 года малая артель насчитывала 38 дворов с 74 «основными» и 23 «вспомогательными» работниками. У нее было 30 гектаров рисовых полей и уже солидный общественный фонд.

За два урожая 1980 года с коллективного поля было собрано 156 тонн пaddy. Из них 33 тонны были отданы в качестве налога и погашения кредитов государству, 27 тонн легли в неделимый общественный фонд артели, а 96 тонн разделены между крестьянами по затраченному труду.

— Естественно, полное равенство в оплате — это пока утопия, — говорит Нгуен Ван Зиеп. — Больше получает тот, кто больше сделал, у кого есть буйволы, плуг, борона. Скот и орудия труда пока не стали общей собственностью.

Мы проходим по главной улице второго апа, погруженной в тень кокосовых пальм, мимо таких домов, как у Зиепа, мимо богатых, ухоженных особняков и хижин, сплетенных из листьев латании. В апе — две малые сельскохозяйственные артели, а во всей общине Мийен — шесть. В них объединена примерно треть крестьянских дворов и немногим менее трети земли. Первыми в коллективы пришли в основном простые середняки и бедняки. Но и из них многие еще колеблются: середняки потому, что держатся хоть за малое, но за свое, а бедняки потому, что считают, что работа на хозяина будет оплачена выше, чем трудодни в коллективе.

— Пройдет время, и у нас будут настоящие кооперативы, — завершает свою экскурсию Нгуен Ван Зиеп. — С этой целью и провели административное укрепление апов, из девяти прежних сделали три, чтобы потом создать кооперативы. В каждом из них будет по 200 гектаров земли. Но прежде нужно укрепить малые артели, сделать вступление в них притягательным для единоличников. Мы в своей артели строим на накопленные общественные средства ток, зернохранилище, детские ясли. Собираемся купить трактор...

Начало 80-х годов — важное перепутье в истории деревни дельты Меконга, время сложной, а порой и мучи-

тельной перестройки на социалистический лад, перестройки в хозяйстве и в сознании.

НА ЮЖНОМ ПОЛЮСЕ ВЬЕТНАМА

Мыс по-вьетнамски — «муй», что означает также и нос. Если посмотреть на карту, то полуостров Камау, который заканчивается одноименным мысом, действительно похож на нос или скорее птичий клюв. Находясь на 8 градусах 30 минутах северной широты, он является самой южной точкой Вьетнама. Ил, выбрасываемый в море из проток Меконга, сносится морскими течениями на юг. Из-за этого «нос» удлиняется ежегодно на 60—80 метров. Таким образом, 300 лет назад он был километром на 20 короче, чем сейчас.

Именно к тому времени относятся первые упоминания о людских поселениях на месте нынешней провинции Миньхай. В конце XVII века, когда в Китае к власти пришли маньчжурские правители, караваны парусных джонок с беженцами потянулись на Юг в поисках новой родины. Они оседали и на пустынных землях нынешнего Юга Вьетнама.

Один из противников маньчжуров, некий Мак Кыу (по-пекински — Мо Цзю) из Гуандуна, добрался до Кампучии и был принят королем этой страны на службу. Король назначил его правителем дикого и труднодоступного края на юго-востоке своего истощенного к тому времени государства. Границы Вьетнама еще не доходили тогда до того места, где сейчас находится Хошимин.

Мак Кыу оказался умелым организатором и вскоре объединил под своей властью немногочисленные поселения китайских эмигрантов, разбросанные среди топей и джунглей на больших пространствах от нынешней вьетнамо-кампучийской границы до побережья Южно-Китайского моря. Эта территория и стала его вотчиной, а кампучийскому двору он подчинялся лишь номинально. Так возникло автономное государство Хатьен, редкое население которого составляли выходцы из Китая да немногочисленные кхмеры. Сейчас на этом месте находятся две самые южные провинции Вьетнама — Миньхай и Кьензянг.

Мак Кыу и его подданным жилось беспокойно и на этой забытой окраине. Король Сиама, тоже выходец из

Китай, совершая походы на Кампучию, не раз вторгался в вотчину своего соотечественника, разорял и грабил Хатьен. От ослабевшей Кампучии помощи ждать было бесполезно, поэтому Мак Кыу решил просить защиты у вьетнамцев. В 1708 году он признал себя вассалом Нгуенов, которые правили тогда южной половиной Вьетнама, враждующей с Севером страны. Мак Кыу к тому же породнился с вьетнамцами, взяв в жены девушку из Бьенхоа. Правитель Юга Нгуен Фук Тю, очевидно, не без радости принял предложение Мак Кыу, но поскольку очередь до освоения такой далекой и неизведанной земли, как Хатьен, еще не дошла, он оставил своего нового вассала безраздельным хозяином подаренной Вьетнаму провинции. Набеги сиамцев Мак Кыу все равно приходилось отражать чаще всего самостоятельно.

Фактически независимым Хатьен оставался вплоть до 1755 года, когда бездетный сын Мак Кыу — Мак Тхиен Ты (естественно, наполовину вьетнамец) умер, завещав свои владения Вьетнаму.

На полуостров Камау продолжали прибывать китайские эмигранты, в основном из провинции Фуцзянь. Приходили, вернее приплывали на лодках (посуху туда добраться было невозможно), и вьетнамцы: крестьяне, гонимые голодом из центральных провинций, беглые каторжники и другие искатели приключений. Но все они селились на севере полуострова, в районе сегодняшнего провинциального центра Баклиеу. Мало кто хотел углубляться дальше на юг — в топи, кишасшие крокодилами. Население оставалось незначительным.

Настоящее освоение полуострова Камау началось уже в период французского господства, в конце прошлого века. Тогда, после разгрома в Китае тайпинского восстания, новая волна китайских беженцев устремилась на Юг Вьетнама. Тысячами прибывали они на морских джонках в Баклиеу и Ганьхао, добирались на лодках по заросшим травой речушкам от Меконга и Сайгона.

В 1882 году французский чиновник Ламот де Каррье так описывал полуостров Камау: «От Баклиеу и на юг до Камау простирается бескрайняя равнина, поросшая дикой травой. До горизонта не видно ни одного деревца, зато трава густая, она впивается корнями в черную торфяную грязь, не сохнет даже в сухой сезон, а в дождливый поднимается на высоту до полутора метров».

Миньхайская вольница оказалась твердым орешком для колонизаторов. Для того чтобы заставить население

платить налоги, рыть транспортные и дренажные каналы, насыпать дороги, губернатор назначал на административные посты в этот район самых отчаянных головорезов, не брезгуя их одиозным прошлым.

Хотя во многих общинах и целых уездах в то время основным языком был фуцзяньский диалект китайского и многие не умели говорить по-вьетнамски, по численности населения выходцы из Китая уже уступали вьетнамцам. Еще меньше было коренных жителей — кхмеров. Живя бок о бок, эти три национальности постепенно смешивались. Все они участвовали в многочисленных восстаниях против колониального гнета.

В 1897 году до Баклиеу была доведена первая сухопутная дорога, связавшая провинцию с Сайгоном. В 1902 году тысячи крестьян были согнаны на рытье канала от Баклиеу на юг — к Камау. Глубинные районы полуострова становились более доступными. Малонаселенные земли быстро превращались в высокотоварную рисовую житницу. Если в 1980 году площадь рисовых полей в нынешних провинциях Миньхай и Кьензянг составляла только 20 тысяч гектаров, то в 1900 году — 136 тысяч, в 1920 году — 405 тысяч, в 1930 году — 600 тысяч гектаров.

По мере того как, пересекая провинцию Хаузянг с севера на юг, дорога приближается к Баклиеу — административному центру провинции Миньхай, местность становится все пустынее и ровнее. До самого горизонта простирается необозримый зеленый ковер рисовых полей и пустошей. Реже попадаются на пути деревни, растянутые вдоль дороги или каналов и одетые в покрывала из крон кокосовых пальм.

Каналы и протоки, подобно кровеносным сосудам, пронизывают полуостров Камау. Как нигде в других провинциях дельты, важна здесь роль этих транспортных путей. Но подавляющее большинство «капилляров» этой водной сети доступны только узким плоскодонным крестьянским пирогам. И только по немногим каналам и рекам могут ходить большегрузные джонки и моторные шаланды.

Еще в прошлом веке пионеры освоения этих земель теряли многие недели на путь в шесть-семь десятков километров. Каналов тогда не было, а реки пересекают полуостров поперек, для морской джонки доступно далеко не каждое устье. Поэтому передвигаться можно было только в сезон дождей, когда поросшая травой грязь

покрывается слоем воды. Люди не гребли, а отталкивались шестами, и груженная плоскодонка не плыла, а скользила по илу мелководья. Наиболее изобретательные и состоятельные запрягали в это нехитрое транспортное средство буйвола и ехали, как на телеге, только без колес.

Сейчас в Миньхае уже не увидишь таких водных упряжек, хотя, говорят, что кое-где приходится прибегать к этому оригинальному способу передвижения. Буйволы заняты своим основным делом — вспашкой рисовых полей, также залитых водой.

Городок Баклиеу похож на другие населенные пункты дельты Меконга. Можно сказать, что его «главная улица» — это канал с тем же названием. По нему на лодке можно добраться через весь полуостров до самого мыса Камау. От главного канала в стороны расходятся другие, прямые, как натянутые нити, они пересекаются с третьими, и так далее. Словом, автомашину в Баклиеу лучше оставить и добираться до любого населенного пункта провинции по каналам.

Как и подобает главной улице, канал — самое престижное место для строительства домов. Они так теснятся, что настоящего берега не видно. Строения из досок, фанеры, гофрированного листового железа стоят в воде на высоких сваях, основания которых обнажаются дважды в сутки во время отлива. Этот тип построек унаследован от коренных жителей — кхмеров.

Такое жилище — одновременно и пристань для лодок, что в этих местах вовсе не маловажно. Приливы и отливы играют роль природной канализации. Баклиеу не такой большой город, чтобы его бытовые отходы сильно загрязняли канал. Наверное, такой гряздой домов на ходулях он и выглядел 100 лет назад. Здания более современного типа и фундаментальные, из кирпича, как местная небольшая гостиница и административные строения, уже меньше привязаны к каналу и находятся в глубине города. То, что еще дальше от берега, ничем не отличается от обычной деревни. Там живут крестьяне, которым не надо далеко ходить до рисового поля и не зачем пускаться в дальние путешествия по каналу, как это делают торговцы и рыбаки с «главной улицы».

Как и большинство городов дельты, Баклиеу возник на месте рынка. Отмечая его оживленность, француз Ламот де Каррье писал в конце прошлого века, что на рынке собирается до шести тысяч человек. Сейчас в

базарные дни желающих обменяться товарами бывает в несколько раз больше.

Особенность провинции Миньхай состоит в том, что население здесь размещено очень неравномерно, в основном вокруг двух городов — Баклиеу и Камау — и крупнейших рынков, а их не более десятка. В провинции живет немногим более одного миллиона человек. Подавляющее большинство — вьетнамцы. Ранние волны китайских эмигрантов, которые были пионерами освоения этих земель, уже полностью вьетнамизировались, смешавшись с вьетнамским и кхмерским населением. Во всем Миньхае сейчас около 41 тысячи человек, которые считают себя хуацяо и говорят на фуцзяньском диалекте. Это более поздние пришельцы. Они-то и живут преимущественно на «главных улицах» городов, занимаясь торговлей и ремеслами. В сельской местности китайского населения практически нет. Около 50 тысяч кхмеров — остатки коренного населения полуострова.

...Председатель народного комитета провинции Миньхай, депутат Национального собрания СРВ Нгуен Минь Дык встретил нас в единственной в городе гостинице, где уже был накрыт стол с ароматным кипящим супом «кулао». Он сразу заявил, что «кулао» в Миньхае особый, не такой, как в других провинциях Юга. В нем собрано все, чем богаты миньхайские земля и вода. А богаты они многим.

С трех сторон провинцию омывает теплое и мелкое море. 307 километров побережья — это сплошные заросли мангровых джунглей. И в море, и в залитых морской водой мангровых массивах буквально кишит всякая живность — от крупных рыб, морских черепах, крокодилов и питонов до мелких креветок, устриц. В провинции добывается ежегодно более 60 тысяч тонн рыбы и морских продуктов, то есть по 50 килограммов на человека, включая грудных детей. Еще 10 тысяч тонн пресноводной рыбы — годовой «урожай» с прудов.

Провинция Миньхай занимает первое место в стране по производству товарного мяса. Подсобные хозяйства крестьян и кооперативные фермы дают ежегодно по 50 тысяч тонн свинины. Местное население, как и всюду во Вьетнаме, столько не потребляет. Поэтому по дороге из Хошимина в Баклиеу навстречу часто попадаются большие грузовики с кузовами-клетями, которые везут живой товар в крупнейший город страны.

Креветки, мясо, рыба, ароматные грибы и белые лом-

тики каракатиц — все это вместе с разнообразными овощами и травами кипит в душистом супе «кулао». В переводе это слово означает «остров». Название происходит от формы металлического сосуда, в котором суп продолжает вариться прямо на обеденном столе. Большое отверстие-труба посередине круглой кастрюли действительно напоминает остров-вулкан. Кастрюля установлена на жаровне, где тлеют угли из веток мангрового дерева. Их теплотворность вдвое больше, чем у обычных древесных углей, и лишь немного уступает теплотворности каменного угля.

Обширная равнина Миньхая по-прежнему остается крупной рисовой житницей, хотя за годы американской агрессии много рисовых полей было заброшено и заросло дикой травой. Траве достаточно, чтобы руки пахаря хотя бы год не прикасались к земле, и на месте бывших чеков образуется точно такая мокрая степь, какую описывал французский чиновник в конце прошлого века.

Обрабатываемая площадь провинции составляет 480 тысяч гектаров, но на деле в 1980 году вспахивалось только 280 тысяч. Для миллиона местных жителей этого вполне хватало. Естественно, обрабатывались только самые удобные и близкие к жилью земли. В 1975 году, сразу после полного освобождения Юга Вьетнама, крестьяне Миньхая собрали 515 тысяч тонн рисового зерна. Потом производство быстро восстановилось и уже в 1978 году составило 730 тысяч тонн, или 720 килограммов на душу населения. Это почти втрое больше, чем в среднем по стране.

— Если сравнивать сельское хозяйство в Миньхое с тем, что вы видели на Севере, в дельте Красной реки, то создается впечатление, что это не Вьетнам,— говорит Нгуен Минь Дык. — До того уж характерной чертой Вьетнама стал земельный голод. В северной дельте или где-нибудь на прибрежной равнине в центре каждый квадратный километр пашни кормит тысячу ртов, и остро стоит проблема перенаселения. Здесь же у нас не хватает рабочих рук, чтобы обработать всю целину и залежь. Хотя провинция и занимает одно из первых мест в стране по производству продовольствия на душу населения, резервы у нее огромные.

Действительно, благодатный край еще далеко не освоен полностью. Даже если не считать целины и залежи, то и нынешняя пашня пустует полгода. В Миньхое собирают только один урожай в год.

— Покажется странным, но главный бич для нас — нехватка воды. Рек на полуострове мало, да и те небольшие. Главный источник пресной воды — дожди. В сухой сезон здесь вовсе не сухо, но каналы и протоки заполняет соленая вода морских приливов. Поэтому и приходится довольствоваться одним урожаем, — объясняет Нгуен Минь Дык.

Я снова вспомнил дельту Красной реки, колыбель вьетнамской нации, где человек веками преобразовывал природу, не имея ничего, кроме рабочих рук, воздвиг тысячи километров дамб вдоль полноводных рек, ограждал землю от моря плотинами.

— Миньхай ждет преобразующей деятельности человека. Для освоения целины и борьбы с засоленностью нужны люди, машины. Война надолго задержала развитие этого края. Не говоря уже о машинах, даже буйволы не хватает. Только 40 процентов возделываемой земли вспахивается трактором или плугом, запряженным буйволом. Остальное — вручную. Перед началом сезона дождей человек впрягается в соху, а в начале сухого — пожинает урожай обычным серпом.

Нгуен Минь Дык — коренастый для вьетнамца, уже пожилой человек. Говорит он низким голосом на том плавном, но твердом по звучанию наречии, которое характерно для южан. О богатствах Миньхая и его истории он рассказывает с большой гордостью и энтузиазмом.

В председателе Дыке и его товарищах по руководству провинцией чувствуется дух той самой миньхайской вольницы, которая доставляла еще в прошлом веке столько неприятностей колониальным властям. А до колониального захвата и императорский двор Хюэ не осмеливался особенно досаждать крайней южной провинции налогами и вердиктами. Французы же пытались установить здесь «твердую власть», силой заставляя крестьян копать каналы и насыпать дороги.

«Каждый общинник должен насыпать участок дороги 14 метров длиной, полметра высотой и выкопать из канала 7 кубометров земли», — такие нормы были установлены на строительстве канала и дороги между Баклиеу и Камау. Колонизаторы использовали уже традиционную и привычную для населения систему государственной повинности. Однако строительство шло медленно. Поэтому решили увеличить нормы принудительных работ. Но это было не просто.

15 апреля 1902 года крестьяне общины Виньми ка-

правили властям петицию, в которой заявили, что не будут работать на администрацию больше положенных законом двух дней в году. «Лучше мы пойдем в тюрьму» — и 58 подписей старейшин. В тот же день никто не вышел на прокладку гати и в общине Хоабинь. Эти две общины стали центрами крестьянских волнений, охвативших почти всю провинцию.

Власти вынуждены были начать оплачивать труд крестьян. Строительство канала и дороги, стоившее жизни сотням людей, продолжалось. Не столько деньгами, сколько побоями и спиртным колониальные чиновники заставляли крестьян выходить на работу. Согласно официальным записям, спирт выдавали строителям в целях... «поддержания гигиены».

Хотя примерно в 1914 году земли Баклиеу и Камау стали давать Франции солидный куш товарного риса, что, по мнению колонизаторов, знаменовало собой «освоение» этих районов, большая часть территории оставалась практически неконтролируемой.

И традиции непокорности, и наличие обширных труднодоступных топей и джунглей стали причиной того, что в течение десятилетий вооруженной борьбы против французских колонизаторов, а потом американских агрессоров полуостров Камау был основной базой сопротивления на Юге Вьетнама.

Нгуен Минь Дык прошел здесь обе эти войны. Победную весну 1975 года он встретил боевым командиром и партийным руководителем партизанской зоны Камау. 30 лет, больше половины своей жизни, он провел в мангровых лесах и только летом 1976 года впервые приехал в Ханой депутатом первой сессии Национального собрания вновь объединенного Вьетнама.

— Провинция была базой революции не только потому, что мы сидели в лесах и иногда совершали походы по тылам врага,— рассказывает он. — Здесь находился штаб руководства военной и политической борьбой во всей дельте Меконга и других южных провинциях. В середине 50-х годов, после раздела страны, в доме старика Фао на окраине лесного массива Уминь жил и работал нынешний Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан. Партизанские зоны провинции были школой подготовки революционных кадров для Юга Вьетнама.

Более тысячи километров отделяли полуостров Камау от 17-й параллели, за которой начинался Демократический Вьетнам. Трудно было сюда добраться по знамени-

той «тропе Хо Ши Мина», проложенной вдоль горной цепи Чыонгшон. И миньхайский рыбак Бонг Ван Зя открыл морскую «тропу Хо Ши Мина». На парусной джонке он прошел две тысячи километров до Хайфона. По морю доставлялись оружие, боеприпасы, информация, указания центра.

Городок Баклиеу выглядит провинциальнее любого провинциального центра на побережье Южного Вьетнама. В нем нет современных роскошных вилл и тем более многоэтажных зданий. Каждый мой выход из гостиницы сопровождался стечением большей, чем где-либо, толпы любопытных, не только детей, но и взрослых. Настолько непривычно здесь появление человека европейского облика.

— Это вам не Кантхо, Хошимин или Дананг,—комментирует мои наблюдения Нгуен Минь Дык. — Здесь американцы и сайгонский режим почти ничего не строили. Больше разрушали и убивали. Там были их опорные базы, здесь — наша. Из Сайгона во все стороны расходились отличные автострады, а у нас во всей провинции 66 километров асфальтированной дороги, да и та узкая и неважная.

Никто не вел счет убитым в Миньхае во время войны. Можно только предположить, что на каждую тысячу жителей здесь пришлось больше павших, чем в любой другой провинции. Председатель женской организации Нгуен Тхи Бинь, депутат Национального собрания, познакомила меня с тремя пожилыми крестьянками, приехавшими на слет матерей в Баклиеу: Чан Тхи Зыонг, Ле Тхи Данг и Буй Тхи Ба. У каждой из них война отняла пятерых сыновей — бойцов революции.

Здесь не было даже относительной линии фронта. Бои шли всюду, куда пытался пробраться противник. Гарнизоны американской и сайгонской армий контролировали только два города — Баклиеу и Камау, да дорогу между ними, и то не всегда.

В подтверждение слов Нгуен Минь Дыка шоссе от Баклиеу до Камау действительно оказалось неважным. Оно идет по зыбкой топи и требует постоянного ремонта. Асфальт неровный, местами просел и разорван трещинами. Дорога тянется вдоль канала, и, не будь насыпи, груженные рисом сампаны плыли бы на одном уровне с нашими «Жигулями».

Камау с его свайными домами внешне похож на Баклиеу, только еще меньше по размеру. Дальше на Юг

дорога совсем плохая, приходится пересечь на длинную узкую лодку с тарахтящим подвесным мотором. Мотор старый, и за время пути мы имели с ним немало хлопот. Двое лодочников, отец и сын, оба шоколадного от загара цвета, не раз склонялись над замолкнувшим агрегатом, пытаясь устранить неисправность. Мотор они знали, как капризный характер члена своей семьи. Он действительно был для них членом семьи, кормильцем, с известными слабостями и болезнями.

Хотя долгие годы шла война и провинция Миньхай была «неспокойной» для американских и японских фирм, к технике крестьяне и рыбаки приобщались. В Баклиеу покупали не только лодочные моторы и бензин к ним, но и тракторы. После освобождения в провинции насчитывалось 2600 моторных лодок совокупной мощностью 37 тысяч лошадиных сил и около 400 различных тракторов американского и японского производства. Сразу же возникли проблемы с запчастями. В 1980 году из-за отсутствия запчастей простаивало 60 процентов тракторного парка. А от буйволов уже отвыкли. К тому же буйвол, столь неприхотливый всюду во Вьетнаме, оказался довольно капризным животным в соленой воде Миньхая.

Хозяева нашей лодки сделали очередной ремонт, и винт на длинном гребном валу, вгрызаясь в черную гладь воды, продолжал кое-как толкать лодку вперед, к заветному мысу Камау — крайней южной точке Вьетнама.

Гребной вал длинный, потому что так удобнее проходить мелководья и участки, заросшие водорослями, а вода в канале черная из-за толстого слоя торфа под ней. Такая же черная она во всех каналах и реках. Черно-серый цвет приобретает море у устьев рек в часы отлива. Торф — это огромное богатство Миньхая, которое пока почти не используется. Торфяники в провинции имеют толщину от 2 до 6 метров.

Моторными лодками пользуются в основном рыбаки городов и прибрежных деревень. Зато почти в каждой семье есть хотя бы одна небольшая лодка с веслами. Для жителя Миньхая она означает примерно то же, что велосипед для ханойца.

Широкие рисовые поля Миньхая выглядят пустынными. Но этого не скажешь о реках и каналах. Навстречу то и дело быстро скользят по воде будто водомерки стайки лодок. Гребец в традиционном коническом «ноне» на голове стоит на корме во весь рост и, ритмично наклоня-

ясь всем телом вперед, толкает перекрещенные на уровне груди весла. Скорость таких лодчонок не намного меньше, чем у моторных.

Сельские общины здесь состоят из множества мелких хуторков на одну-две семьи. Больших деревень не видно. Они только на рыночных перекрестках каналов, рек и дорог. Люди живут вдалеке друг от друга. Многие общины разбросаны на площади в десятки тысяч гектаров каждая. Поэтому лодка нужна не только для выезда на базар, но и просто для передвижения крестьянина в своих владениях.

Мотор чихнул в очередной раз и заглох. Был час прилива, и морская вода, наполнявшая канал и всю равнину вокруг, начинала нести бессильное суденышко назад. Мы подгребли к группе глинобитных домишек, которые теснились на рукотворном островке среди воды. Внешне все это выглядело как наводнение, но был лишь самый обычный прилив. Игуен Минь Дык сказал мне, что наводнения в Миньхае — большая редкость: насколько он помнит, в последние лет двадцать не было ни одного.

Большую часть полуострова Камау нельзя назвать ни сушей, ни морем. Почти все время она залита водой — дождевой в дождливый сезон и морской — в сухой. Даже обнажаясь, эта земля никогда не высыхает. Но какое же это море, если на нем стоят деревни, разбиты рисовые чеки, огороды и сады?

Хутор, где мы остановились, представлял собой своеобразный хозяйственный комплекс на одну семью. В жилом доме не было признаков самой незначительной роскоши и ничего лишнего. Он и подсобные постройки стояли на островке на берегу канала. Поэтому даже при самой высокой воде они не были залиты, но и при самой низкой вода была рядом. На этом же кусочке суши растут три кокосовые пальмы, разбит небольшой огород с красным жгучим перцем, киндзой, укропом и еще некоторыми травами и овощами, названия которых по-русски я просто не знаю. Вплотную к кухне, где над горячими углями мангрового хвороста варится обед, примыкает хлев с тремя свиньями. Рядом огороженное плетнем пространство — судя по перьям, птичник. Но в отличие от свиней утки сами себе разыскивают пропитание, поэтому он пуст.

В доме оказалась только хозяйка с тремя дочерьми. Они суетились на кухне. Остальные члены семьи на работе. Сын лет 12 тут же рядом с домом крутился на во-

де, сидя в просмоленной диаметром около метра корзинке. Проворно передвигаясь в этой «лодке», он перебирал расставленную вдоль берега сеть. Вокруг, в пределах обозримого, на водной глади, поросшей редкими кустами низкорослых мангров и перьями «водяной» пальмы, видно было несколько многоугольных рисовых чеков. Не сплошное рисовое поле, а именно разрозненные чеки. Они устроены на самых удобных участках. Хозяйка сказала, что некоторые их чеки находятся далеко — чуть ли не в километре от дома, а может и дальше.

Зато креветочные плантации — прямо у дома. Они похожи на рисовые чеки, только пустые. Участки мелководья огораживаются перемычками из торфянистой грязи. В прилив на них заливается соленая вода, пополняющая расход от испарения. До отлива проходы в перемычках вновь заделываются грязью, и так каждый день. Добывать креветок на таких плантациях гораздо легче, чем просто в реке или на мелководье. Затраты труда на строительство перемычек окупаются сполна. Корма не нужно никакого: его вместе с илом приносит морская вода.

После освобождения Южного Вьетнама в Миньхае образовано пять государственных хозяйств по выращиванию креветок. Общая площадь их водоемов — 3300 гектаров. Они главные поставщики продукции для двух морозильных заводов — в Камау и Ганьхао. Но гораздо больше площадь креветочных плантаций в личных хозяйствах крестьян — 6600 гектаров. Существуют планы дальнейшего расширения водной целины. Государственные питомники креветок намечено довести до 15 тысяч гектаров. Это очень важно для развития экспорта.

Хозяйка дома сообщила, что их хозяйство полностью обеспечивает семью всем самым необходимым: рисом, мясом, креветками, овощами и травами. Сами они плетут из осоки и водяной пальмы циновки, корзины и сетчатые ковши для ловли креветок.

Только в январе перед Тэтом, когда убран урожай риса, семья совершает выезд в Камау. Для этого мобилизуются все три лодки, которые делают порой не один рейс. Кроме кормового и семенного зерна свозится в город рис. Рисом платится продоловственный налог государству. Часть, предназначенная для потребления в семье, сдается на рисорушку для очистки. Естественно, хозяин рисорушки забирает свою долю «за работу». Остальное через группу трудовой взаимопомощи продается

государству по договорным ценам в обмен на промышленные товары. А если и после этого есть остаток, то его можно продать по высоким рыночным ценам. Семья покупает в городе немного: в основном ткань для одежды, кое-какую посуду, иногда удобрения и всякую мелочь, праздничные лакомства и украшения. Семьи побогаче приобретают еще бензин и запчасти для моторов, инсектициды, цемент и другие стройматериалы. И конечно, самый большой спрос на рыболовные сети. На них не скупятся даже самые бедные.

Этот маленький хуторок вывозит на рынок и свиней. Но самый большой денежный доход — от сушеных креветок. Их к Тэту скапливается не одна корзина. Креветок в Миньхае сушат почти все. В 60-х годах из провинции ежегодно вывозилось 17 тысяч тонн этого товара — три четверти всего экспорта сухих креветок из Южного Вьетнама.

Мотор тем временем заработал, и мы распрощались с гостеприимной хозяйкой. Хозяина мы увидели позже. Мы проплыли буквально под ним. В одних шортах и такой же загорелый, как все здешние рыбаки, просоленные морской водой и обожженные почти экваториальным солнцем, он восседал на арке из мангровых жердей. Таких арок много на канале. Это приспособление для подъема и опускания сетей, устанавливаемых поперек русла. Ранней осенью, когда рис высажен, а до уборки еще далеко, мужчины Миньхая отдают большую часть своего рабочего времени рыболовству.

Когда потом я поделился с Нгуен Минь Дыком своими впечатлениями об одиноком хуторе на канале, он сразу задал вопрос: «А хорошо это или плохо?»

С одной стороны, такие редкие населенные пункты, исторически сложившиеся на новых землях, обеспечивают высокую товарность сельского хозяйства Миньхая. Каждый берет столько земли, сколько может обработать.

— Но это создает и проблемы,—сказал Нгуен Минь Дык. — Как, например, организовать в этих условиях полноценные коллективные хозяйства, механизировать производство, обеспечить здравоохранение, создать для всех детей условия посещать школу, приобщаться к культуре? К 1980 году только 10 процентов крестьянских дворов было охвачено коллективными формами труда, да и то в более или менее густонаселенных районах. Каким бы товарным ни было мелкое ручное хозяйство, воз-

возможности расширения его ограничены числом рабочих рук в семье. А земли пока хоть отбавляй. Продовольственную проблему надо решать в масштабе страны. Путь, который мы считаем наиболее верным,— это укрепление населенных пунктов и развитие транспорта, конечно водного.

Чем дальше на юг, к морю, тем меньше земли и больше зелени. Мангровые деревья, которые я привык видеть в Северном и Центральном Вьетнаме разрозненными низкорослыми кустами, возвышаются двумя сплошными стенами, образуя живые берега протоки или канала. Они кажутся совершенно одинаковыми, и без местного проводника ничего не стоит заблудиться в этом водном лабиринте. Здесь уже не видно даже мелких хуторов. Как бы разобщенно ни жили люди, им чуждо полное отшельничество. Только постепенно, оглядываясь и не теряя из вида друг друга, могут они наступать на дикую природу, ставить в глуши свои жилища.

Здесь тишина нарушается только криками и хлопаньем крыльев птиц. Местные жители называют мангровые леса Камау «птичьим морем», и название это очень точное. С закатом тысячные стаи слетаются к своим гнездам. Есть и птичьи базары. Грифы подкарауливают добычу, сидя на ветвях высоких мангров. На открытых мелководных лагунах разгуливают серые цапли высотой до метра и весом до 10 килограммов. Много и белых хохлатых цапель, красных гусей, пеликанов.

Мангры — это растения соленых вод. Считается, что в провинции Миньхай сплошные массивы мангровых и каеутовых лесов занимают второе место по площади после плавней устья Амазонки. Их площадь оценивается то в 200, то в 300 тысяч гектаров.

На первый взгляд кажется, что джунгли — они и есть джунгли, и нет в них никакого порядка. На самом деле мангры отвоевывают пространство у моря и делают это в строгой очередности. Разные виды мангров по-разному переносят соленую воду. Пионером покорения морских мелководий выступает авиценния, или, по-местному, «мам». Каждый год в июле очерчивает она прибрежную полосу своим желтым цветом. Через месяц появляются грозди плодов. Они падают в море и кочуют в полосе прибоя, пока не найдут благоприятную почву. Корни прорастают глубоко в ил, скрепляют его и сами способствуют задержанию ила. То ли наносы ила дают жизнь манграм, то ли мангры задерживают ил. Лет через 20

эти места уже на долгое время обнажаются при отливе, и авиценния уступает место другому виду — ризофоре. Ризофора конъюгата, или, по-вьетнамски, «дыок», — самый распространенный на Камау вид мангров. Они растут густыми массивами, переплетаясь корнями. Эти корни похожи на гигантских крабов, вцепившихся длинными ногами в грязь, заливаемую приливом дважды в сутки. Как бы из панциря краба устремляется ввысь ровный ствол дерева. В переплетениях корней — царство креветок, мелких ракообразных и прочей морской живности, которая служит пищей более крупным животным и птицам.

Люди здесь не занимаются сельским хозяйством. Их кормит мангровый лес, его обитатели. Вьетнамская народная мудрость гласит, что на Камау «ловят рыбу на деревьях, а птиц под водой». Заключенный в поговорке парадокс подчеркивает диковинность природы полуострова. На птиц, которые ныряют за добычей, действительно ставят сети под водой, а рыбу в часы отлива собирают в густых переплетениях мангровых зарослей.

Стволы ризофоры поднимаются на 20—30 метров и имеют толщину до полуметра. Из них строят свайные дома, мосты, рыбацкие арки над речными протоками, делают мачты и рей, обжигают древесный уголь. В Миньхае ежегодно производится 60 тысяч тонн такого угля.

10 тонн листьев на гектар в год сбрасывает ризофора. Запутываясь в корнях, они превращаются в перегной, слой которого быстро растет. Превращая морскую отмель в сушу, дерево постепенно гуоит себя. Оно не может жить на суше и уступает место каепутовым лесам. Это тоже разновидность мангров с прочной древесиной. Из каепутовых стволов делают сваи домов, и чем они мокрее, тем прочнее. Их не едят даже термиты, гроза построек в тропиках. Каепутовыми ветвями мостят гати, укрепляют берега.

Неприхотливые, прочные и живучие, настойчивые в своем наступлении на море мангровые деревья Нгуен Минь Дык сравнил с партизанами Миньхая. Их можно сравнить и с пионерами освоения топей полуострова. И те и другие действовали постепенно и уверенно, шаг за шагом завоевывая позиции, создавая почву для новых поколений.

Именно мангровые джунгли Камау и особенно каепутовый массив Уминь были надежными опорными базами Сопротивления. В них находился штаб революционных

сил провинции, под их густым покровом прошли 30 лет жизни и деятельности Нгуен Минь Дыка. Ни французские колонизаторы, ни американские агрессоры, не осмеливались углубляться в эти леса, они пытались уничтожить партизан лишь с воздуха.

Берега теряющейся в топях самой южной реки Вьетнама — Кыулон — напоминают лес из волшебных сказок. Между шупальцами одревеневших гигантских спрутов, бывших когда-то корнями старых мангров, проиивается молодая поросль. Много среди всего этого хаоса стоящих и повалившихся безжизненных стволов. Взглядом с реки трудно определить, какие деревья погибли от старости, а какие убил человек. Зато с вертолета совершенно отчетливо видны 36 параллельных полос, протянувшихся от левого берега Кыулона до юго-восточного побережья полуострова. Природа не могла создать такого. Это следы отравляющих веществ, распыленных с американских самолетов. С 1960 по 1972 год на мангровые леса полуострова Камау были сброшены тысячи тонн ядохимикатов. В 1972 году пробовали сжигать мангровый лес напалмом, но он не горел. Слишком водянистая листва у этих деревьев, да и прилив дважды в сутки гасил пожары. Больше всего, примерно на 70 процентов, пострадал сравнительно сухой кашпотовый лес Уминь на западе полуострова — на берегу Сиамского залива.

Уже несколько лет прошло с тех пор, как лес Уминь впервые перестал быть партизанской базой. Сейчас трудно найти места, где когда-то находились дома партизан, стоявшие на сваях, прикрепленных к воздушным корням больших мангров. Люди ходили здесь не по земле, а по ажурной арматуре, сплетенной корнями над черной грязью торфяников. Эти глухие места сейчас более безжизненны, чем во время войны.

У окраины леса Уминь на канале Дынг мы поровнялись с длинным моторным сампаном. Трудно было поверить своим ушам: до того непривычно было услышать на «южном полюсе» Вьетнама характерную мелодию «куан хо», да еще на настоящем северном диалекте, который трудно даже по звучанию спутать с местным. Родина «куан хо» — частушек-диалогов между деревенскими парнями и девушками — находится далеко на Севере, в провинции Ханамнинь. Их сейчас поют профессионалы и артисты самодеятельности во всем Вьетнаме. Но так естественно и первозданно, не со сцены, они могут петься только в Ханамнине.

Рисоводческий госхоз Уминь действительно создан на этой целинной земле переселенцами из Ханамниня.

— Трудно было поначалу обосновываться так далеко от родных мест, — рассказывает заместитель директора госхоза Фам Суан Лок. — Земля другая, климат другой, сроки сева и жатвы другие. До 1982 года хозяйство было нерентабельным. А в 1982 году госхоз не только прокормил себя, но и сдал государству 650 тонн товарного риса.

Можно много говорить о причинах пришедшего наконец успеха, оперируя современными экономическими формулами. Но, наверное, и у первых покорителей миньхайских топей 100—200 лет назад дела тоже не сразу шли хорошо. Но нынешние целинники работают не в одиночку. Их связывает не только организационный набор, но и происхождение из одной и той же провинции с ее обычаями и традициями, со знаменитыми «куан хо». По сути дела, они еще не стали сельскохозяйственными рабочими плантаций. За каждым работником закреплено 2 гектара земли, и для выполнения нормы нужно сдать с урожая в общую копилку 1,5 тонны риса. Остальное каждая семья использует по своему усмотрению. Пока здесь собирают только один урожай в год. Но это в среднем почти по две тонны с каждого гектара.

Устройство рисовых чеков, пахота, внесение удобрений и инсектицидов — эти работы проводятся сообща на всем госхозном поле. Для них используются тракторы и другие механизмы. А вот высадка рассады, уход за посевами, жатва вплоть до сдачи зерна в хранилища обеспечиваются каждым работником на закрепленном за ним участке. Так что он — и рабочий, и фермер одновременно.

В личном приусадебном хозяйстве каждая семья имеет самое малое две-три свиньи, овощной огород и рыбный пруд. Земли для этого много — не то что в родном Ханамнине.

С наступлением сухого сезона работы на полях замедляются, и тогда задуваются три печки для обжига кирпича. Из него строят дома и производственные здания, им мостят улицы поселка, выкладывают стены резервуаров для хранения дождевой воды. Женщины в межсезонье плетут конические шляпы «нон» из болотной осоки.

Все меньше семей остаются в бараках-временках. Новая деревня обретает черты постоянства. Она уже не похожа на ханамнинские деревни, огороженные живым

бамбуковым частоколом. Вместо общинного дома — диня — здания дирекции госхоза и народного совета, вместо храма — дэна вырос простоватый по архитектуре сельский клуб, вместо культовых «миеу» — медпункт, школа, детский сад. Практически во всех поселках бригад с утра до вечера вещают громкоговорители: радиоузел транслирует передачи центрального, провинциального и своего госхозного радио. С газетами пока неважно: их далеко привозить. Новые жилые дома имеют весьма скромный облик. Но на каждом — высокие телевизионные антенны, направленные на ближайший, но далекий отсюда телецентр Канто.

Госхоз Уминь — один из новых экономических районов, выросших в провинции Миньхай с 1977 года. Только за четыре года из северных провинций, в основном Ханаминья, на полуостров Камау прибыло около 30 тысяч целинников. Они основали семь госхозов, три армейских хозяйства, семь кооперативов. С 240 тысяч гектаров в 1976 году посевные площади провинции расширились до 300 тысяч гектаров в 1981 году. Поднятая целина в Миньхае дала стране 150 тысяч тонн зерновых.

Движение на Юг продолжается, и после объединения Вьетнама начался его новый этап. За семь лет мыс Камау вырос на полкилометра, сотню метров отвоевали у моря мангровые заросли, но перемены, совершаемые природой, по масштабам не идут в сравнение с переменами, которые осуществляет человек.

«ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ»

Дорога из окруженного сосновыми лесами административного центра провинции Ламдонг горного курорта Далата — города красивых особняков и тенистых парковых аллей — спускается на слегка всхолмленное плато, и часа через два пути мы въезжаем в новый экономический район... Ханой. Его населяют выходцы из столицы и ханойских пригородов. Построенные в последние годы поселки носят знакомые названия столичных районов. В поселке Бадинь — тезке ханойского района, где находятся правительственные учреждения СРВ и мавзолеей Хо Ши Мина, — мы встречаемся с руководителем строительства нового экономического района, членом комитета КПВ города Ханоя Ву Хоа Ми.

— По плану здесь должна сложиться группа населенных пунктов, тесно связанных друг с другом в единый агропромышленный комплекс,—говорит он. — После завершения проекта в новом экономическом районе Ханой будут жить 150 тыс. человек. В 1980 году уже основательно закрепилась и налаживают быт около двух тысяч семей ханойцев — примерно 10 тысяч человек. Они работают в двух животноводческих госхозах и пяти кооперативах. Специализация района — животноводство и производство натурального шелка. Но главная задача — выращивание продовольственных культур и строительство. Земли здесь много, народный комитет провинции Ламдонг выделил нам 47 тысяч гектаров.

В феврале 1976 года, менее чем через год после освобождения Южного Вьетнама, в провинцию Ламдонг направилась первая группа ханойцев — инженеры, агрономы, экономисты, партийные руководители. Они и подыскали место с плодородным красноземом вдоль реки с порогами и красивым Слоновым водопадом. Через два месяца был готов план, и 2500 молодых добровольцев приехали на пустое место, чтобы вбить в нетронутую землю первый колышек и построить дома для семей новоселов.

Сначала было немало скептиков. Идея создания новых экономических районов во Вьетнаме возникла не впервые. Еще в первые годы народной власти на Севере проводились кампании по мобилизации населения дельты Красной реки на освоение целины в горных провинциях. Но большинство переселенцев не задерживалось долго на новом месте жительства. Непривычный климат, чуждые обычаи местных народностей, непригодность веками накопленного на равнине опыта земледелия, разрыв связей с родственниками и близкими — все это возвращало людей назад, в родные места.

— Уроки первых лет целинного движения сослужили нам хорошую службу. Прежде всего мы очень тщательно выбрали район, заинтересовали людей материально, дав возможность обзаводиться большими приусадебными участками. Переселенцы не чувствуют себя каплей среди океана. Поселки создаются выходцами из одного района. Получается что-то вроде большого землячества. Часто рядом живут семьи, которые и на родине были соседями. Сразу же строятся школы, детские сады, поликлиники. Поэтому новоселы не только не хотят уезжать, но и агитируют знакомых в Ханое ехать сюда.

— Вы сами выбрали это место для дома? — спрашиваю я у мужчины средних лет по имени Тай, который любезно пригласил меня на чашку чая в тень беседки, сплетенной из бамбука и обвитой цветущими лианами. Буквально в нескольких десятках метров увенчанный радугой в заросшее кустарниками ущелье низвергался Слоновый водопад. Сам Тай и его семья — уроженцы района Зялам под Ханоем.

— Да, естественно, получив одобрение кооператива. Обычно разрешают брать столько земли, сколько семья может обработать.

Я вспомнил район Зялам с его ровными квадратами рисовых полей и вереницами людей, семенящих по дорогам с корзинами на коромыслах. Поселок у Слонового водопада тоже называется Зялам...

Центральное плато, на крайнем юге которого находится провинция Ламдонг, — один из самых редконаселенных и малоосвоенных районов Вьетнама. Можно десятки километров ехать по проселочным пылящим дорогам и встретить на пути лишь две-три группы горцев. Такое впечатление, будто вы перенеслись на тысячелетия назад. Мужчины и женщины народности кхо выходят из леса с наполненными листьями и кореньями заплечными ажурными корзинами, подставляя горячим лучам солнца коричневые, обнаженные до пояса тела. Возделанные поля попадаются редко, но издали видны дымки от искусственных лесных пожаров. Это «рэй» — выжигание лесов под посадки маниока и суходольного риса. До сих пор еще не искоренилась в отдаленных районах Центрального плато первобытная практика подсечно-огневого земледелия. Кроме кхо на плато живут раглаи, стиенги, банары, эде и другие народности, которых освобождение Южного Вьетнама застало на стадии родового строя.

Вьетнамцы не селились здесь главным образом из-за того, что плато неудобно для орошаемого рисоводства, бывшего их основным занятием. В годы войны Сопротивления американским агрессорам плато стало обширной базой Народных вооруженных сил освобождения, по нему проходили дороги знаменитой «тропы Хо Ши Мина». Операцией по взятию Банметхуота весной 1975 года началось историческое наступление освободительных сил. Созданные вдоль «тропы Хо Ши Мина» для обеспечения военных эшелонов армейские хозяйства заложили основы будущих госхозов на новой земле.

Визг механических пил, рокот бульдозеров, стук от-

бойных молотков создают в новом экономическом районе Ханой атмосферу большой стройки. Она общая для всего района, хотя поселки и хозяйственные объекты широко разбросаны по территории, равной большому уезду дельты Красной реки. За три года построены печи по обжигу кирпича, деревообрабатывающая фабрика, два магазина, столовая, больница на 100 коек и медпункты в каждом поселке, радиостанция, пять школ-девятилеток и одна двенадцатилетка. Ламдонгский Ханой организуется как агропромышленный комплекс масштаба уезда. Это как бы одна огромная община.

Основная масса новоселов — крестьяне пригородных уездов Ханоя. Но не только они. Из двух тысяч семей, обосновавшихся здесь к 1980 году, 250 — семьи ремесленников и бывших мелких торговцев из «внутреннего города» столицы, 100 семей рабочих.

Кооператив Донгань — самый большой в новом экономическом районе. Секретарь партийной ячейки кооператива Нгуен Ван Зунг раньше был председателем народного комитета одной из общин уезда Донгань под Ханоем. Он в числе первых приехал на освоение целины. Хозяйство родилось и выросло на его глазах.

— В нашем кооперативе представлены все 23 общины уезда Донгань,—рассказал он. — Конечно, из одних общин больше приехало людей, из других меньше. Поэтому в одних и тех же поселках-сомах соседствуют выходы из разных старых деревень. Мы и не ставили цели строить поселки как филиалы родных общин новоселов. Но жители одной старой общины стремятся поселиться рядом. Они хорошо знают друг друга, и это помогает им чувствовать себя так, будто они и не покидали старой родины.

Приносят ли они на новые земли традиции своих старых общин? В какой-то мере — да. Ведь крепкие родственные и соседские связи — это тоже след традиции. Иначе бы не влекло так сильно друг к другу близких земляков. А это уже почва для сохранения обычаев и привычек, существовавших на старой родине. Но внешне новые поселки мало похожи на вьетнамские деревни: типовые деревянные дома совершенно интернационального облика, правда, без заборов вокруг.

Не буду вдаваться в подробности устройства кооператива Донгань. По структуре он мало отличается от кооперативов дельты Красной реки, правда, пока не такой большой по числу дворов. Их не тысяча, как в сред-

ней общине под Ханоем, а только 520. Всего население — 2657 человек, в том числе немногим более тысячи работников кооператива. Вьетнамские семьи обычно многодетны. Но здесь произошел прямо-таки «демографический взрыв». Ежегодный естественный прирост населения достиг пяти процентов, в то время как рекорд, побитый на Севере Вьетнама в середине 60-х годов, не превышал 3,5 процента.

Может быть, это своеобразная реакция на расширение жизненного пространства. Ведь на каждую семью в новом кооперативе Донгань уже на первых порах приходилось более гектара обрабатываемой земли, а вся площадь новой общины вместе с пустырями и лесом — свыше двух тысяч гектаров. Это не 320 гектаров, на которых теснится вдвое большее население подробно описанной в начале общины Нгуенса.

Коснувшись демографии, нельзя обойти стороной такую актуальную во Вьетнаме проблему, как ограничение рождаемости.

Неписанный закон вьетнамской традиции гласил: семья священна и нерушима; но муж может бросить жену, если она не рождает детей, не почитает родителей и предков мужа... И далее еще несколько более общих для всех народов причин, как разврат, воровство и тому подобное. Но бездетность стоит на первом месте. Общественное мнение деревни, столь активно проповедующее взаимопомощь между земляками, отворачивалось от несчастной, покинутой мужем только за бездетность, как от преступницы. Даже разврат и воровство стоят где-то в середине списка оправдательных доводов для разрыва брака.

Семейная жизнь для вьетнамской крестьянки представляла собой сплошное деторождение вплоть до старости, чуть ли не каждый год. Много детей умирало еще в младенчестве от голода и антисанитарии. Но в основном от голода. В южных и горных районах, где земли больше, процент прироста был выше при той же антисанитарии и тех же болезнях. Но уже к 1963 году население Демократической Республики Вьетнам ежегодно увеличивалось на 3,41 процента. Поэтому по решению правительства была развернута широкая кампания по ограничению рождаемости. Продолжение «демографического взрыва», опережающего рост производства продовольствия, грозило голодом.

Переправляясь на пароме через Красную реку из

Намдиня в провинцию Тхайбинь, я обратил внимание на большое панно на другом берегу реки. Оно было обращено к переправе, чтобы каждый мог прочитать. Обычно подобные панно призывают претворить решения партии в жизнь, выполнить и перевыполнить план производства. Но на этом крупными красными буквами на белом фоне было написано: «Девиз провинции Тхайбинь — не более двух детей в семье». Можете себе представить, какое важное внимание уделяется этому в стране.

Глава правительства СРВ Фам Ван Донг, выступая на состоявшейся в мае 1981 года всевьетнамской конференции по планированию семьи, заявил: «Кампания по ограничению рождаемости должна проводиться настойчиво в течение многих лет и направлена на то, чтобы каждый человек глубоко проникся сознанием естественной необходимости планирования семьи в соответствии с требованиями общества, интересами развития народного хозяйства, интересами революции, каждого гражданина и каждой семьи. Кампания по ограничению рождаемости полезна для развития страны в ближайшие годы и в длительной перспективе. Это содержание культурной и идеологической революции, которая непосредственно служит развитию экономики и счастью человека... Преимущества социалистического строя создают очень благоприятные условия для успешного развертывания этой кампании».

Кампания проводится на Севере Вьетнама с 1963 года под руководством КПВ и правительства республики, при активном участии общественных организаций, прежде всего Федерации женщин Вьетнама и Союза коммунистической молодежи Хо Ши Мина. За это время удалось снизить рождаемость в целом по стране с 4,61 процента до 2,93 процента, а естественный прирост населения — с 3,41 до 2,23 процента.

Движение за ограничение рождаемости, или, иначе, по планированию семьи, ведется в основном пропагандистскими и воспитательными методами. В общественно-политической и экономической жизни Вьетнама, если вы успели заметить, всевозможные кампании играют большую роль. Но кампания есть кампания, и она только помогает естественным процессам, размывающим традицию. В Хошимине, например, движение по планированию семьи начато почти на полтора десятилетия позднее, чем в Ханое, но результат тот же самый: к 1980 го-

ду в трех крупнейших городах страны (Ханое, Хошимин и Хайфоне) естественный прирост населения снизился до одинакового уровня — 1,8 процента. Еще ниже он среди групп городского населения, занятых в государственном секторе. А самый высокий — в малонаселенных горных районах и богатых землей провинциях дельты Меконга. Значит, традиция крепче держится в деревнях, а не в городах, и рождаемость быстрее снижается в перенаселенных районах северной равнины, чем там, где перенаселенности еще нет.

Но все же традиция живет в психологии людей дольше, чем позволяют социально-экономические условия. И чем меньше контактов с городом, с промышленными районами, тем она более живуча. Иначе трудно объяснить пример общины Хайбинь провинции Тханьхоа, где земли на всех уже сейчас не хватает. Там 70 процентов семей имеют по семь и более детей. Общественное мнение с большим уважением относится к Нгуен Ван Дыку и считает его семью счастливой, потому что он имеет 10 сыновей и дочерей.

Вьетнамские экономисты считают, что для поддержания уровня жизни (не говоря уже о накоплениях) в стране, имеющей ежегодный прирост населения в 1 процент, нужно ежегодно увеличивать национальный доход на 4 процента, а производство продовольствия — на 2,5 процента. Во Вьетнаме же при нынешних темпах прироста населения к 2000 году будут жить более 80 миллионов человек. Даже при наилучших реально возможных темпах экономического развития в этом случае трудно будет обеспечить накопления. Поэтому кампания планирования семьи и является большой государственной политикой. На конференции 1981 года поставлена задача добиться к 1990 году снижения естественного прироста населения до 1 процента. К этой цели и призывает панно при въезде в провинцию Тхайбинь. Но приведенные выше данные по крупным городам показывают, что индустриализация, рост культурного уровня и повышение социальной активности сами по себе ведут к снижению рождаемости.

Вьетнам — одна из самых густонаселенных стран мира. 54 миллиона вьетнамцев живут на площади 329,6 тысяч квадратных километров. Средняя плотность населения меньше, чем в Бельгии, Японии, Индии, но больше, чем, например, в ГДР, Венгрии. Но это только средняя. Ни в одной из названных стран нет такого неравно-

мерного распределения людских ресурсов. В горных районах, составляющих около двух третей территории, плотность населения не превышает 10 человек на квадратный километр, а в ряде провинций дельты Красной реки — более 1000.

ДЕТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ОБЩИН

Еще издали на довольно однообразном пейзаже равнины, покрытой рисовыми полями, возникают контуры корпусов будущей ТЭС. Сразу после паромной переправы через протоку Красной реки меня окружает оживленная, деловая атмосфера большой стройки. Клубы пыли вырываются из-под колес грузовиков. Резкий звук клаксона одного из них заставил растерянно шарахнуться в сторону крестьянина на велосипеде, везущего куда-то поросят в бамбуковых корзинах. Медленно и размеренно крутя педали, он загляделся на устремленную в небо стрелу башенного крана. Непривычен еще здесь новый ритм поднимающейся индустрии, поражают ее масштабы.

Среди людей в рабочих и солдатских спецовках преобладают молодые лица. ТЭС Фалай объявлена республиканской молодежной стройкой, и шефство над ней взял вьетнамский комсомол. Для большинства юношей и девушек, детей крестьян, здесь начинается путь в рабочий класс. И хоть пока не всегда хватает у них профессиональной выучки, за любое трудное дело они берутся с молодым энтузиазмом и задором.

ТЭС Фалай проектной мощностью 640 тысяч киловатт строится посреди сельскохозяйственных районов дельты Красной реки при помощи и при техническом содействии Советского Союза. Это один из крупнейших объектов социалистической индустриализации Вьетнама. Пожилому крестьянину на велосипеде, который так поразился размерами стройки, наверное, трудно в мыслях связать значение такой большой электростанции конкретно с его жизнью. Для него электричество — это 25-ваттная лампочка в доме, которая зажигается часа на два-три в сутки перед отходом ко сну. В лучшем случае это еще и водонасос, избавляющий от изнурительного качания воды черпаком. Он пока не связывает громаду из бетона и металла с рисом, мясом, одеждой и тем бо-

лее с множеством других вещей, которых в его деревне еще не знают. Но для его детей — крестьянских парней, пришедших на стройку, Фалай — это не только электричество, но и коренной перелом в жизни, путь в рабочий класс.

В двух сотнях километров к западу от Фалая — там, где равнина дельты Красной реки встречается со скалистыми горами Северо-Западного края, полным ходом идут строительные работы на еще одном энергетическом объекте вьетнамо-советской дружбы. Это гидроузел Хоабинь на самом полноводном притоке Красной реки — реке Черной. Его масштабы можно сравнивать с гидростанциями Волжского каскада, и, если не считать крупных ГЭС на великих сибирских реках, Хоабинь будет самым большим гидроузлом в Азии.

Мощность электростанции, машинные залы которой разместятся в чреве горы, достигнет почти 2 миллионов киловатт. Она будет давать ежегодно 8,5 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. О том, что это значит для Вьетнама, говорит одна лишь цифра: за 1981 год во всей стране было выработано около 4 миллиардов киловатт-часов.

Со стальной эстакады, которая подобно ласточкину гнезду прилепилась к склону горы на правом берегу, заместитель начальника Главного управления строительства Чан Мань показывает нам панораму стройки.

— Вот там, — протягивает он руку в направлении, где лента реки описывает дугу, зажатая меж двух высоких гор, — поднимется высокая плотина, которая образует водохранилище длиной в 200 километров и объемом в 9,5 миллиарда кубометров воды. Назначение гидроузла не ограничивается производством электроэнергии. Одна из проблем, которую он решит, — спасение от наводнений всей дельты Красной реки.

Слушая Чан Маня, я вспомнил, как во время сильного наводнения в 1971 году было принято вынужденное решение: открыть шлюзы в дамбах и выпустить воды вспухшей от дождей Красной реки, ее притоков на рисовые поля и деревни, затопить менее значительные районы, чтобы спасти Ханой и другие важные центры республики, самые густонаселенные рисопроизводящие провинции. Но и это стоило бедствий и лишений для миллионов людей.

Веками воздвигали люди дамбы вдоль берегов своих нравных рек Севера Вьетнама. В годы высоких павод-

ков бывает так, что Красная река у Ханоя, как в гигантском желобе, течет порой на семь метров выше уровня улиц и площадей столицы. Превышение аварийной отметки паводка означает национальную катастрофу. И в то же время в сухой сезон посевы на больших площадях нередко гибнут от нехватки воды. Гидроузел Хабинь выравнит эти перепады.

Скорее всего лишь немногие из 11—12 миллионов людей, в основном крестьян, работающих в поте лица на миллионе гектаров рисовых полей дельты, представляют какое непосредственное значение для их жизни имеет стройка в излучине Черной реки. Просто не будет наводнений и засух. Но и сейчас нередко выпадают такие удачные годы. Крестьянин привык бороться за каждый конкретный урожай в своей конкретной деревне. Здесь же речь идет о преобразовании природы на всей территории колыбели вьетнамской нации.

За горой, на левом берегу, где идут взрывные работы и проходка туннелей для самой подземной ГЭС, проляжет судоходный канал. Через него большие речные суда из Хайфона и Ханоя смогут попасть в водохранилище и продолжить путь до самого Лайтяу. Сейчас на всепроходящем УАЗе до этого центра крайней северо-западной провинции Вьетнама можно добраться по трудной и долгой горной дороге только в сухой сезон. Богатые природные ресурсы обширного края до сих пор почти не используются. Он считается одним из самых труднодоступных и неосвоенных районов страны. До сих пор горные народности в отрезанных от внешнего мира захолустьях выжигают леса, кочуя от склона к склону, оставляя истощенную двумя-тремя урожаями землю бывших пожарищ, охотятся с кремневыми ружьями и даже арбалетами. Из-за такой отдаленности и оторванности от внешнего мира с большими проблемами сталкивается там создание новых экономических районов.

Город Хоабинь, у которого идет строительство ГЭС,—один из старейших во Вьетнаме. Подобно другим провинциальным центрам, он внешне больше похож на деревню. Любой дом отстоит не далее чем на две-три сотни метров от рисового поля или плантации маниоки. На левом берегу, за рекой, вырос городок гидростроителей. В его облике нет уже ничего деревенского. Да и по размеру он скоро превзойдет старый. Но главное отличие нового Хоабиня от старого в том, что все его насе-

ление — рабочие крупной стройки. 20 тысяч вьетнамцев и сотни советских специалистов трудятся на гидроузле. Почти весь коллектив вьетнамских гидростроителей — это вчерашняя крестьянская молодежь, лишь недавно ставшая рабочими, техниками, инженерами.

Как и на других объектах вьетнамо-советской дружбы, здесь рождается большой отряд рабочего класса и квалифицированных командиров производства, которые смогут мыслить крупными категориями современной индустрии. Большинство вьетнамских специалистов проходят школу прямо здесь на стройке. Но многие получали квалификацию и в СССР.

В штреке будущего транспортно-кабельного тоннеля встречаюсь с двумя инженерами. Федор Пальчиков приехал сюда из ереванского «Гидроспецстроя» совсем недавно. А Нгуен Куанг Хоа, сын крестьянина из провинции Виньфу, работает в Хоабине уже шесть лет. После окончания Ханойского политехнического института он побывал на двухмесячной стажировке в СССР. Вернулся на родину, но и здесь в своей ежедневной работе постоянно сотрудничает с советскими людьми.

Не только инженеры и техники прошли школу в СССР. Я подошел к сварщику, работавшему рядом с тоннелем. Начал говорить с ним по-вьетнамски, а он в ответ, улыбаясь, — по-русски:

— Меня зовут Фам Ван Зунг. Работаю здесь с 1978 года, а до этого учился в Ташкентском ПТУ № 57.

Формирование рабочего класса в аграрной стране не такое уж простое дело. Для этого недостаточно поставить крестьянина к станку или посадить к рычагам экскаватора, показав, как с ними обращаться. Нужна определенная индустриальная культура. В развитой стране человек с детства видит вокруг себя технику, она наполняет игры ребенка, его быт. Крестьянскому пареньку во Вьетнаме приходится начинать это приобщение уже в зрелом возрасте. Остатки психологии крестьянина и мелкого ремесленника еще сильны в сегодняшнем рабочем классе Вьетнама.

За пятилетку 1976—1980 годов численность рабочего класса Вьетнама выросла на 40,7 процента, а квалифицированных рабочих — на 60,3 процента. Рабочие производят 39 процентов национального дохода. Эти цифры уже сами по себе говорят о быстрых социальных переменах. Но средний разряд остается низким, навыки не подкреплены широтой знаний. Только половина этого

числа новых рабочих прошла подготовку в ПТУ. Остальные обучались в работе.

Поэтому огромное значение имеют крупные стройки советско-вьетнамского экономического сотрудничества. Не только профессиональное обучение, но и просто ежедневное общение с советскими специалистами, восприятие их стиля работы формируют новый рабочий класс Вьетнама. Он растет на угольных карьерах Куангниня, в цехах цементного завода Бимшон, суперфосфатного Ламтхао и на десятках других объектов социалистической индустриализации.

Если же говорить о воздействии общения и современной среды, то трудно переоценить посылку тысяч вьетнамских юношей и девушек на учебу в ПТУ и долгосрочную стажировку на предприятиях Советского Союза и других социалистических стран. Там они приобретают профессии в узком смысле этого слова. Там они становятся рабочими современного производства, которые не только трудятся на современных промышленных предприятиях, но и все 24 часа в сутки в течение нескольких лет живут в среде социалистического индустриального общества. Что ни говори, сам быт и даже досуг влияют на психологию, отношение к труду. Рабочий, который восемь часов стоит у станка, а остальные 16 часов живет заботами крестьянской семьи в деревенском доме — это еще не совсем рабочий. Вернувшись на родину квалифицированными специалистами, дети крестьянских общин приносят с собой новые производственные отношения, полагают начало новым традициям.

* * *

Вьетнамец ведет отсчет своей жизни с деревни. «Бамбуковая крепость», окруженная водой, пронесла через века национальные традиции вьетнамского народа, не покорилась влияниям чужеземных захватчиков и самозванных опекунов. Выходцы из старой общины в дельте Красной реки перенесли с собой эти традиции на новые земли Юга, в города. И в Ханое, и в самом далеком уезде «южного полюса» Вьетнама — провинции Миньхай мы находим черты древней Нгуенса. Несмотря на различия в языке, поселениях, орудиях труда, температурах и даже внешнем облике, вьетнамец везде остается вьетнамцем. Северянин не чувствует себя чужим в дельте Меконга, и наоборот.

В традициях национального единства и патриотизма кроются глубокие корни побед Вьетнама в освободительных войнах. Здесь всегда четко проходила грань между понятиями «мы» и «они». «Мы» — это вьетнамский народ, независимо от разницы между северянами и южанами и даже между социальными слоями. Нельзя сказать, что в 1979 году, всего через четыре года после объединения страны, все вьетнамцы были полностью единодушны в самых животрепещущих вопросах внутреннего развития страны. Социальная и морально-психологическая обстановка в условиях многих трудностей послевоенного времени была непростой. Но нация мгновенно сжалась в единый кулак перед китайской агрессией. Все остальное отступило на второй план. Если в годы войны против американцев большим тылом служил Север, то в дни китайского вторжения эту миссию начал брать на себя Юг.

Контакты со старыми и новыми колонизаторами рашатывали общину, резко и безжалостно обрубали корни, связывающие крестьян с деревней, порождали уродства, покрывали вьетнамское общество болезненными язвами. Но община выстояла. Один мой вьетнамский знакомый сказал, что американцы потерпели поражение во Вьетнаме именно из-за стремления принести сюда свою «цивилизацию», обратить людей в свою веру, заменить общину небоскребами, а культ предков — журналом «Плейбой».

Я вовсе не считаю идеалом неизменный мирок патриархальной крестьянской общины, отгороженный от внешнего мира живым бамбуковым забором, а современные города, дороги, заводы — злом. Совсем наоборот. В соседней Кампучии мне довелось увидеть своими глазами, к чему привело претворение в жизнь полпотовцами сумасбродной «теории аграризма» — разновидности маоистских «идей». Опустошение городов, истребление городского населения, рабочих, интеллигенции — передовой части общества — вернули страну к средневековому мракобесию, привели ее на грань национальной катастрофы. Во Вьетнаме такого не произошло. Уход части жителей перенаселенных городов Южного Вьетнама обратно в деревни был лишь необходимым исправлением результатов противоестественного процесса.

Американцам было трудно понять, почему их бомбардировки Ханоя в декабре 1972 года вызвали возмущение даже среди той сайгонской «элиты», которую они «за-

щищали от коммунизма». Бесцеремонность ковбоя и прагматизм бизнесмена столкнулись с традициями «правильного поведения», уважения авторитетов и национальной старины. Ведь для всех Ханой олицетворял родную общину. Даже принятого в свой дом чужеземца Христа вьетнамец ставил на старый алтарь предков.

Да и не такой уж он неизменный, мир вьетнамской деревни. Об этом говорит тысячелетняя история освоения Юга; революционные перемены произошли и происходят в описанной здесь общине Нгуенса; старые отжившие традиции умирают сами собой; ремесленные кооперативы в деревне и в городе становятся промышленными предприятиями, а дети крестьян приходят на большие стройки и в цехи крупных современных предприятий, причем не придатками к автоматическим линиям, а творцами. Одним словом, развитие идет своим чередом. Вьетнам не подобен новому Гулливеру, опутанному нитями автомобильных магистралей, портов и промышленных предприятий. Он сам рождает их, постепенно, но уверенно; и, если самые крупные и современные объекты создаются не без помощи извне, он наполняет их организм своей плотью и кровью.

Только чуждое или преждевременное отбрасывается, не выдержав конфликта с восточной традицией, натолкнувшись на упругие бамбуковые стены. Но та же традиция отступает, когда речь идет о переменах, диктуемых внутренним ростом.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Нгуен, помнящий родство	5
Деревня-крепость	15
Рис насыщенный	24
Двор с арековыми пальмами	33
Побеги уходят в стороны	44
«Город взлетающего дракона»	53
Следы веков	65
Ханой и ханойцы	79
«Марш на Юг»	99
Сайгон — город Хошимин	121
Ворота в дельту	139
Южная житница	152
Рис Лонгана	160
На южном полюсе Вьетнама	178
«Великое переселение»	195
Дети крестьянских общин	202

80 к.